

Александр Харников

КАНЦЛЕР МАЛЬТИЙСКОГО ОРДЕНА

Вежливые люди
императора

Северный Сфинкс

К морю марш вперед!

Военная фантасстика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Александр Харников

**Канцлер Мальтийского
ордена: Вежливые люди
императора. Северный
Сфинкс. К морю марш вперед!**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Харников А. П.

Канцлер Мальтийского ордена: Вежливые люди императора.
Северный Сфинкс. К морю марш вперед! / А. П. Харников —
«Издательство АСТ», 2023 — (Коллекция. Военная фантастика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-158118-3

Недолго продлилось правление императора Павла I. Взойдя на престол в ноябре 1796 года, он был убит заговорщиками в марте 1801 года. Можно только гадать – как изменилась бы история нашего Отечества, если бы заговор гвардейских офицеров, оплаченный британским золотом, закончился неудачей. Вполне возможно, что не было бы кровавых войн с Наполеоном Бонапартом, не сгорела бы Москва, а Россия осталась бы в стороне от всеевропейской войны. Группа спецназовцев ФСБ «Град» и гражданских лиц из XXI века таинственным образом перенеслись в март 1801 года. И теперь судьба императора и всей России в руках этих вежливых «пятнистых» людей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-158118-3

© Харников А. П., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Вежливые люди императора	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	39
Глава 3	61
Глава 4	107
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Александр Харников
Канцлер Мальтийского ордена:
Вежливые люди императора. Северный
Сфинкс. К морю марш вперед!

© Александр Харников, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вежливые люди императора

Автор благодарит за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior) и Олега Васильевича Ильина.

Пролог

Давным-давно, на том месте, где через века появится Санкт-Петербург, простирались непролазные болота и рос вековой лес. Вдоль Невы в небольших деревушках жили коренные обитатели этих мест – ижоры. Они были язычниками и поклонялись своим богам, обитавшим в деревьях и камнях. Жрецы-арбуи с помощью волшебных заклинаний беседовали с богами и духами – добрыми и злыми, получали от них мудрые советы и предсказания. Богам и духам ижоры по праздникам приносили жертвы – добытую в лесах дичь, пойманную в Неве и в Ладоге рыбу, и другие дары здешней скудной северной земли.

Но среди множества языческих богов был камень-чародей, чей дух требовал совсем другие жертвы. Звался этот камень Атаканом. Ему не нужны были зайцы, утки и щуки. Ему нужна была теплая человеческая кровь. А если камень этот вовремя не окропляли кровью, то на ижорские деревеньки обрушивались страшные напасти – болезни, голод, нашествия безжалостных врагов. И ижоры вынуждены были убивать на этом камне людей – захваченных во время войн и набегов пленных, окропляя горячей кровью его заросшие ржавым мхом бока.

Шло время, и Атакан становился все более и более ненасытен. Он требовал все новые и новые жертвы. Пленных уже не хватало, поэтому ижоры начали приносить в жертвы кровавому камню своих сородичей. И ничего с этим поделать было невозможно.

Ижоры плакали, горевали, а потом взмолились перед духом Невы-кормилицы и попросили ее спасти их бедных от гнева ненасытного Атакана. Сжалилась над ними река, изменила свое русло и погребла в пучине глубоких вод своих страшный камень.

Обрадовались ижоры, горячо поблагодарили матушку-Неву, только радость их оказалась преждевременной. Атакан начал мстить людям за то, что они перестали приносить ему жертвы. В том месте на Неве, где на дне реки навек упокоился кровавый камень, стали происходить страшные вещи. То лодка с рыбаками опрокинется, и люди, запутавшиеся в сетях, пойдут ко дну. То моряк с проходящего по Неве купеческого судна свалится за борт и утонет. То стирающая на реке белье женщина ни с того ни с сего упадет с мостков в воду и захлебнется.

Шли века, менялась жизнь на землях племени ижор. Отшумели-отгремели жестокие сражения Северной войны, и на берегах Невы волею русского царя Петра Алексеевича «из тьмы лесов и топи блат вознесся пышно, горделиво» огромный город, ставший новой столицей Российской империи. А в том месте, где на дне Невы лежал кровожадный камень Атакан, проложили переправу, соединявшую Новгородский тракт с дорогой на Выборг. В 1786 году, в царствование императрицы Екатерины Великой, здесь навели Воскресенский плашкоутный мост.

Страшный же камень продолжал собирать свои жертвы. Шепотом местный люд рассказывал, что в полнолуние на Неве, в том месте, где на дне реки лежал Атакан, вдруг появлялся черный водоворот, который втягивал в себя не только людей и животных, но и свет ночных звезд и луны. А из водоворота «вылазила всякая нечисть», измывавшаяся над православным людом – «поганные рожи корчила да срамные слова кричала». Привлекал таинственный черный водоворот и самоубийц, которых словно магнитом тянуло в эти гиблые места.

Во времена императора Александра II Освободителя на этом месте начали строить постоянный каменный мост. И вот, в сентябре 1876 года, полужидкий грунт прорвался в кессон, где работали двадцать восемь человек – строителей моста. Пятеро из них погибли. Через год

на том же самом месте произошел взрыв. Массивный потолок кессона отбросило далеко в сторону. Девять рабочих, находившихся наверху, этим взрывом убило на месте. Илистый грунт хлынул в кессон и затопил работавших в нем людей. Ликвидация последствий этой катастрофы длилась около года. Летом 1878 года с того гиблого места извлекли двадцать мертвых тел. Причину взрыва так и не удалось выяснить.

В 1879 году мост наконец торжественно открыли. Он был назван в честь императора Александра II и получил имя Александровского. А через некоторое время на нем стали пропадать люди. Не гибнуть, а просто бесследно исчезать, словно их никогда и не было.

Знатоки петербургских тайн рассказывали, что мост, который после революции переименовали в Литейный, в полнолуние окутывает таинственный желтый туман, и вошедшие в него люди пропадают «неведомо куда» – какая-то колдовская сила забрасывает их в иные времена, в иные земли, откуда никому назад ходу не было. Правда это или нет, никто точно сказать не мог...

Глава 1

Они спасут тебя

*13 сентября 2018 года. Санкт-Петербург. Набережная Робеспьера
Василий Васильевич Патрикеев – журналист и историк*

Интересно, почему так темно на улице? Если верить календарю, то на дворе должно быть полнолуние. Но на небе не видно ни звезд, ни луны. Да и свет от фонарей на набережной Робеспьера какой-то странный, словно неземной. Чудеса, да и только!

Из дома я вышел загодя, и на вокзал, по всем моим расчетам, должен был успеть. Там я не спеша куплю билет на последнюю электричку и отправлюсь в свое любимое Орехово. Доберусь я до него за полночь, но от станции до дома идти всего ничего. Середина сентября считается в Ленинградской области бабьим летом, но по ночам уже случаются заморозки. Потому-то, выходя из дома, я оделся потеплее, поддев под куртку-ветровку вязаный шерстяной свитер.

А завтра с утра я снова засяду за свою книгу. Хорошо работается за городом – тишина, свежий воздух, птички чирикают, словом, именно то, что нужно для творческого процесса. Сейчас я пишу об одном изрядно подзабытом эпизоде отечественной истории. А именно – о визите в начале XIX века незваных аглицких гостей в тогдашний Ревель.

Вскоре после убийства заговорщиками императора Павла I на Балтику вломился со своей эскадрой знаменитый британский адмирал Горацио Нельсон. 2 апреля 1801 года он без объявления войны напал на Копенгаген, разгромил датский флот и обстрелял городские кварталы столицы королевства. Следующей его целью должен был стать Ревель. Но там Нельсону не удалось повторить то, что он сотворил в Копенгагене. И пришлось однорукому британскому флотоводцу неуклюже попытаться выдать вторжение в российский порт за визит вежливости. Хороша вежливость – наведенные на город и порт пушки, и морские пехотинцы на борту английских линейных кораблей и фрегатов.

Какое интересное было тогда время! Если бы заговор графа Палена и братьев Зубовых провалился и император Павел I остался бы жив, то история России могла пойти по совсем другому пути. Не было бы войн с Наполеоном, Аустерлица, Прейсиш-Эйлау, Фридланда, Тильзитского мира, битвы на Бородинском поле, сожженной Москвы, гибели сотен тысяч людей, кровопролитных сражений за пределами России, «Битвы народов» под Лейпцигом и взятия Парижа.

А ведь император Павел Петрович сделал тогда правильный вывод из ошибок, допущенных им во время войны с французской Директорией. Он убедился, что так называемые союзники России используют русские войска только как пушечное мясо, а в случае, когда им это выгодно, преспокойно предают «варваров-москвитов».

Все необходимое для моей работы заранее скачано на флэшку, а несколько книг – справочников лежат в дипломате. Там же находится и мой ноутбук. Что мне еще надо? Да в общем-то ничего. Кое-что из еды есть в холодильнике на даче. Ну, а если и захочется чего-нибудь вкусенького, то все необходимое можно без особых проблем купить в местном «сельпо».

Однако хорошо быть пенсионером! Вот уже третий год подряд я не спешу по утрам в редакцию и полностью волен в своих поступках. Хотя если честно, то порой я сильно скучаю по работе. Журналист – профессия мобильная. Мне пришлось поехать по стране, побывать во многих «горячих точках». В «лихие 90-е» довелось поработать в СМИ в качестве репортера, освещавшего работу правоохранительных органов. С той поры у меня появилось немало хороших знакомых в этих самых органах. Правда, некоторые из них, как и я, уже на заслуженном отдыхе. Других нет в живых. А некоторые до сих пор продолжают трудиться на своих постах. Но журналистикой я теперь занимаюсь, что называется, не выходя из дома. Работаю с матери-

алами по истории России и мечтаю написать книгу, в которой попытаюсь разрушить некоторые устоявшиеся мифы и стереотипы о славном прошлом нашей Родины.

...Вот впереди уже показались изящные пролеты Литейного моста с его узорчатыми чугунными перилами. Осталось лишь пересечь Неву, свернуть на Арсенальную набережную и, продефилировав мимо Ильича, стоящего на броневике с протянутой рукой, войти в кассовый зал Финляндского вокзала.

Неожиданно в глазах у меня потемнело. Со мной такое порой случается – гипертония дает о себе знать. Но то, что происходило сейчас, меньше всего было похоже на обычный гипертонический криз. Вокруг меня вдруг все завертелось и закрутилось с бешеной скоростью. Я почувствовал, что проваливаюсь в огромную черную воронку. Неведомая сила подхватила меня как пушинку и потащила в бездонную дыру, разинувшую страшную пасть рядом с опорами Литейного моста. В ушах раздался адский хохот. На какое-то время я потерял сознание...

Очнулся я от холода. Я сидел на снегу, хотя всего несколько минут назад снега и в помине не было, а на газонах зеленела слегка пожухлая от ночных заморозков трава. Все вокруг выглядело так, словно из сентября я перенесся в январь или февраль. В окружающем меня мире все неожиданно изменилось. Куда-то пропал Литейный мост, не видно было силуэта Финляндского вокзала, гостиницы «Санкт-Петербург» и корпусов Военно-медицинской академии. Местность показалась странно знакомой, но где я ее раньше видел, мне так и не удалось вспомнить.

Шагах в ста от меня стояли какие-то машины, три из них были «Тиграми» – бронированными машинами силовиков. Рядом с закамуфлированными «Тиграми» стоял тентованный грузовичок, а еще одна машина, судя по синей мигалке и канареечному цвету кузова, была «скорой». Вокруг них мелькали силуэты людей.

Кряхтя и охая, я поднялся с земли, отряхнул снег с одежды и, слегка прихрамывая, направился к машинам. Люди вокруг них, что-то горячо и эмоционально обсуждавшие, заметив меня, словно по команде замолкли.

Оба-на! А тут, похоже, находятся ребята из «системы» – на плечах двух из них я заметил звездочки, причем крупные. Один из офицеров – к сожалению, лицо я его не мог разглядеть в темноте – вдруг изумленно воскликнул:

– Васильич, а ты что тут делаешь?! Что, и тебя угораздило попасть под этот замес? Может быть, ты подскажешь нам, что это было и куда мы попали?

Я узнал по голосу своего старого знакомого – подполковника Михайлова из питерского «Града». Мы познакомились с ним много лет назад, во Вторую Чечню под Аргуном. Тогда он был еще старшим лейтенантом. Позднее мы не раз с ним встречались, как во время официальных мероприятий, так и в частном порядке.

– Ничего не могу понять, Игорек, – ответил я. – Кстати, приветствую тебя! Сколько мы уже с тобой не виделись? А кажется мне вот что – нас с тобой куда-то зафутболило. Ты, кстати, любишь романы о попаданцах, то бишь о путешественниках во времени?

– Люблю... – растерянно пробормотал он. – А что, Васильич, и ты считаешь, что нас занесло в прошлое или будущее? Во дела! А где мы сейчас, по-твоему, находимся?

– Эх, если бы я знал... Будем смотреть и размышлять. Ясно только, что на дворе зима, и что мы в прошлом. Большого я тебе ничего точно сказать не могу. Хотя, – я внимательно огляделся вокруг, – кажется, начинаю догадываться...

* * *

*13 сентября 2018 года. Санкт-Петербург. Литейный проспект.
Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РССН УФСБ по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области «Град»*

Вот и не верь после всего случившегося в плохие предчувствия. Редко когда моя «чуйка» меня подводила – в этом я убеждался не один раз. Она спасала мою задницу в самых невероятных ситуациях, и потому, наученный горьким опытом, я со всем вниманием относился к ней.

Это я все к тому, что мне почему-то сразу не понравилась «гениальная» идея вышестоящего столичного начальства провести совместные учения наших орлов с «Гранитом» – СОБРом Управления питерской Росгвардии. Нет, против самих «гранитчиков» я ничего не имею – ребята там служат неплохие, со многими из них мне приходилось иметь дело по службе. Но что-то в грядущих экзерцициях меня сразу же насторожило. Впрочем, как потом выяснилось, на ростовардейцев я грешил зря. В том, что с нами сегодня стряслось, они не виноваты. А вот что это было, я до сих пор понять не могу.

Согласно бумаге, пришедшей из Москвы, нам надлежало следовать «конно и оружно» в Лемболово, в Учебный центр Росгвардии, где наши бойцы должны были взаимодействовать с СОБРом, проявляя мужество и массовый героизм – «освобождать заложников» и «задерживать террористов». Наверняка туда уже привезли пару списанных автобусов и легковушек, которые мы в ходе учений превратим в металлолом.

Отправиться к месту проведения игрищ для столичных гостей должно было отделение, плюс снайперская пара. Ну, и я, от руководства «Града». Итого – четырнадцать человек. Хорошо, что не чертова дюжина. Человек я не суеверный, но ехать, хоть бы и на учения, тринадцатого числа в количестве тринадцати человек – это как-то уж совсем стремно...

В Лемболово мы отправились на трех «Тиграх», прихватив с собой всю штатную экипировку отделения: щиты, броники, штурмовые костюмы, шлемы. Ну, и, конечно, оружие: начиная от короткостволов и заканчивая «калашами» и ГМ-94¹. Боеприпасов и спецснаряжения мы прихватили с большим запасом – кто знает, сколько нам придется палить, ломать и безобразничать вместе с коллегами из «Гранита», дабы угодить начальство, которое будет наблюдать за нашей «войнушкой». В общем, как говорил кто-то из царских сатрапов: «Патронов не жалеть!»

Начальство попросило меня подхватить на Литейном 4, у Большого дома², одного из столичных кураторов совместных учений, майора Коновалова, с которым я был немного знаком. Мужик неплохой, с боевым опытом. Пальцы никогда не гнул, права не качал, и с ним можно всегда найти общий язык.

Но майора у Большого дома не оказалось. Я связался с ним по мобильнику, и он попросил меня подождать минут десять. Дескать, сейчас ему должно позвонить начальство из Москвы и дать очередные ЦУ. Эх, если б не та задержка, то, вполне возможно, все было бы по-другому...

Что произошло – я так и не понял. Все случилось неожиданно. В глазах у меня потемнело, словно я оказался на центрифуге – было такое в моей биографии. Руки и ноги вдруг налились тяжестью, желудок подпрыгнул до самой глотки, а рот заполнила тягучая слюна. Чудовищная сила вжала меня в сиденье. Сзади, в пассажирском отсеке что-то загремело. «Тигр» подпрыгнул, будто норовистый конь. Я посмотрел в окно, но там было темно, как у негра в... ухе.

«Тигр» наклонился вниз и задним ходом съехал в огромную воронку. Потихоньку возвращение стало замедляться. Наступила ватная тишина. В пассажирском отсеке кто-то надрывно закашлялся и хрипло выругался. За окном снова стали видны звезды и полная луна. Но я почувствовал, что мы находимся не у въезда на Литейный мост, а в каком-то совершенно ином месте, хотя оно и показалось мне смутно знакомым.

¹ ГМ-94 – российский помповый гранатомет с подвижным стволом.

² В доме 4 по Литейному проспекту находится Управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В народе это огромное мрачное здание называют Большим домом.

Я открыл дверь машины и осторожно высунул голову из салона. В лицо пахло морозцем. Рядом с нами стояли два других наших «Тигра», какой-то тентованный грузовичок и канареечного цвета «скорая» с надписью «реанимация». Мигалки ее работали, отбрасывая во все стороны лучи синего света. До меня донеслись приглушенные голоса. Странно, но на улице не было видно ни фонарей, ни рекламных щитов. Впереди я заметил покрытую льдом и заметенную снегом реку, весьма похожую на Неву. Но если это была Нева, то куда подевались Литейный мост, Финляндский вокзал, Большой дом? И вообще, куда мы попали?!

Все неясное – опасно. Это золотое правило не раз выручало меня в разных передрыгах. Поэтому я передал по рации своим ребятам команду «Занять круговую оборону!» и попытался связаться по рации с базой. Но эфир был пуст – девственно пуст. Все в нем словно вымерло. Лишь изредка в динамике потрескивали какие-то атмосферные помехи. Я попробовал перейти на другие частоты, но результат был таким же. Странно все это, очень странно...

– Викторыч, что происходит? – спросил у меня подполковник Баринов, командир отделения и мой старый приятель. – Если ты что-то понимаешь, то я ни бум-бум. Ясно только одно – мы угодили в какой-то катаклизм. А вот в какой именно?

– Мне и самому, Коля, ни черта не понятно. Такое впечатление, что мы в Питере, но что-то тут не так. Все выглядит, словно мы перенеслись в прошлое. Вроде мы остались на том же самом месте, но многие приметные вещи куда-то подевались...

– Товарищ подполковник, – неожиданно вмешался в наш разговор «Сыч», в миру старший лейтенант Герман Совиных. – Очень все это похоже на то, как будто бы мы перенеслись в другое время. Знаете, как это бывает в романах о путешествии из одного века в другой. Где-то что-то там переклинило, и мы провалились в прошлое. Я люблю читать книги о попаданцах. Сейчас их много выходит...

– Гм, говоришь, в прошлое? – мне почему-то не понравилось предположение Сыча, однако оно объясняло многое из происходящего вокруг нас. На всякий случай я посоветовал Баринову поставить задачу его бойцам: вести наблюдение, о всех, кто появится поблизости от нас, немедленно докладывать, а в случае прямого контакта не проявлять явной агрессии. Словом, как в детской игре: «Да и нет не говорить, черное и белое не называть». Ведь еще не известно, как местное население отнесется к нашему появлению. Может, примет нас за выходцев из ада, которые вдруг свалились на их бедные головы.

Сам же я вместе с Сычом вылез из «Тигра» и решил поближе познакомиться с теми, кто сидел в «скорой» и в грузовичке. Эти-то уж точно были не из прошлого. Похоже, что они, как и мы, угодили в ту же воронку, и вместе с нами их закинуло неведь куда.

– Пан (это был позывной Баринова), тут какой-то человек идет в нашу сторону, – передал по рации один из бойцов. – Одет вроде по-нашему, а в руках у него дипломат.

– Пусть идет, – ответил Пан, – а ты продолжай наблюдение, не теряй бдительность.

Вскоре я увидел мужчину, который, прихрамывая, брел по снегу. У меня хорошая зрительная память, и внешность этого человека показалась мне знакомой.

Ха! Да это же Вася Патрикеев! В свое время мне приходилось с ним встречаться в Чечне и в других «горячих точках». Он был нормальным журналистом, писал честно (иногда даже излишне честно), нос кверху не задирал, из себя супер-пупер «акулу пера» не изображал. Правда, в последнее время он, по слухам, вроде отошел от журналистики и занялся историей. Во всяком случае, так мне об этом рассказал он сам при нашей с ним последней встрече. Я решил его окликнуть.

Патрикеев тоже обрадовался встрече со мной. Похоже, он был сильно озадачен происходящим и пытался понять, что же такое случилось. По всему выходило, что Сыч оказался прав и нас каким-то образом забросило в прошлое. Патрикеев, как человек, хорошо знающий отечественную историю, даже примерно определил, в какое именно время.

– Игорь, – сказал он, – мы, скорее всего, попали в царствование Екатерины Великой или Павла Петровича... Последний вариант, как мне кажется, более правдоподобен. Эх, было бы чуток светлее, я бы с точностью до года определил, где мы сейчас находимся.

А насчет места – это Литейная часть. Тут рядом должны находиться здания Арсенала, Литейного двора и недавно перестроенной церкви Сергия Радонежского. Слушай, Игорь, а ведь это просто здорово! Я сейчас как раз пишу книгу о событиях, предшествовавших заговору против императора Павла I. Точнее, писал... А теперь, может быть, я увижу все своими глазами...

– Угу, увидишь, – я попытался вернуть Васильича к суровой действительности. – Возьмут здешние держиморды и законопатят нас всех по приказу царя в Петропавловку или в Шлиссельбург. Много ты увидишь из одиночной камеры.

– Надо сделать так, чтобы этого не произошло, – наставительно произнес Патрикеев. – А потому следует каким-то образом выйти на самого императора. И мне, и вам. Твои головорезы в два счета ухайдокают всю эту зубовско-паленовскую банду.

– А как нам выйти на императора? Взять, да всей толпой, словно ходоки к Ленину, завалиться к нему в Михайловский замок и сказать: встречайте, ваше императорское величество, своих спасителей. Ага, тебя там встретят и проводят – туда, куда Макар телят не гонял...

Неожиданно заработала рация, и один из наблюдателей сообщил, что в нашу сторону движется открытый конный возок, сопровождаемый двумя всадниками. Интересно, кто это может быть?

* * *

13 сентября 2018 года. Санкт-Петербург. Литейный проспект.

Иванов Алексей Алексеевич, частный предприниматель и любитель военной истории

– Слышь, Леха, а ты точно уверен, что наша уважаемая Татьяна Ивановна ничего не напутала и самолет упал именно там? – спросил меня Димон. – А то ерунда получится – приедем, поныряем, водку для сугрева вылакаем, консервы слопаем и назад порожняком покатым.

– Уверен на все сто процентов, – ответил я, притормозив на светофоре. – Так же, как и в том, что ты редкостный зануда. Который уже раз ты задаешь мне один и тот же вопрос? Тебе что, расписка от меня нужна?

Сидевшая рядом со мной Дашка захихикала. Она с детства знала Димку, и сколько себя помнила, именно так мы с ним все время и общались. Дмитрий Викторович Сапожников – для нее просто дядя Дима – был моим лучшим другом и ее наставником. И учил он ее не светским манерам, а умению обращаться с аквалангом, заряжать баллоны и прочим хитростям водолазного ремесла. Ну и еще кое-чему, чего представительницам прекрасной половины рода человеческого знать не положено.

Срочную Димон служил на флоте. До этого он еще пацаном посещал клуб ДОСААФ, где в наше время можно было абсолютно бесплатно научиться стрелять, прыгать с парашютом и водить машину. Димка же, начитавшись Жюль Верна, решил стать кем-то вроде капитана Немо. Он учился всем хитростям подводного плавания, причем делал это старательно, что было отмечено и в военкомате. Потому, когда подошло время призыва, его и отправили на Черноморский флот, где все три года службы он занимался привычным для себя делом – «нырни-вынырни».

Потом Димка остался на сверхсрочную – слова «контракт» тогда и в помине не было. Он продолжил службу в 102-м отдельном отряде борьбы с подводными диверсионными силами в Севастополе и дослужился до старшего мичмана.

А потом начался перестроечный бардак, и ему пришлось сделать выбор, под какими знаменами служить дальше – под славным Андреевским флагом или жовто-блакитным прапором. Флаг и гражданство Димон менять не захотел, а в усеченном и реорганизованном пост-перестроечными «мудрецами» Черноморском флоте ему места не нашлось. Плюнув на все, он подал рапорт на увольнение и, выйдя на гражданку, укатил в родной Питер, где устроился в частную контору, обучавшую премудростям подводного плавания собиравшихся провести отпуск на пляжах Турции и Египта. Точнее, тех из них, кто имел гроши для того, чтобы оплатить это обучение.

Среди «богатеньких Буратин» оказалось немало любителей экстрима, которые не желали, лежа кверху пузом, загорать на золотистом песочке где-нибудь в Анталье. Нашлось немало и таких, кто предпочитал с аквалангом любоваться красотами Средиземного или Красного моря, а потом демонстрировать своим приятелям удивительные по красоте фотографии экзотических рыб и морского дна.

Я знал Димку еще с детства – мы учились в одной школе, только в параллельных классах. Жил он в соседнем дворе. Более близко мы с ним познакомились уже в зрелом возрасте – я к тому времени уже всерьез занялся бизнесом, а он, после ухода на «гражданку», вернулся из Крыма и подыскивал работу. Мать его к тому времени уже умерла, отец же бросил их сразу после Димкиного рождения. Сам же он семьей так и не обзавелся.

Встретились мы с ним на улице, поговорили о том о сем, вспомнили молодость, школу... Именно я и свел его со знакомым коммерсантом, которому позарез был нужен профессиональный дайвер. Димка оказался для него именно тем, кого он искал.

Мы стали с ним встречаться, дружить домами. Как я уже говорил, Димка был один-одинешенек. Поэтому он чаще бывал у меня дома, чем я у него. Моя Дашка – тогда она только-только пошла в первый класс, – развесив уши, слушала рассказы дяди Димы об экзотических обитателях морских глубин (а рассказчиком он был, как и все моряки, первоклассным), о затонувших кораблях и пиратских сокровищах. А когда ей стукнуло четырнадцать, она упростила Димона научить ее плавать под водой с аквалангом. И тот ее обучил – на мою седую голову...

Вообще Дашка моя по жизни оказалась какой-то экстремалкой. Не знаю, в кого она такая – я рос вполне нормальным ребенком, жена, если верить теще, тоже в детстве не выделялась из общей массы своих сверстниц. А вот Дашку почему-то все время тянуло на подвиги, связанные с усиленным выделением адреналина, причем у нас с супругой от ее поступков этот самый адреналин выделялся в том же количестве (если не в большем).

Она не бегала на танцы в дискотеки, не обсуждала вместе со своими подругами новости молодежной моды и мальчиков-одноклассников. Удивительно, но Дашку интересовали совсем другие вещи. Достигнув немалых успехов в дайвинге (спасибо тебе, дядя Дима!), она устремилась в небо. Вскоре моя дочь освоила параплан и дельтаплан. Потом ее потянуло на татами, где она заработала какие-то там пояса в айкидо и карате. Какое новое экстремальное увлечение теперь у нее на очереди, мы могли только догадываться. Но явно это было не коллекционирование марок, макраме или вышивка бисером.

Хотя те, кто не знал о Дашкиных увлечениях – а она их особо и не афишировала, – даже не подозревал, что в этой красивой синеглазой и рыжеволосой девице сидит настоящий сорви-голова. Как ни странно, Дашка, в отличие от своих сверстниц, не злоупотребляла косметикой, отрицательно относилась она и к новомодным пирсингам и тату.

«Знаешь, папа, – говорила Дашка, – что мое, то мое. А все эти разноцветные татуировки с русалками на животах, попках и лопатках, кольца в ноздрях и бровях пусть носят те, кто хочет быть похожими на папуаску из племени ням-ням. А я не хочу, чтобы меня принимали за дикарку или засиженную арестантку».

Сегодняшняя же поездка стала настоящим праздником для Дашки. Дело в том, что мы с Димкой узнали от одной старушки, жившей в районе Лемболово, о том, что во время войны

наш пикирующий бомбардировщик, подбитый финским истребителем, упал в Лемболовское озеро. Чтобы стало понятно, я поясню – есть у нас с Димоном одно общее увлечение – военная история, а точнее, история Великой Отечественной войны. Ну и, естественно, история боевой техники, на которой били фрицев наши предки.

Была у нас и заветная мечта – найти более-менее сохранившийся образец этой самой техники. Мы с уважением относились к поисковикам, которые каждый сезон поднимали из земли останки воинов Красной Армии, сложивших головы за нашу Родину. Но нам хотелось самим найти что-нибудь связанное с памятью о той войне, причем находка должна была быть такой, чтобы о ней заговорили. Если вы считаете меня и Димку тщеславными эгоистами, Бог вам судья. Но ведь мечта должна быть у каждого человека, не так ли?

Поэтому вполне понятно, что рассказ старушки, которая своими глазами видела падение нашей «пешки» в озеро, нас заинтересовал. В 1943 году Татьяна Ивановна была молоденькой санитаркой в медсанбате, и ей на всю жизнь запомнилось, как финский самолет с голубыми свастиками на крыльях подбил наш двухмоторный бомбардировщик, а выбросившийся с парашютом экипаж расстрелял в воздухе из пулеметов.

– Потом наши на лодке подплыли туда, где он упал, и нашли всех троих, – рассказывала Татьяна Ивановна, – только они уже были мертвые. А место, где все случилось, я хоть сейчас могу показать.

На своей машине я отвез ее на берег озера. Татьяна Ивановна почти сразу нашла место, где находился медсанбат, в котором она служила – теперь там высились трехэтажные дачные коттеджи, – а потом уверенно указала, куда именно упал самолет. Я обвел на карте район будущих поисков и прикинул, что это не так уж далеко от берега. Участок, где могла находиться «пешка», оказался сравнительно небольшим.

Сборы наши были недолги. Мы приготовили все нужное для погружения имущество: компрессор, акваланг, гидрокостюм, металлоискатели, надувную лодку, подвесной мотор к ней, палатку, спальные мешки, запас еды на неделю. Все это мы погрузили в мой четырехдверный грузовичок ЗИЛ «бычок» и уже собирались тронуться в путь, как вдруг Дашка, пронюхавшая о нашей поисковой экспедиции, прицепилась к нам как репей – возьмите и ее тоже!

Зная, что спорить с ней бесполезно, мы с Димкой, после недолгого совещания, решили, что она нам не помешает, скорее наоборот. Ведь с двумя водолазами шансы найти самолет возрастают вдвое. Так что в нашем багаже появились еще один акваланг и гидрокостюм.

Ну и до кучи пришлось взять с собой моего черного терьера по кличке Джексон. Если мы с Дашкой уедем вместе, то жена, у которой уже побаливали ноги и поясница, просто не справится со здоровенным псом, когда выведет его на прогулку. Собакевич был силы невероятной и тянул поводок так, что даже я, крепкий мужик, едва его удерживал. Впрочем, Джексон мог нам пригодиться – ведь пока мы будем заниматься погружениями, он станет нашим сторожем. Зная его суровый нрав, можно было гарантировать, что ни один мазурик не сможет незаметно подобраться к нашему лагерю.

Мы решили выехать поутру, чтобы к обеду уже быть на месте. Но у Дашки вдруг неожиданно возникли какие-то проблемы с учебой – она была студенткой 5-го курса Финансово-экономического университета, – и мы смогли отправиться в путь только поздним вечером.

– Ничего страшного, папа, – жизнерадостно заявила Дашка, – приедем на место ночью, поставим палатки, разведем костер, я вам пожарю сосиски на вертеле, перекусим, а потом ляжем спать. Джексон будет охранять нас от диких зверей и диких людей. А поутру займемся делом...

Димка лишь вздохнул, но в спор со своей бывшей подопечной и любимицей вступать не стал. Он вообще не любил спорить с женщинами. Возможно, именно поэтому Димон и остался холостяком. Джексон же, поняв, что ему можно будет вдоволь поноситься на воле, завилял обрубком хвоста и от полноты чувств тьякнул...

Мы ехали по Литейному в сторону Финляндского. Там, у вокзала, нас должен был встретить один мой хороший знакомый, который пообещал передать мне хорошую карту с проемами глубин озера, на дне которого лежал наш бомбардировщик. Но до Финляндского вокзала мы так и не доехали...

Все произошло неожиданно. В глазах у меня потемнело, руль, словно живой, вывернулся из рук, и какая-то неведомая чудовищная сила швырнула мой грузовик в сторону. Он встал на дыбы, будто бык в тexasском родео, а потом скатился в огромную черную воронку. Рядом со мной взвизгнула от неожиданности и испуга Дашка, жалобно заскулил Джексон, а сзади витиевато, как умеют только моряки, выругался Димон. Мотор моего «пепелаца» заглох, и на какое-то время я потерял сознание...

Когда я очнулся, то с удивлением обнаружил, что окружающий мир чудесным образом изменился. Во-первых, вместо ранней осени за окном грузовика стояла настоящая зима. Темень была полнейшая, словно в районе отключили электричество и все фонари и рекламные щиты разом потухли. Я не видел ни Литейного моста, ни набережной с гранитными парапетами и спусками, ни Финляндского вокзала. Но меня немного успокоило то, что рядом с нами стояло несколько машин, и одна из них, желтого цвета с надписью «реанимация», отсвечивала мигалкой. «Значит, – подумал я, – случись чего, есть кому оказать нам первую помощь. Но это если она потребуется».

Впрочем, ни мне, ни Дашке помощь не была нужна. Лишь Димон стукнулся лицом обо что-то в кабине, и у него из носа текла кровь. Но с такой травмой обращаться к врачу настоящему мужчине просто стыдно.

Я осторожно приоткрыл дверь. В лицо пахло морозным ветром.

– Эй, мужики! – крикнул я в темноту. – Есть кто-нибудь, кто объяснит, что здесь такое происходит?

– Сами ломаем голову, – отозвался кто-то. – Чертовщина какая-то...

Я захлопнул дверь кабины.

– В общем, так – сидим и ждем. Похоже, что произошло нечто странное, чему пока еще не нашли объяснение. Как только обстановка прояснится, будем решать, как нам выбираться из этой катавасии...

– Ой, папа, до чего же все это интересно! – радостно воскликнула Дашка, испуг которой уже прошел, и она снова стала похожей на себя. – Я так люблю приключения! Может, мы попали в Тридевятое царство?! Или нас похитили инопланетяне?

– Этого нам только не хватало, – проворчал Димка. – Попасть-то мы попали, а как из всего этого теперь выбираться-то будем?

– Папа, а может, мы провалились в прошлое? – спросила Дашка. – Сейчас об этом столько книг написано! Представляешь – мы в Средневековье! Сейчас такое начнется... – и она мечтательно закатила глаза. – Перед нами появится сам князь Александр Невский. Или выскочат викинги в рогатых шлемах.

– Этого не может быть, потому что не может быть никогда, – нравоучительно произнес Димон, держа на переносице испачканный кровью мокрый носовой платок. – Фантастика на втором этаже. К тому же викинги в рогатых шлемах – это бред сивой кобылы. Не было у этих средневековых бандитов с большой дороги рогов – если только их жены не награждали ими непутевых мужей, ушедших со своими конунгами за богатой добычей.

Но, как оказалось, *это* может быть. И вскоре мы убедились в этом...

* * *

*13 сентября 2018 года. Санкт-Петербург. Литейный мост.
Антонов Геннадий Михайлович, врач-реаниматолог*

Началось в деревне утро, заорали петухи... Только что мы отвезли в ВМА³ пациента с проникающим ножевым ранением. История простая, как коровье мычание – два лихих молодца вдрызг разругались в занюханной питерской забегаловке. Одному показалось, что его собутыльник налил себе в стакан на полпальца больше шнапса, чем ему. И, вместо простонародного битья в морду, обделенный схватился за нож. Ну, а дальше, как в песне: «Вжик-вжик-вжик – уноси готовенького...» В общем, в животе у его оппонента откуда-то появилась дырка.

Похоже, у раненого была повреждена печень. Налицо все характерные симптомы: обильное кровотечение из раны, бледность кожных покровов, потливость, учащенный пульс. Хорошо, что мы вовремя получили заявку.

Подъехали быстро – почти сразу же после ментов. Те уже успели повязать злодея, забить его в наручники и сунуть в «обезьянник». Похоже, что тот испугался не меньше, чем его жертва, и лил слезы по своей свободе, на которую он выйдет, скорее всего, нескоро. Ну, а мы, оказав пациенту на месте первую помощь, повезли его в Военно-медицинскую академию. Там ребята опытные, для них пулевые и колото-резаные ранения – вещь такая же привычная, как аппендицит для гражданских медиков.

Довезли мы мужичка живого, не дали ему по дороге загнуться. Ольга – наш фельдшер – вколола ему антишоковое и поставила капельницу. В ВМА порезанного сразу перекинули на носилках и повезли в хирургию – резать дальше. Если повезет, то выкарабкается. Лишь бы все обошлось без перитонита.

Пока я заполнял документы, Ольга и наш водила Валерий Петрович кое-как привели в порядок салон реанимобиля. С пациента кровушки натекло немало, и внешне салон выглядел так, словно в нем только что зарезали парочку хрюшек. Мы, медики, народ ко всему привычный, но кровушку все же надо затереть. Не ровен час, поскользнешься на луже крови, и тогда тебя самого с переломом или вывихом повезут в травматологию.

В общем, когда мы вывернули с набережной на Литейный мост, настроение у всех нас было изрядно подпорчено. Особенно у Ольги – она печально смотрела на запачканную кровью куртку и тихо бормотала под нос, все поминая некие человеческие органы, отличавшие мужчину от лица противоположного пола.

Валерий Петрович, который за свою многолетнюю работу на «скорой» видел много всякого, был спокоен, как море в штить. Я слышал, что ему довелось послужить в Чечне сан-инструктором, где он наглядился на такое, что людям со слабыми нервами лучше не видеть вообще. Зато с таким водителем я был как за каменной стеной. Он умел не только таскать носилки и крутить баранку. В случае необходимости Петрович мог сделать искусственное дыхание и закрытый массаж сердца. А если попадался буйный пациент (были и такие), он мог значительно «расширить диагноз» драчуну.

– Гена, – сказал он, – давай сгоняем на базу. Ольге надо чистую куртку взять, а я в машине хоть немного приберу. В таком виде нам нельзя на заявки выезжать – народ перепугаем. Увидев такой натюрморт, к нам никто в салон не сядет. А у роженицы тут же начнутся схватки...

Я кивнул. Пожалуй, так и следует поступить. Сейчас переедем Неву, я доложу по рации диспетчеру и попрошу, чтобы нам пока не давали заявок.

– Гена, – Петрович, похоже, заметил что-то впереди на мосту, нечто такое, что его заинтересовало, – глянь, что там впереди творится...

Я глянул и вздрогнул...

Окружающая нас тьма сгущалась, а наша машина словно погружалась в чернила. Потом у меня неожиданно потемнело в глазах. Я услышал испуганный крик Ольги и чертыхание Пет-

³ Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова.

ровича. Какая-то неведомая сила приподняла наш реанимобиль, и он стал вращаться вокруг своей оси. На несколько минут я выпал из реальности...

Потом вращение остановилось, и стало немного светлее. Окружающий нас мир изменился. За окном стояла зима, хотя сегодня, когда мы выезжали на линию, на дворе был всего лишь сентябрь. Кроме того, куда-то делись уличные фонари и светящиеся рекламные щиты. Лишь где-то вдали горели факелы, словно во времена Средневековья. Не хватало лишь рыцарей в латах и колымаг угнетенных вилланов.

– Петрович, где мы? – спросил я. – Что случилось?

– А хрен его знает, Гена, – ответил Петрович. – Я не вижу ни моста, ни Финляндского вокзала, ни Большого дома. Правда, впереди стоят какие-то армейские машины. Кажется, «Тигры» – на них спецназовцы обычно рассекают. Кстати, Ольга, как ты там – цела?

– Вроде цела, – дрожащим голосом ответила Ольга. – Руки-ноги на месте. Геннадий Михайлович, что это было? Мы словно провалились в тартарары.

Я задумался. Ситуация мне не нравилась все больше и больше. Интуиция (а она меня редко подводит) подсказывала мне, что мы влипли в какую-то историю. Вот только в какую?

– Надо сходить на разведку, – наконец решил я. – А вы, ребята, накиньте куртки. Да и я утеплюсь. Похоже, что за бортом прохладно. Температура точно минусовая.

– Ты, Гена, там особо не геройствуй, – Петрович пошарил в бардачке и достал оттуда баллончик со слезоточивым газом. – На вот тебе на всякий пожарный. Ну, а ежели увидишь что – беги назад со всех ног. Давай, дружище, с Богом!

Вздыхнув, словно перед прыжком в воду, я открыл дверь. В лицо мне пахло холодом. Еще раз вздохнув, я вылез из машины и сделал несколько шагов в сторону «Тигров»...

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Император Павел I

Царь и самодержец Российский с самого утра был в плохом настроении. Его раздражало всё – и отвратительная погода, больше похожая на апрельскую, с частыми оттепелями и противными лужами, и застарелая головная боль, и слухи о готовящемся заговоре.

Император решил немного развеяться, и после утреннего вахтпарада он отправился на Охтинский пороховой завод, чтобы посмотреть на строительство новой каменной плотины. Порох был нужен армии и флоту – вполне вероятно, что России в скором времени предстоит воевать с мерзкой и торгашеской Англией, которая нагло забрала Мальту и не желала возвращать ее законному владельцу – ему, императору Павлу I. Да и с Австрией отношения, после их недавнего откровенного предательства в Италии и Швейцарии, были хуже некуда.

Очень жаль, что сейчас рядом с ним нет графа Алексея Андреевича Аракчеева, «преданного без лести» товарища и советчика. Павел вспомнил, как в октябре прошлого года он по пустяковой причине отстранил Аракчеева от должности инспектора артиллерии русской армии и повелел ему покинуть Петербург. Сейчас его старый сослуживец по Гатчине безвылазно сидит в своем имении Грузино и шлет императору письма, в которых уверяет в верности и преданности лично ему, Павлу Петровичу, и всей царственной фамилии.

«Надобно вернуть графа в Петербург, – подумал царь, – не такие уж большие грехи были на нем, чтобы так строго наказывать верного слугу престола. Сегодня же надо послать милостивое письмо Алексею Андреевичу, в котором предложу ему прибыть в столицу».

Павел покосился на сидящего рядом с ним племянника императрицы герцога Евгения Вюртембергского. Этот юноша, которому исполнилось всего тринадцать лет, был уже генерал-майором русской армии. Все эти чины он получил, находясь в своих силезских владениях.

Прибыв в январе этого года в Санкт-Петербург, герцог произвел хорошее впечатление на русского монарха, который для начала наградил Евгения крестом ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Император взял герцога с собой в поездку на пороховой завод, чтобы молодой человек побольше узнал о русской столице и о военном деле. Павлу все больше и больше нравился этот скромный и умный юноша, совсем не похожий на цесаревича Александра и его младшего брата великого князя Константина Павловича.

Император считал своих старших сыновей безнадежно испорченными воспитанием в будуарах их бабки, императрицы Екатерины II. Там молодых людей научили лгать, паясничать и волочиться за придворными дамами. Правда, в отличие от Александра, Константин все же успел понюхать пороха, поучаствовав в Итальянском и Швейцарском походах великого Суворова. А Александр так и остался донжуаном и сибаритом, для которого придворная изнеженная жизнь была дороже интересов государства. Нет, из цесаревича толку не будет, как, впрочем, и из Константина.

Надо будет заняться воспитанием третьего сына – великого князя Николая Павловича. Правда, под воздействием слухов, которые распускали интриганы, в изобилии окружавшие императора, Павел Петрович чуть было не совершил роковую ошибку – он захотел обвинить свою супругу Марию Федоровну в неверности, а сына Николая – признать неродным. Однако нашлись честные и умные слуги престола, которые отговорили императора от столь опрометчивого поступка.

Задумавшись, Павел стал рассеянно смотреть в окно крытого возка. Кортж императора следовал через Охтинскую слободу – район Санкт-Петербурга, где издавна селился мастеровой народ, работавший на местной судовой верфи. Здесь же стояли дома русских и чухонцев, обывателей, занимавшихся сельским хозяйством. Они поставляли жителям столицы овощи и молочные продукты. Больших зданий здесь не было, и Охтинская слобода меньше всего была похожа на городской район.

Возок и двое сопровождавших императора конногвардейцев не спеша двигались по заснеженным улицам слободы, мимо скромных одноэтажных домиков с невысокими заборами. За ними виднелись деревья и сараи, в которых местные жители держали свою скотину.

Павел вдруг заметил пожилую чухонку, медленно бредущую по улице. Она тянула за собой большие санки. Видимо, старушка отправилась за водой к ближайшему колодцу – на санках стояли два пустых деревянных ведра.

«Пустые ведра – это плохая примета, – подумал император. – Только бы она не перешла нам дорогу». Павел был суеверен. Черная кошка, перебежавшая дорогу, или женщина с пустыми ведрами, попавшаяся на пути, могли надолго испортить ему настроение.

Засмотревшись на скачущий по улице возок и нарядных всадников, чухонка поскользнулась и со всего размаха грохнулась на накатанную дорожку. Видимо, она сильно при этом ударилась, потому что не смогла сразу встать и, лежа на спине, беспомощно размахивала руками.

– Ваше императорское величество, – подал голос герцог Вюртембергский, – давайте поможем этой несчастной.

Павел, считавший себя человеком добрым и чувствительным, кивнул и толкнул в спину царского кучера, велел ему остановиться. Император и герцог выбрались из возка и подбежали к старушке. Они помогли ей встать на ноги.

– Спасибо вам, люди добрые, – чухонка заговорила по-русски неожиданно молодым и звонким голосом. – Пусть Господь за вашу доброту спасет вас от всех бед и невзгод.

– Я вижу, что тебя, – тут старушка пристально посмотрела на императора своими голубыми, как небо, глазами, – ждет смертельная опасность. Люди, которых ты считаешь друзьями, собираются тебя убить. А ведь тебя предупреждали, что проживешь ты на белом свете сорок шесть лет, а на сорок седьмом будешь убит...

Павел вздрогнул. Странная старуха говорила то, о чем знали немногие. Именно это – слово в слово – напроорочила ему известная петербургская юрочка по имени Ксения, а также странная горбатая нищенка в Москве во время коронации. А монах Авель, предсказавший с точностью до дня смерть его матушки, императрицы Екатерины II, при встрече с ним заявил: «Коротко будет царствие твое. На Софрония Иерусалимского⁴ в опочивальне своей будешь задушен злодеями, коих греешь ты на груди своей. Написано бо в Евангелии: “Враги человеку домашние его”... В Страстную субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех царевубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою...»

– Ради всего святого, скажи, можно ли спастись от того, что мне предназначено судьбой? – с мольбой в голосе спросил император. – Я вижу, что тебе открыто будущее...

– Тебе помогут спастись люди не из этого мира, – немного помолчав, произнесла старая чухонка, глядя прямо в глаза Павлу. – Лишь они в силах избавить тебя от смерти. И не только тебя, но и всю Россию, ибо события, которые начнутся вскоре после твоей смерти, будут страшные и кровавые. Прольется море крови, погибнут сотни тысяч людей. На Россию войной пойдет вся Европа, сгорит Москва, осквернены будут народные святыни, поруганию подвергнутся Божьи храмы.

– Скажи мне, ради Христа, скажи – кто они? Что это за люди? – Павел судорожно вцепился в руку старухи. – А самое главное, кто их мне пришлет, Бог или дьявол?

– Люди, которые тебя спасут, – ровным спокойным голосом произнесла чухонка, – посланы будут в наш мир добрыми силами. Но знай – они не святые. Они просто люди, воины, которые видели смерть и лили свою и чужую кровь. Но ведь еще Господь говорил: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч».

– Аминь, – сказал император, снял с головы треуголку и перекрестился. – Может быть, ты назовешь день, когда я увижу этих людей? И как я отличу их от прочих?

– Ты их увидишь скоро, очень скоро, – ответила старуха, задумчиво пожевав губами, – и узнаешь ты их сразу, потому что они не похожи на тех, кто живет в нашем мире. И хотя они внешне будут как все люди, придут они из другого мира, где давно уже живут по-иному. Ты должен поверить им, как бы странно они ни говорили и ни поступали. Повторяю – им надо поверить, потому что иначе произойдет все то, о чем я тебе рассказала! А теперь, ступай с Богом и не упусти свой шанс. Другого у тебя не будет...

Старуха, крича, поклонилась Павлу, взяла в руки веревку и, шаркая ногами, потащила свои санки по улице.

– Ваше величество, – юный герцог испуганно посмотрел на застывшее, похожее на белую гипсовую маску лицо императора, – что это была за старуха? Что она вам такого сказала, отчего вы едва стоите на ногах?

– Мой мальчик, – ответил Павел, – ты веришь в то, что есть на свете люди, которым открыто будущее?

– Да, ваше величество, я слышал об этом. У нас в Европе часто рассказывают про тех, кто может заглядывать в грядущее. Кстати, моя тетушка – ваша супруга – рассказала мне, что много лет назад садовник Ламберти в Ораниенбауме предсказал вашей матушке – тогда еще просто великой княгине, – что она станет императрицей, увидит своих детей и внуков и умрет в старости. Это было за шесть лет до происшествия, случившегося 28 июня 1762 года⁵. Вы хотите сказать, что и эта старуха из их числа?

– Она предсказала мне, что я... – тут император спохватился и остановился на полуслове. – Давай сядем в возок, что-то мне вдруг стало холодно, просто зуб на зуб не попа-

⁴ Память святого святителя Софрония патриарха Иерусалимского Православная церковь отмечает 11 (24) марта.

⁵ 28 июня 1762 года Екатерина свергла с престола своего мужа – императора Петра III.

дает. Похоже, что подул холодный ветер с Невы. Нам надо побыстрее добраться до порохового завода, чтобы успеть засветло вернуться домой...

Но засветло они вернуться не успели. Император и юный герцог тщательно осмотрели все на Пороховых. Генерал-майор Николай Гебенер, заведовавший заводом, показал им места, где перечищали селитру, которая нужна была для изготовления пороха; мельницы водяные и приводимые в движение лошадьми, на которых огромные каменные и бронзовые жернова перетирали компоненты пороха. Они понаблюдали за тем, как идет строительство каменной плотины – тут император еще раз пожалел, что с ними нет графа Аракчеева – с ним бы все работы шли быстрее. Осмотрели они и готовый порох двух сортов, а также механизмы, приводимые в движение водой, с помощью которых расверливают стволы чугунных пушек.

Потом император зашел в храм Святого пророка Ильи на Пороховых и долго молился у икон Спаса Нерукотворного и Богородицы. В полной задумчивости император и герцог Вюртембергский уселись в возок и отправились в обратный путь. Чтобы поскорее добраться до Михайловского замка, Павел приказал сократить путь и, перебравшись по льду Невы у Смольного собора, выехать на Шпалерную улицу, по которой они напрямик доедут до Летнего сада. Оттуда же и до новой императорской резиденции рукой подать...

С Охты они выехали, когда уже смеркалось. Вскоре на град Петров опустилась чернильная тьма. Полную луну закрыли облака. На безлюдных улицах было тихо, лишь под полозьями возка поскрипывал снег, позвякивала упряжь, да всхрапывали кони. Неожиданно где-то заунывно, словно по покойнику, завывала собака. Ей ответила другая, потом к ним присоединилась еще одна, и еще...

Павел вздрогнул и перекрестился. Он забормотал молитву. Ему снова и снова вспоминался сегодняшний разговор со странной старухой. Император слышал, что чухонцы – коренные обитатели здешних мест – с давних пор славились своим умением колдовать и ворожить. Не из их ли числа была та старая женщина, которая так смело себя вела с ним и напроорочила скорую встречу с его спасителями?

Так, за размышлениями о своей грядущей судьбе, император незаметно доехал до Невы. Возок пересек реку по накатанному санями льду. Подъезжая к Литейному двору и Арсеналу, в свете горящих факелов Павел вдруг заметил странные повозки, перегородившие улицу. У одной из них на крыше вращалось что-то вроде праздничной шутихи. Повозки были похожи на те, в которых путешествуют по белу свету бродячие артисты и музыканты.

«Странно, – удивился император, – ни вчера, ни сегодня мне никто не докладывал о том, что в Петербург прибыла новая театральная труппа. Надо будет завтра утром порасспросить об этом петербургского генерал-губернатора графа Палена. Только почему эти повозки стоят поперек дороги, и где лошади, которые их привезли?»

Неожиданно одна из повозок взревела, словно разъяренный дикий бык, и окуталась дымом. Потом она сама собой, без чьей-либо помощи, сдвинулась с места и направилась напрямик к царскому возку.

Испуганно заржав, встали на дыбы лошади конвоя. Конногвардейцы не смогли их удержать, и не слушающие узды и шпор кони галопом помчались по улице в сторону Таврического дворца – там с недавних пор размещался эскадрон лейб-гвардии Конного полка.

Яркий свет, похожий на солнечный, неожиданно рассек ночную тьму. Он был такой сильный, что император даже зажмурился. Потом чей-то зычный, словно иерихонская труба, голос произнес странные и непонятные слова:

– Никому не двигаться, работает спецназ ФСБ!

«Какой еще спецназ?! И что такое ФСБ?! – подумал Павел. – И вообще, что происходит здесь, на улице столицы Российской империи? Неужели это и есть *они* – те самые спасители, о которых говорила мне сегодня старая чухонка?»

В лучах яркого света появились фигуры людей, одетых в чудную пятнистую форму и вооруженных странным оружием. Увидев их, юный герцог побледнел и торопливо начал креститься.

«Да, это точно они, – понял император. – Значит, я спасен, я не умру, и на Россию не обрушатся страшные беды и несчастья! Слава Тебе, Господи! Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя»...

Историческая справка

Коронованный мистик

Современники и потомки единодушно отмечали мистицизм императора Павла I. Действительно, в его жизни от самого рождения до смерти присутствовало нечто роковое, необъяснимое, невольно наводившее на мысли о вмешательстве в судьбу этого российского императора неких потусторонних сил.

XVIII век был в Европе столетием мистиков. Люди того времени искренне верили в привидения, гадалок и разного рода предсказателей. Шарлатанов, таких, как граф Калиостро, с почетом принимали в великосветских салонах. Ну а готические романы, в большом количестве издававшиеся во второй половине XVIII века, стали любимым чтивом европейцев.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, еще будучи цесаревичем, Павел Петрович верил в рассказы о сверхъестественных силах, о таинственных приключениях, о семейных проклятиях и о призраках и привидениях. На внутренний мир цесаревича во многом повлияла и трагическая судьба отца – императора Петра III, свергнутого с престола его матерью и убитого пьяными гвардейцами в Ропше. Страсти в семействе Павла были поистине шекспировские, поэтому неудивительно, что современники называли его русским Гамлетом, а в царствование Павла I постановка этой драмы Шекспира в России была запрещена.

Одним из самых известных мистических эпизодов, связанных с Павлом Петровичем, был рассказ о его встрече с призраком императора Петра Великого. Наиболее распространенной является версия, которую зафиксировал в своих записках великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов. Вот рассказ об этой встрече, напечатанный в журнале «Русская старина».

«Однажды вечером или, пожалуй, уже ночью я, в сопровождении Куракина и двух слуг, шел по петербургским улицам. При повороте в одну из улиц, я вдруг увидел в глубине подъезда высокую худую фигуру, завернутую в плащ вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе.

Только что я миновал ее, она вышла и пошла около меня с левой стороны, не говоря ни слова. Мне казалось, что ноги ее, ступая по плитам тротуара, производили странный звук, как будто камень ударяется о камень. Я был изумлен, и охватившее меня чувство стало еще сильнее, когда я ощутил ледяной холод в моем левом боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнул.

Вдруг из-под плаща, закрывавшего рот таинственного незнакомца, раздался глухой и грустный голос:

– Павел! Бедный Павел! Бедный Павел!

Я обратился к Куракину, который тоже остановился.

– Слышите? – спросил я его.

– Ничего не слышу, – отвечал тот, – решительно ничего.

Я сделал отчаянное усилие над собой и спросил незнакомца: кто он и что ему нужно?

– Кто я? Бедный Павел! Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе и кто хочет, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты недолго останешься в нем. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести: для благородной души нет более чувствительного наказания.

Наконец мы пришли к большой площади... Фигура пошла прямо к одному, как бы заранее отмеченному месту, где в то время возвышался монумент Петру Великому. Я, конечно, следовал за ней и затем остановился.

– Прощай, Павел! – сказала она. – Ты еще увидишь меня опять здесь и еще кое-где.

При этом шляпа фигуры поднялась как бы сама собой, и глазам моим представился орлиный взор, смуглый лоб и строгая улыбка моего прадеда Петра Великого. Когда я пришел в себя от страха и удивления, его уже не было».

Накануне смерти императрицы Екатерины II цесаревичу Павлу Петровичу приснился странный сон – какая-то неведомая сила подхватила его и потащила наверх. Проснувшись утром, он рассказал об этом сне супруге – великой княгине Марии Федоровне. А вскоре курьер, примчавшийся на взмыленном коне из Петербурга, принес Павлу страшную весть – мать его при смерти, а цесаревич вот-вот станет императором.

Взойдя на престол, Павел решил сменить место жительства. Зимний дворец – резиденция российских самодержцев – ему не нравился. Здесь все напоминало ему о матери и о ее наглых фаворитах, которые не считались с цесаревичем и всячески его третировали. Он решил построить замок-дворец, неприступный для врагов. Место для строительства император выбрал на берегу Фонтанки, там, где когда-то стоял деревянный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны. В этом дворце тогда еще великая княгиня Екатерина Алексеевна и родила Павла. «Я хочу умереть там, где родился», – сказал император. Именно так оно и случилось.

Замок-дворец называли Михайловским, в честь архангела Михаила, предводителя небесного воинства. Строительство его тоже было связано с различными таинственными происшествиями.

Рассказывали, что, когда работы над фундаментом новой царской резиденции было в полном разгаре, с Павлом встретился старый монах, заявивший, что супруга императора вскоре родит сына, которого следует назвать Михаилом. «И запомни слова мои – произнес монах, – *дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней*».

Павел, пораженный предсказанием странного инок, велел архитектору Винченцо Бренна укрепить на фронтоне главного фасада замка-дворца слова, продиктованные ему монахом.

Кстати, с этим текстом связано еще одно предсказание. Накануне Рождества 1800 года знаменитая юродивая со Смоленского кладбища Ксения Петербургская предсказала, что император Павел I проживет столько лет, сколько букв в изречении на главном фасаде новой царской резиденции. Букв, по тогдашней орфографии, было 47. Павел родился в 1754 году. Сорок семь ему должно было исполниться в 1801 году.

Впрочем, сам Павел и так уже знал о времени и месте своей смерти. Он имел беседу с неким монахом Авелем, который предсказал дату смерти императрицы Екатерины II. За это его посадили в тюрьму. Но после смерти императрицы, случившейся в предсказанный Авелем день, его выпустили. Император долго беседовал с предсказателем. Тот сообщил Павлу дату его насильственной смерти и место – царская спальня. Авелю даже было известно, что в заговоре против российского самодержца примут участие его близкие. Ко всему прочему, Авель напроорочествовал императору и про его сына, императора Александра I. «Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но невоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы, и праведным будет на очах Божиих...»

«А кто наследует императору Александру?» – спросил у монаха Павел. «Сын твой Николай», – отвечивал Авель. «Как? У Александра не будет сына? Но ведь тогда трон должен перейти к цесаревичу Константину, младшему брату Александра». – «Константин царствовать не восхоцет, памятуя судьбу твою, и от мора кончину примет. Начало же правления сына твоего Николая дракою, бунтом вольтерьянским зачнется...»

Примерно то же самое предсказала Павлу и так называемая останкинская старуха. В подмосковном селе Останкино, там, где находилась усадьба графов Шереметевых, по преданию жила мрачная старуха-нищенка. Она появлялась неизвестно откуда и пророчила встреченным ею людям разные несчастья. В 1797 году Павел прибыл в Москву на коронацию. Он посетил усадьбу Шереметевых и неожиданно столкнулся с той старухой. Слуги графа хотели было удалить нищенку, но император воспротивился этому и долго беседовал с ней. После чего тихо произнес: «Теперь я знаю, когда буду убит...»

Новый царский дворец строился в страшной спешке. Семья императора и дворцовая прислуга переехали в него 1 февраля, в день Святого архангела Михаила. В 9 часов 45 минут утра Павел I, вместе с членами своей семьи и свитой, начал церемониальное шествие от Зимнего дворца по направлению к замку. На всем пути его следования были расставлены гвардейские полки. Внутри еще царил сырость, а по окрашенным красной краской стенам стекали потоки воды. «Словно кровь течет», – сказал Павел, наблюдая за замысловатыми разводами на стенах замка.

Зеркала в залах стояли запотевшие, и изображения в них были искаженными. «Посмотрите, – произнес Павел, указав на одно из них, – какое странное зеркало. В нем я вижу себя словно со свернутой набок шей». А накануне убийства Павлу приснился сон, будто на него надевают тесную рубаху, которая мешает ему дышать.

Как известно, Павел I был задушен заговорщиками в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. В своей новой резиденции он прожил всего сорок дней...

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РСН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Встреча с нашими предками из XIX века прошла, можно сказать, на высшем уровне, хотя и не без некоторого экстрима. Дело в том, что я решил подъехать на «Тигре» немного поближе к приближающейся к нам кавалькаде. Лошади двух всадников, скакавших впереди крытого возка, испугались рева двигателя и от неожиданности встали на дыбы. Кавалеристы сумели удержаться в седлах, но обезумевшие от страха кони пустились наутек.

– Если мы попали во времена царствования императора Павла I, – задумчиво сказал Патрикеев, – то эти орлы, наверное, поскакали в Таврический дворец. Судя по форме, они из лейб-гвардии Конного полка. Именно его Павел I, придя к власти, разместил во дворце, принадлежавшем когда-то светлейшему князю Григорию Потемкину. Император, не переносивший на дух покорителя Тавриды, приказал называть дворец просто Заком. Ценности, причем немалые – в их числе были и знаменитые часы «Павлин» – из дворца были вывезены. Наборные паркеты выломали и использовали при строительстве Михайловского замка. В Зимнем саду устроили конюшню, в Екатерининском и Купольном залах – Манеж, в других помещениях – казармы. За четыре года бравые конногвардейцы изрядно загадили дворец. Полы прогнили, по стенам пошла плесень, а залы провоняли конской мочой и навозом.

– А кто командовал конногвардейцами при императоре Павле I? – спросил я.

– Командовал Конным лейб-гвардии полком в 1797 году барон фон дер Пален – тот самый, который фактически возглавил заговор против императора. Перед убийством же Павла I командиром конногвардейцев стал генерал Александр Петрович Торماسов. Во время войны 1812 года он командовал 3-й русской армией. Император Павел I весьма ценил его за личную преданность.

– Кстати, – воскликнул Патрикеев, – кто-то выбрался из возка! Давайте подойдем поближе и попытаемся установить первый контакт с хроноаборигенами...

Сыч, ничего лучше не придумав, взял микрофон и через ГУ грозным голосом предупредил тех, кто вылез из возка, что «работает спецназ ФСБ», и что все должны вести себя соответственно. Интересно, кто-нибудь из здешних обитателей понял, что такое «спецназ» и с чем его едят? Про ФСБ я уже молчу. Уместней, наверное, было бы крикнуть что-то вроде: «Слово и дело!»

– Контакт контактом, – проворчал я, – но как бы наши предки сдуру не пальнули по нам.

Мне совсем не хотелось получить увесистую свинцовую пулю в грудь, пусть и из кремневого пистолета. А я ведь даже не успел надеть СИБЗ⁶ – проще говоря, броник.

– Пан, прикажи своим орлам, чтобы они нас подстраховали, – сказал я подполковнику Бариннову. – Мы с Васильичем пойдем навстречу здешнему начальству. Ведь с конвоем и на позолоченном возке не разъезжают простые смертные. Глядишь, нам повезет, и мы познакомимся с теми, кто сможет помочь нам установить контакт с самим Павлом Петровичем.

Стараясь держаться уверенно, мы с Патрикеевым не спеша двинулись к людям, стоявшим у открытого возка и таранившим на нас глаза. Их, похоже, ослепили яркие фары нашего «Тигра». Один из них был пацаном в военной форме, на вид лет четырнадцать-пятнадцать, откровенно напуганным и непроизвольно прижимавшимся ко второму человеку, кото-

⁶ Средства индивидуальной бронезащиты.

рый выглядел несколько поувереннее. Он с изумлением смотрел на нас и что-то бормотал под нос – похоже, читал какую-то молитву.

Вася Патрикеев неожиданно споткнулся, охнул и схватил меня за рукав камуфляжки.

– Викторыч, а ведь этот сам государь-император Павел Петрович. Ну, точно он! Вот уж нам повезло так повезло!

Я изумленно уставился на императора. Портреты его я не раз видел в книгах и учебниках по российской истории. Но большинство из них были скорее не портретами, а карикатурами, изображавшими царя полоумным дебилом, который не мог спать спокойно, не сослав кого-нибудь в Сибирь или куда подальше.

Передо мной же стоял мужчина лет сорока-пятидесяти, среднего роста, с бледным курносом лицом. Он был одет в поношенный зеленый суконный мундир с красным воротником и с двумя большими орденами на груди, белые суконные штаны, которые я бы назвал бриджами (здесь же их именовали панталонами). На плечи царя был наброшен длинный шерстяной плащ. Обут император был в высокие сапоги-ботфорты. На голове с напудренными волосами и небольшой косицей сзади, немного набекрень, была надета треуголка.

– Господа, – немного хриплым голосом произнес император, – если я не ошибаюсь, вы прибыли в наш мир издалека? Меня сегодня предупредили о том, что вы придете и спасете меня и Россию от страшных бед... Не так ли, господа?

Мы с Патрикеевым изумленно переглянулись. Вот так-так! Оказывается, кто-то уже успел подсуетиться и перебросил нас в Петербург начала XIX века, чтобы выручать царя и империю! Знать бы, кто так гнусно над нами пошутил – быть его роже битой! С другой стороны, это даже хорошо, что Павел предупрежден о нашем прибытии. Теперь с ним легче будет вести серьезный разговор...

– Ваше императорское величество, – вступил в разговор Патрикеев, – а какой сейчас год и месяц?

– Сегодня первое марта 1801 года, – удивленно произнес император. – А что, господа, это так важно?

– Слава богу! – обрадованно воскликнул Васильич. – Мы не опоздали! Думаю, что теперь уже не случится то страшное, что ожидало, государь, вас лично и всю Россию!

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Император Павел I

«А лица у них такие же, как и у нас, – подумал про себя император, – обычные, человеческие. Один пожилой, с короткой седой бородкой, он, пожалуй, будет постарше меня. А второй – лицо его чисто выбрито, – тот чуть меня помоложе. Одежда у них, конечно, не похожа на ту, которую носят у нас. Военный мундир у того, который помоложе, безобразен до неприличия. Он больше похож на одежду простых мужиков или мастеровых – в нем нет положенного военному мундиру изящества и красоты. В то же время чувствуется, что он – старый солдат, успевший повоевать и понюхать пороху. Он держится безо всякого подобострастия – видимо, этот вояка умеет отдавать приказы и требовать их выполнения. Оружие у него тоже странное, не схожее ни с пистолетом, ни с мушкетом. Интересно – что это за люди, и откуда они пришли в наш мир?»

– Господа, теперь вы знаете, какое сегодня число и год, – произнес Павел. – К тому же вы знаете, кто я. Теперь же и я имею право спросить вас, кто вы и как вас зовут?

– Ваше императорское величество, – ответил тот, который постарше, с седой бородкой, – мы ваши потомки. И попали в ваш мир напрямую из 2018 года. Как и почему это произошло,

мы и сами не знаем. Можно лишь догадаться, что сделала все это некая высшая сила, – при этих словах император побледнел, снял шляпу и перекрестился, – которая и забросила нас в 1801 год. Мы видим в этом божественное провидение – против вас, государь, организован заговор, в нашем времени закончившийся вашим убийством. Похоже, что ваш ангел-хранитель решил вас спасти...

– Значит, граф Пален говорил мне чистую правду! – воскликнул император. – Я догадываюсь, что многие мои подданные недовольны моим правлением. Но заговор и цареубийство! Как это все ужасно! Скажите, вы знаете, как все произойдет?

– Простите, государь, но, к большому сожалению, это не первый заговор в вашем семействе за последнюю сотню лет. Разве ваш отец, император Петр Федорович, не пал жертвой заговора, который организовала против него ваша матушка, императрица Екатерина Алексеевна? Она свергла его, а потом верные ей гвардейцы злодейски убили императора в Ропше.

К сожалению, государь, против вас плетут козни не только ваши враги, но и близкие вам люди – в заговоре участвует и ваш сын, цесаревич Александр Павлович.

– Боже мой! – воскликнул император. – Мне докладывали об этом, но я не поверил, что мой сын поднимет на меня руку! Господа, а вы не ошибаетесь? Может быть, мой наследник не причастен к заговору?

– Нет, ваше императорское величество, – с печалью в голосе ответил седобородый. – Все произошло именно так, как мы вам только что рассказали. Самым же главным злодеем во всей этой гнусной истории окажется граф Пален. Именно он, сумев втереться к вам в доверие, делает так, что в самый решительный момент никто из тех, кто в ту роковую ночь будет находиться в Михайловском замке, не сможет прийти к вам на помощь.

– Извините, ваше императорское величество, – неожиданно произнес военный, – мне только что сообщили, что по Шпалерной в нашу сторону движется десятка два всадников в полном вооружении. Настроены они весьма решительно – даже кирасы надели, – тут военный почему-то улыбнулся.

Я немного удивился – незаметно было, чтобы кто-либо подходил к моему собеседнику и что-либо ему сообщал. Но я решил спросить его об этом позднее.

– Государь, – произнес седобородый, – мы так вам и не представились. Меня зовут Василием Патрикеевым, я пенсионер и историк-любитель. Наверное, высшая сила, забросившая нас сюда, не случайно остановилась на моей кандидатуре. Дело в том, что в последнее время я работал над историей вашего правления. И потому я знаю то, что должно произойти с вами в самом ближайшем времени.

А мой спутник – Игорь Михайлов – подполковник из спецотряда «Град». Сейчас у нас просто нет времени рассказать вам о том, что это за подразделение, но я прошу поверить мне на слово, что находящиеся в его подчинении воины входят в число лучших в нашей армии. Да и в вашей, пожалуй, тоже.

Что же касается скачущих к нам конногвардейцев, то их надо остановить, пока дело не дошло до стрельбы. Ведь тогда бойцам господина подполковника придется открыть ответный огонь. Кстати, государь, хочу заметить, что хотя в заговоре против вас приняли участие офицеры многих гвардейских полков, ни одного конногвардейца среди них не оказалось. Они остались верны вашему величеству.

– Вот, значит, как? – император кивнул и повернулся в сторону уже отчетливо слышимого конского топота. – Думаю, что сюда скачет полковник Саблуков. Этот молодой человек всем обязан мне – еще пять лет назад он был поручиком. Полковник исполнительен и точен. Именно такой офицер мне и нужен сейчас. Ведь необходимо сохранить тайну вашего появления в нашем мире и спрятать вас на время от любопытных глаз. Я могу поручиться за Саблукова – он без рассуждения выполнит все, что я ему прикажу.

Ага, я вижу, что это действительно он – вон, скачет впереди всех, размахивая палашом! Видимо, ему не терпится повоевать. Что ж, надо его остановить, пока не случилось беды.

Император шагнул вперед, навстречу всадникам на огромных конях, мчавшимся в отчаянную атаку на странные самодвижущиеся фургоны и солдат в невиданных ранее пятнистых мундирах.

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Иванов Алексей Алексеевич, частный предприниматель и любитель военной истории

Смех смехом, но, похоже, Дашка оказалась права. Наш «бычок» какая-то неведомая сила закинула в места, на Питер XXI века совсем не похожие. Вряд ли это было будущее – по моему скромному разумению, улицы большого города не должны выглядеть такими пустынными. Это, конечно, если в будущем не разразилась Третья мировая война с применением оружия массового поражения. Как в фильме «Кин-дза-дза», когда дядя Вова и Скрипач очутились на планете Плюк. Я машинально пошарил по карманам, ища коробок со спичками.

Правда, не все оказалось так плохо. Мы оказались в прошлом – а я согласился с Дашкой, что это именно прошлое, а не будущее – не одни. С нами были три машины с вояками и «скорая». То есть в случае чего нас есть кому защитить и оказать первую медицинскую помощь. Да мы и сами с усами, а Джексон и я – с бородами в придачу. Только у меня она седая, а у Джексона – черная.

Кстати, а не сходить ли мне на разведку? Я прикинул, кого взять с собой. У Димона пока еще не унялось кровотечение из носа, и его, пожалуй, надо на какое-то время оставить в покое. Дашку мне брать не хотелось – хорошо зная ее неугомонный характер, за ней нужен глаз да глаз. Эта егоза обязательно найдет на свою задницу какое-нибудь приключение. Остается только Джексон. Черный терьер – порода серьезная. А если пес прошел не только ОКД, но и курс ЗКС⁷, то с таким зверем я бы никому не советовал связываться. Чревато, знаете ли... А наш Джексон соответствующее обучение прошел, и кусался он сильно и больно.

– Так, голуби мои ясные, – сказал я Димону и Дашке. – Слушайте меня внимательно. Будете сидеть тихо в машине, всех впускать, никого не выпускать. В случае сопротивления открывать огонь на поражение. В общем, я сбегая на разведку. Со мной идет Джексон. Дашка, дай мне поводок и намордник.

Не обращая внимания на возмущенный галдеж Димона и Дашки, я надел намордник на пса, пристегнул поводок к его ошейнику и снова открыл дверь. Джексон выскользнул из кабины, и я шагнул вслед за ним.

Было прохладно, мел ветер, где-то неподалеку лаяли собаки. Джексон рванул поводок, да так сильно, что я едва устоял на ногах.

– А это еще что за собака Баскервилей? – раздался рядом со мной мужской голос.

Я обернулся. Рядом со «скорой» стоял высокий парень лет тридцати, в теплой куртке, наброшенной на светло-зеленый костюм медика. Похоже, что он вылез из «скорой» и так же, как и я, безуспешно пытался разобраться во всем происходящем.

– Это Джексон, – ответил я, – животное воспитанное и вежливое. Зазря не кусается. Джексон, смотри – перед тобой человек самой гуманной профессии, а потому не вздумай попробовать его на вкус.

Джексон удивленно посмотрел на меня, дескать, хозяин, неужели ты так плохо обо мне думаешь? Да где ж это видано, чтобы я кого-нибудь кусал просто так, без надобности?

⁷ ОКД – общий курс дрессировки; ЗКС – защитно-караульная служба.

– Меня Геннадием зовут, если что, – представился медик и протянул мне руку. – Ехали мы по Литейному мосту, а тут вдруг такое началось...

– А меня зовут Алексеем, – ответил я, пожимая его ладонь. – Мы вот тоже голову ломаем и все никак не можем понять, что, собственно, произошло. Дочка, та вообще заявляет, что мы в прошлое перенеслись. Она у меня любительница книг про попаданцев. Все время мечтала попасть во времена Петра I или Екатерины II. Похоже, что домечталась... А что ты, Геннадий, думаешь обо всем этом?

– Хрен его знает, – парень пожал плечами. – Надо будет у вояк спросить, похоже, что у них информации побольше, чем у нас. Одно скажу – мне все эти путешествия во времени и даром не нужны. У меня и своих приключений больше чем достаточно.

– Да все понятно, только тот, кто нас в ту воронку чертову затащил, считает по-другому. Если окажется, что мы в прошлое попали... Слушай, Гена, наверное, нам надо вместе держаться? И с военными, как ты правильно считаешь, надо переговорить. Может быть, они лучше разбираются в обстановке?

Первый же встретившийся нам вояка – судя по звездочкам на погонах, старший лейтенант – лишь пожал плечами и посоветовал обратиться к начальству.

– Вон, видите, – махнул он рукой в сторону одного из «Тигров», – там два подполковника стоят и один мужик в штатском. Кто этот штатский, я не знаю, а вот тот подполковник, что чуть пониже – старший у нас, подполковник Михайлов. А рядом с ним – наш непосредственный начальник, подполковник Баринов. Может быть, они вам чего скажут...

Тут старлей, услышав, что ему передали по рации, насторожился.

– Сюда возок едет, – сказал он, – а с ним какие-то всадники. Вы бы, ребята, свалили бы куда-нибудь от греха подальше. Может стрельба начаться, и тогда вам мало не покажется. Мы все же с оружием, и броники с касками у нас есть. А у вас что – курточки на рыбьем меху, а из оружия – хорошо, если газовик или баллончик.

Мы с Геннадием переглянулись. Старлей, похоже, был прав. Надо срочно предупредить Дашку с Димомом, чтобы они сидели тихо, как мышки под веником. Особенно Дашка, ее хлебом не корми – дай погеройствовать.

Кивнув старлею и переглянувшись с медиком, я быстрыми шагами направился в сторону моего грузовичка. Вдруг где-то неподалеку вспыхнул яркий свет, раздались храп и ржание коней, а в ГУ кто-то громко рявкнул: «Никому не двигаться, работает спецназ ФСБ!»

«Ого, – подумал я, – значит, это *градусники*⁸. Ребята серьезные, в случае чего они могут кому угодно надрать задницу. Интересно, с кем они сцепились?»

Я чуть замешкался, а затем осторожно направился к «Тигру», рядом с которым, как мне сообщил старлей, находилось фээсбэшное начальство. Там происходила какая-то непонятная движуха. В свете яркой фары-искателя я увидел, как подполковник и человек в штатском подошли к нарядному открытому возку, запряженному четверкой лошадей. Из возка выбрались двое, одетых в старинную одежду – такую я видел на актерах, которые снимались в фильме про гардемарин.

«Приехали, – обреченно подумал я. – Значит, Дашка права, и мы в самом деле оказались в прошлом. Интересно, кто сейчас тут у них самый главный – Елизавета, Екатерина или Павел? Пойду, порадуя Димона и Дашку. То-то им будет весело...»

Я вопросительно посмотрел на Джексона, а он на меня.

– Ну, что ж, дружище, – сказал я псу, – придется нам с тобой привыкать к новой жизни. Тебе-то хорошо – все будут считать тебя иностранцем, ведь такой породы, как черный терьер, еще и на свете-то нет. А мне-то как быть? Впрочем, где наша не пропадала! Думаю, что и при царях мы на что-нибудь да сгодимся...

⁸ Шутливое прозвище бойцов питерского спецотряда «Град».

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Сражения моих ребят с конногвардейцами в стиле Аустерлица или Ватерлоо так и не произошло. Павел на раз-два остановил лихую атаку своих гвардейцев. Для этого ему было достаточно повелительно махнуть рукой, и всадники подняли своих коней на дыбы. А скакавший впереди всех полковник Саблуков, спешившись, подбежал к царю и пал перед ним на колени.

– Ваше императорское величество! – воскликнул он. – Какое счастье, что вы целы и невредимы! Мне тут такое порассказали! Бездельники с перепугу бросили вас одного на дороге и, словно зайцы, помчались за подмогой! Я прикажу примерно наказать этих трусов!

– Успокойтесь, полковник, – император подошел к Саблукову и положил ему руку на плечо. – Ничего страшного не случилось. Просто их кони перепугались рева механизмов, установленных в повозках моих друзей, приехавших в Петербург издалека.

Саблуков встал с колен и подозрительно покосился на нас и на наши машины.

– Ваше императорское величество, – сказал он, – сказать по правде, то для меня тоже несколько странно все это. Но ежели вы, государь, считаете, что вашей жизни ничего не угрожает, то так тому и быть. Приказывайте, как нам поступить – вернуться назад или сопроводить вас вместе с вашими друзьями до Михайловского замка?

Павел обернулся и вопросительно посмотрел на нас.

– Ваше императорское величество, – вступил в разговор Васильич, – было бы неплохо, чтобы господин полковник со своими конногвардейцами проводил бы вас до замка. Кстати, Николай Александрович, – тут Патрикеев внимательно посмотрел на Саблукова, – если мне не изменяет память, назначен со своим эскадроном на 11 марта в караул в Михайловский замок. Может быть, есть резон оставить конногвардейцев нести в вашей резиденции постоянную караульную службу?

Павел задумался. С одной стороны, для царя было весьма неприятно, что некто, чей чин и титул настолько незначителен, что в обычное время его бы просто не подпустили к императору, дает советы ему – самодержцу и правителю огромной империи. С другой стороны, Павлу вспомнился сегодняшний разговор со старой чухонкой, ее предупреждения о готовящемся заговоре и только что услышанное от этих, невесть как явившихся из далекого будущего, людей о случившемся в их истории цареубийстве.

Нет, смерти Павел не боялся – он, как и все христиане, помнил, что с той поры, как Ева с Адамом в райских садах вкусили запретный плод, люди стали смертными. Рано или поздно они предстанут перед Господом и отчитаются обо всех своих делах земных и о грехах, совершенных по злему умыслу или неведению. Император больше беспокоился о стране, полученной им по воле Божьей, и обо всем, что может произойти в ней из-за его упрямства и самонадеянности.

– Хорошо, – решил наконец император. – Пусть полковник со своими людьми сопровождает нас. Только где мне разместить, господа, вас и ваши чудесные повозки? В сам Михайловский замок вас вести не стоит. Туда ежедневно приходит множество людей: министров, чиновников, среди которых многим бы вообще не стоило знать о вашем появлении в Санкт-Петербурге.

О, я, кажется, придумал! Скажите, господин подполковник, – Павел повернулся ко мне, – ваши люди не очень изнежены, и могут ли они какое-то время расположиться биваком, по-солдатски?

Мне вдруг стало смешно. Эх, знал бы царь-батюшка – как моим орлам порой приходилось ночевать под открытым небом, сутками питаться сухпаем и обходиться минимумом удобств.

– Ваше императорское величество, – произнес я, стараясь выглядеть лихо и браво, как и положено старому солдату, которому сам черт не брат. – Мои люди будут нести службу, невзирая на любые тяготы и лишения. А где вы хотите нас разместить?

– Вы знаете, где находится Экзерциргауз? – спросил у меня Павел. Заметив на моем лице недоумение, он повернулся к Патрикееву, который, видимо поняв, о чем идет речь, встрепенулся и кивнул, словно соглашаясь с императором.

– Ваше императорское величество, – ответил Васильич, – если я вас правильно понял, то речь идет о Манеже и конюшнях, которые в прошлом году построил архитектор Винченцо Бренна? Это те, что в двух шагах от Михайловского замка? Рядом с ними еще две кордегардии.

Я вспомнил – Павел трудновыговариваемым словом «Экзерциргауз» назвал то, что у нас носит название Зимний стадион. Действительно, место для нашего размещения весьма удачное. Помещения там большие, вся наша техника поместится в огромных залах Манежа без особого труда. А если у входа выставить крепкие караулы, то никто посторонний в стадион, пардон, Манеж и конюшни пробраться не сможет.

Павел, кивнув Патрикееву, продолжал вопросительно смотреть на меня. На лице его появилась усмешка. Похоже, что его позабавило мое невежество и незнание города, в котором я жил и нес службу.

– Да, государь, я вспомнил – и в самом деле лучшего места для нас и нашей техники трудно найти. Только надо как можно быстрее перебросить ее туда – я уверен, что обо всем, что произошло здесь, уже утром будет знать весь Петербург. В том числе и те, кому об этом знать не следовало бы.

– Господа, думаю, что вы правы, – кивнул император. – Давайте решим – как нам лучше добраться до Михайловского замка, и тронемся в путь.

– Ваше императорское величество, – Васильич подошел к царю и наклонился к его уху, – было бы неплохо, если бы вы прошли вместе со мной к нашим машинам и осмотрели их. К тому же не все те, кто попал в ваше время из будущего, военные. Надо бы узнать, что они за люди, и согласны ли они выполнять приказы Игоря Викторовича. Ну и ваши приказы, соответственно...

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

С ума можно сойти! Расскажи мне кто-нибудь о том, что со мной случилось полчаса назад – ни в жизнь не поверил бы! Но факт остается фактом – я нахожусь в XIX веке, и рядом со мной по скрипящему под ногами свежевывавшему снегу шагает император Павел I – собственной персоной.

Я не удержался и тихонько ущипнул себя за руку – может быть, я сплю, и все это мне снится? Ой, больно! Наверное, и синяк будет... Значит, это не сон, а реальность. Я и в самом деле угодил в прошлое.

Доводилось мне слышать разные страшилки про кровавый камень, лежащий на дне Невы у опор Литейного моста. Дескать, нечисть, прячущаяся в этом месте, время от времени чудит,

закидывая прохожих неизвестно куда. Похоже, что я и Игорь Михайлов со товарищи оказались в 1801 году из-за происков этой самой нечисти.

– Государь, – спросил я у императора, – вы говорили, что вас предупредили о нашем появлении. А кто именно предупредил?

Павел покосился на меня, словно раздумывая, ответить ли мне на мой вопрос. Подумав немного, он произнес:

– Господин Патрикеев, сегодня на Охте мне встретилась странная старуха-чухонка. Видимо, она из тех, кто, подобно многим своим соплеменницам, сохранил способность заглядывать в будущее. Именно она и рассказала, что мне предстоит встреча с удивительными людьми, которым суждено спасти меня от смерти, а нашу страну – от страшных бед, которые обрушатся на бедную Россию после моей кончины. А вам не приходилось встречать таких предсказательниц?

Я задумался. Честно говоря, будучи человеком здравомыслящим, я не верил в разного рода столоверчение, снятие порчи и правку кармы. Хотя были в моей жизни случаи, которые с материалистической точки зрения трудно объяснить.

– Видите ли, государь, – ответил я, – ничего подобного со мной ранее не случилось, хотя за свою жизнь мне довелось многое повидать. Но, как говорится в послании апостола Павла римлянам: *«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!»* – При этих словах император снял треуголку и перекрестился, и я тоже последовал его примеру.

– Я вижу, господин Патрикеев, что вы человек православный, – кивнул Павел. – Это похвально. Значит, вы посланы в наш мир Господом нашим, подобно архангелу Гавриилу, сообщившему праведному старцу Захарии о рождении долгожданного сына, Иоанна Крестителя. Как я понял, вы далеко не архангелы, а воины. Хотя... – тут император резко остановился, – я вижу среди вас истинно ангельское лицо.

Павел указал взглядом на женскую фигуру, стоящую рядом с «Тигром». Симпатичная голубоглазая девушка лет двадцати о чем-то разговаривала с мужчиной в штатском, причем беседа их была далеко не мирной. Рядом с ними сидела, высунув язык, большая черная собака.

– Дашка, – возмутился мужчина, – я же велел тебе сидеть в кабине и не вылезать оттуда. У тебя что, шило в заднице? Какого рожна ты вылезла из машины и шляешься тут?

– Ну, папа, – девица обиженно надула губки, – почему я должна сидеть, словно арестованная? Мне тоже хочется увидеть все, что тут происходит... Говорят, что где-то здесь должен быть царь. Представляешь, папа, живой царь! Интересно, какой он? Вот бы на него взглянуть хотя бы одним глазком...

– Можете взглянуть на меня двумя глазами, мадемуазель, – Павел галантно поклонился девице. – Желание такого прекрасного создания, как вы, для меня закон.

Девица ойкнула от неожиданности и спряталась за спину отца. Мужчина же почтительно склонил голову и представился:

– Иванов Алексей Алексеевич, предприниматель. – Потом, немного подумав, добавил: – Капитан запаса. А это, – он вытолкнул из-за спины смущенную девицу, – моя непутевая дочь, Дарья.

Сидевший у ног мужчины пес громко гавкнул, напомнив о своем существовании.

– А это Джексон, – Иванов потрепал по холке собаку, – черный терьер, чемпион и просто наш лучший друг.

– Господин Иванов, – Павел подошел к предпринимателю, – я был бы очень рад познакомиться с вами поближе. И с вашей очаровательной дочерью тоже. Желая видеть вас у себя во дворце. Считайте это моим приглашением. А пока...

Император взглянул на меня и поправил треуголку.

– Господин Патрикеев, нельзя ли взглянуть вон на ту желтую карету, у которой на крыше светятся голубые огоньки? У нее еще на боку нарисован крест красного цвета. Не следует ли это, что люди, в ней сидящие, имеют отношение к ордену тамплиеров?

Мне стало вдруг смешно.

– Нет, ваше императорское величество, – ответил я, – по роду своей деятельности люди в той карете скорее принадлежат к ордену, великим магистром которого вы, государь, имеете честь быть. То есть к ордену госпитальеров. У нас такие машины выезжают к больным и раненым, дабы оказать им первую помощь.

– Вот как? – сказал Павел. – Тогда я должен обязательно побеседовать с этими людьми. Проводите меня к ним...

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург

Иванов Алексей Алексеевич, частный предприниматель и любитель военной истории

Вот уж эта Дашка! Язва, а не девка! Лезет туда, куда ее не просят! Самого царя языком зацепила. Однако в конечном итоге она оказалась права – мы действительно оказались в прошлом.

Я стал лихорадочно вспоминать все, что знаю о правлении императора Павла Петровича. Не хочу сказать, что я силен в истории, но кое-что о том времени в моих извилинах хранилось.

Вспомнился Средиземноморский поход адмирала Ушакова, взятие крепости на острове Корфу и его встреча с адмиралом Нельсоном. Ну и, конечно, Итальянский и Швейцарский походы Суворова, где он нагнул всех своих противников и получил высшее звание, которое только может быть у полководца – генералиссимус. Это звание присвоил Александру Васильевичу человек, который сейчас стоит в пяти шагах от меня и мирно беседует с нашими медиками. А-бал-деть!!!

Кстати, мне вдруг вспомнилось о том, что в канун убийства Павла I на Балтику влетел неугомонный однорукий британский адмирал Нельсон, обстрелял Копенгаген и датские береговые батареи, после чего приготовился к нападению на Ревель и Кронштадт. Именно так...

Помнится, год назад я ездил по своим коммерческим делам в Таллин, и там, во время экскурсии, местный гид довольно бойко рассказывал мне на «языке оккупантов» о том, как в 1801 году с «визитом вежливости» в здешние воды пришла британская эскадра, а «оккупанты-варвары» – тут экскурсовод покосился на меня – отказали прославленному флотоводцу в гостеприимстве. А ведь история Эстонии могла бы пойти по-иному, если бы европейские войска высадились бы на ее берега и, прогнав русских, «научили культуре и европейским ценностям» эстонцев.

Тут я не выдержал и заржал. Какая такая Эстония?! Не было ее тогда, да и быть не могло. Вся власть в Ревеле находилась в руках здешних немцев, а эстонцев бароны и за людей не считали. Да и британцы от немцев недалеко ушли – они ирландцев своих чморили почем зря.

Все это я высказал экскурсоводу, который обиделся, моментально перестал понимать по-русски и слинял в неизвестном направлении. А я побродил по Старому городу, полюбовался на замок Тоомпеа, на памятник Русалке и на развалины монастыря Святой Бригитты. Вспомнил рассказы отца, служившего здесь сразу после войны на тральцах. Их отряд базировался в Таллине. Он много чего порассказывал об эстонцах и об их помощи Третьему рейху.

Тем временем император закончил беседу с медиками со «скорой», о чем-то переговорил с подполковником, а потом обернулся ко мне.

– Господин Иванов, – сказал царь, – я хочу предложить вам проследовать вместе со всеми вашими... – тут Павел немного замялся, подбирая подходящее выражение. – Одним словом,

самодвижущимися повозками – туда, где их можно будет хранить. Это недалеко отсюда, рядом с моим новым дворцом. Вы можете там расположиться под охраной ваших людей и моих верных конногвардейцев. Я прикажу устроить вам там спальную, а мадемуазель Дарью можно будет пригласить пожить в моем дворце. Великие княжны и императрица с удовольствием примут ее там, как почетную гостью.

Я посмотрел на Дашку. Та закивала, дескать, соглашайся, папа, пока царь не передумал. Честно говоря, мне очень не хотелось расставаться с дочерью. Все-таки лучше нам, людям из XXI века, держаться вместе.

– Прошу меня извинить, ваше императорское величество, – наконец произнес я, – но дочь моя пусть лучше останется вместе со мной. Мы приняли ваше приглашение, и в любое удобное для вас время посетим ваш дворец. Но сейчас, когда смертельная опасность все еще угрожает вашей жизни, женщинам лучше находиться под надежной охраной.

Павел нахмурился. Видимо, мой отказ и напоминание о заговоре вернули его к суровым реалиям XIX века.

– Пусть будет так, господин Иванов, – кивнул император.

И он снова повернулся к подполковнику и к сопровождавшему его штатскому. Подполковник распахнул дверь «Тигра» и предложил Павлу войти в салон бронированного вездехода. Тот, немного поколебавшись, забрался внутрь с третьей попытки. При этом с его головы слезла треуголка, а шпага, нелепо болтавшаяся сзади, зацепилась за порожек машины.

Следовавший за Павлом, словно хвостик, парень лет четырнадцати-пятнадцати растерянно заметался, бормоча под нос что-то по-немецки. Все это время он стоял рядом с императором и, раскрыв от удивления рот, пытался понять, о чем тот говорит с удивительными людьми, которые появились в Петербурге на не менее удивительных повозках. Похоже, что этот юноша все же понимал немного по-русски, потому что время от времени он вздрагивал и с удивлением смотрел то на императора, то на тех, кто с ним беседовал.

Штатский, внимательно наблюдавший за юным спутником Павла, что-то сказал тому по-немецки. Парень в военном мундире кивнул и вслед за императором полез в салон «Тигра».

– Ну что, Алексей Алексеевич, – кивнул он мне, – по коням? Следуем на Манежную площадь. Одним словом, к Зимнему стадиону. Дорогу знаете?

Я кивнул.

– Тогда пойдете замыкающим. Может быть, вам посадить сопровождающего с оружием? Хотя...

Штатский взглянул на Джексона, который настороженно смотрел на незнакомого ему человека.

– Ладно, с такой сурьезной собачкой вам и в самом деле вряд ли что-нибудь угрожает. Ну, а если что, будем держать связь. Сейчас я принесу вам рацию. И еще – меня зовут Василий Васильевич Патрикеев. Можете звать по имени.

– Хорошо, Василий, – ответил я. – Жду рацию. Эх, угораздило нас попасть хрен знает куда. Одно скажу – если нужна будет наша помощь, можете рассчитывать на меня, мою дочь и моего друга. Но об этом мы поговорим в Манеже...

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Герцог Ойген Фридрих Карл Пауль Людвиг фон Вюртемберг, известный в России как Евгений Вюртембергский

Два месяца назад я прибыл в этот холодный, мрачный, но необыкновенно красивый город. До того вся моя жизнь ограничивалась крохотным Эльским княжеством в Силезии.

Я родился в Эльсе, но почти все время жил в небольшом родительском замке Карлсруэ. Слышал я, что и в далеком герцогстве Баден-Дурлах есть город Карлсруэ, но он не имеет к нам никакого отношения, к тому же находится он от нас далеко, в ста двадцати вюртембергских милях⁹. Впрочем, расстояние до моей родни в Штутгарте всего на десять миль меньше, и мы очень редко видим родственников в нашем родовом гнезде.

Тем не менее моя тетушка, младшая сестра отца, София Доротея фон Мёмпельгард, ставшая императрицей Марией Федоровной, приняла живейшее участие в моей судьбе и убедила августейшего супруга своего, императора российского Павла, принять меня на русскую службу, когда я был еще ребенком. Все эти годы я числился в отпуске ради получения образования, но продолжал двигаться по службе. Недавно меня поздравили генерал-майором, хотя я ни дня не служил в русской армии. В конце прошлого года его императорскому величеству было угодно пригласить меня в свою столицу.

Мне посчастливилось понравиться тетушке и ее царственному мужу, и меня поместили в кадетский корпус, где я начал постигать военную науку и другие дисциплины. Впрочем, родители мои дали мне весьма неплохое образование, и проблемы у меня были только с русским языком. Конечно, у нас в Силезии сельские наши подданные говорят на родственном русскому силезском языке, с которым я немного знаком. Но он все же достаточно сильно отличается от русского и не позволяет ни говорить, ни писать, ни читать на русском языке, хотя отдельные слова разобрать я могу.

А мне необходимо знать язык моей новой родины в совершенстве. Поэтому я весьма усердно пытаюсь его учить, и уже смог добиться некоторых, пусть и весьма скромных, успехов на этом нелегком поприще.

В этот день императору было угодно взять меня с собой на пороховой завод, дабы я мог ознакомиться с его работой и увидеть своими глазами процесс изготовления того, без чего ни одна европейская армия обойтись не может. Но по дороге на завод с нами приключилась одна странная история. Пожилая простолюдинка, засмотревшись на нас, неожиданно поскользнулась и упала. Мы с императором выбежали из открытой повозки, двигавшейся по улицам на полозьях, и помогли встать бедной старушке. Я еще раз убедился, какое доброе сердце у человека, столь щедро осыпавшего меня почестями. Силезские вельможи, скорее всего, не обратили бы внимания на какую-то там бабку, а то и велели бы кучеру огреть ее плеткой, чтобы впредь не зевала и смотрела под ноги.

После того как мы помогли доброй женщине встать, я вернулся в возок, а император еще долго с ней о чем-то разговаривал. Вернувшись и усевшись рядом со мной, он был сильно встревожен и расстроен. Я знал, что император Павел страдает сильными головными болями, и даже как-то раз со смехом объяснил мне, что делит свои мигрени на четыре категории. Первая – «круговая» – это когда болит затылок; вторая – «плоская» – вызывающая боль во лбу; третья – «обычная» – легкая боль; четвертая – «сокрушительная» – когда от боли взрывается вся голова. Но на этот раз не головная боль мучила императора.

На мой вопрос о причинах его задумчивости и печали он ответил вопросом, верю ли я в предсказания и людей, которые могут видеть будущее других.

Конечно, мы, германская нация, мыслим рационально – наши философы, с чьими учениями я немного знаком, как правило, отрицают все потустороннее и превозносят человеческий разум. И даже вера евангелическая¹⁰, в коей я крещен и воспитан, начисто лишена мистики, кроме личности Спасителя.

Но челядь наша в Силезии верит в духов, привидения и дар пророчества. Те, кто заботился обо мне в раннем детстве, передали и мне, грешному, эту веру. А то, что я слышал здесь,

⁹ Соответствует примерно девяностам километрам.

¹⁰ Так сами себя именуют лютеране.

в России, лишь укрепило мою уверенность в том, что не все можно объяснить рационально, и что есть люди, которые видят будущее, хотя бы в некоторых его аспектах.

На мой вопрос, что именно старушка рассказала императору, тот ничего не ответил, но всю дорогу до порохового завода был задумчив и отвечал невпопад на мои вопросы. А после того, как мы закончили все наши дела на заводе, он зашел в местную церковь, где провел много времени, молясь у картин с изображениями Господа нашего Иисуса Христа и матери Его Марии.

Я уже знал, что такие картины здесь именуется иконами. Евангелическая церковь считает поклонение им идолопоклонством, но мне успели объяснить, что для русских это молитва не изображению святого, а ему самому. И Дева Мария для них не просто мать Христова, а величайшая из всех святых.

Уехали мы из Пороховой слободы уже затемно. А на обратном пути, уже не так далеко от Михайловского замка, мы увидели непонятные железные коробки на колесах и странно одетых людей.

Яркий луч света ударил нам в глаза, и мы услышали громкий голос. Из сказанных слов я понял лишь то, что нам велели прекратить движение.

Его величество приказал кучеру остановиться. Губы его шептали какую-то молитву, но он не сдвинулся с места. И хотя мне, вынужден признать, захотелось убежать как можно дальше, я вспомнил, что мне говорил отец: не тот храбр, кто страха не знает, а тот, кто боится, но все равно делает то, что должен. И я остался рядом с императором.

Вскоре к нам приблизились двое – пожилой человек с седой бородкой и высокий, широкоплечий военный в странном мундире безо всяких украшений, кроме нашивки со странной комбинацией букв и цифр.

Говорили они с императором по-русски, так что я мало чего понял из их разговора, кроме того, что человек в униформе оказался не простым солдатом, а подполковником. Мне сразу понравились их манера держать себя и их тон – почтительный, но без тени подобострастия. Меня удивило, что император, любящий субординацию, дисциплину и чинопочитание, разговаривал с ними почти как с равными.

Ладно, подумал я, его величество, наверное, мне все потом расскажет сам. Но тут со стороны дворца, когда-то принадлежавшего князю Потемкину, послышался топот копыт. По Шпалерной улице к нам скакали конногвардейцы во главе с полковником Саблуковым. Видимо, они подумали, что неизвестные напали на возок, в котором ехал император, и захватили государя в плен. А теперь они с подкреплением вернулись, чтобы спасти своего монарха. Император решительно шагнул им наперез.

Недоразумение закончилось вполне благополучно. Конногвардейцы выслушали объяснение государя, недоверчиво посмотрели на его странных собеседников и спешили.

Император пошел к удивительным железным фургонам незнакомцев. Там он потолковал о чем-то с красивой фройляйн, гулявшей с большой черной собакой, а потом с пожилым мужчиной, который, как я понял, был ее отцом, а также с людьми в синих просторных одеждах, сидевших в желтой повозке с красными крестами на боку.

Потом я услышал слово «Экзерциргауз». Мне было хорошо известно это красивое здание недалеко от нового дворца русского императора. Там содержали лошадей и обучали солдат и офицеров конной выезде. Наверное, подумал я, государь решил убрать туда необычные повозки этих странных людей.

Так оно, по всей видимости, и было. Коротко переговорив с военным, назвавшимся подполковником (как я ругал себя за то, что плохо знаю русский язык!), император кивнул ему и стал неловко забираться в большую повозку, которая почему-то все еще не была запряжена лошадьми. Я понял только, что эти люди сказали императору что-то очень важное, и он был

очень взволнован. Я услышал некоторые фразы, из которых мне стало ясно, что незнакомцы собираются спасти государя от смерти.

Я забеспокоился. Хотя государь и дал мне чин русского генерала, но я был всего-навсего ребенком, который едва вышел из-под родительского крова и вступил во взрослую жизнь. И вторыми родителями для меня стали моя тетушка и ее русский муж – повелитель огромной страны. Поэтому я, несмотря свою молодость, готов был отдать жизнь, защищая тех, кто стал мне родными и близкими.

Решившись, я приблизился к повозке, в которую сел император. Меня остановил пожилой мужчина с седой бородкой.

– Извините, молодой человек, вас зовут Ойген Фридрих фон Вюртемберг? – обратился он ко мне по-немецки со странным акцентом.

Я удивился, немного замялся, а господин ласково погладил меня по плечу и сказал:

– Не бойтесь, мы друзья императора Павла, и хотим спасти его от грозящей ему опасности. Мы знаем, что вы любите государя и готовы отдать за него жизнь. Я попрошу вас сесть в автомобиль – так называется самодвижущаяся повозка, на которой мы сейчас отправимся в Экзерциргауз. Меня зовут Василием Васильевичем Патрикеевым, но вы можете называть меня Базилиус. Доверьтесь мне, и я обещаю, что общими усилиями мы сохраним жизнь императора и его семьи.

Кивнув герру Базилиусу, я собрался с духом и, зажмурив глаза, шагнул в освещенное странными светильниками нутро удивительного автомобиля.

Историческая справка

Русский немец

Фридрих Ойген Карл Пауль Людвиг фон Вюртемберг родился в 1788 году в Эльсе (Силезия). Он был сыном герцога Ойгена Фридриха Генриха Вюртембергского – генерала на службе короля Пруссии Фридриха II. Казалось бы, сыну прусского генерала сам бог велел тоже стать военным и верно служить Гогенцоллернам. Но такому развитию событий помешало родство юного Фридриха Ойгена с императрицей российской Марией Федоровной, в девичестве Софией Марией Доротеей Августой Луизой Вюртембергской и младшей сестрой его отца.

Именно она и похотатайствовала перед своим августейшим супругом о зачислении племянника на русскую службу. Император Павел I не поспешил: восьмилетний Евгений – так Фридриха Ойгена стали называть в России – стал сразу полковником. В начале 1797 года Евгений был зачислен в лейб-гвардии Конный полк. А 4 февраля 1799 года он был произведен в генерал-майоры и назначен шефом драгунского генерал-майора Сакена 3-го (Псковского драгунского) полка. Все эти чины он получил заочно, числясь «в отпуску для прохождения наук» и проживая с родителями в Эльсе.

В Россию 13-летний Евгений приехал в январе 1801 года. Молодой, но не по годам смелый и рассудительный юноша сумел понравиться императору Павлу Петровичу. Вскоре он был награжден новым российским орденом Святого Иоанна Иерусалимского. Поговаривали, что император Павел I даже подумывал о том, чтобы назначить Евгения наследником престола, лишив великого князя Александра Павловича прав на российскую корону.

Но все резко изменилось после 11 марта 1801 года, когда заговорщики в Михайловском замке убили императора Павла I. Его кузен, новый император Александр I, перевел Евгения из гвардии в армию и назначил его шефом Таврического гренадерского полка. Евгений, понимая, что его присутствие в России не всем нравится, уехал к родителям в Силезию, продолжая, впрочем, числиться на службе, находясь в отпуске «для завершения наук».

С началом войны между Россией и наполеоновской Францией, Евгений в начале 1806 года прибыл в штаб действующей русской армии в Пруссии и поступил на службу. Он участвовал в кампании 1806–1807 года, приняв участие в кровопролитном сражении при Пултуске 14 (26) декабря 1806 года. Тогда русские войска нанесли большие потери французским войскам, возглавляемым одним из лучших маршалов Наполеона Жаном Ланном. За это сражение, в котором восемнадцатилетний Евгений впервые услышал рев пушек и свист пуль у себя над головой, он был награжден орденом Святого Георгия IV степени.

Далее было участие в упорном и жестоком сражении при Прейсиш-Эйлау (7–8 февраля 1807 года) между русскими войсками, возглавляемыми генералом Беннигсеном, и французскими, которыми командовал сам Наполеон Бонапарт. Это была настоящая мясорубка – общее количество убитых и раненых превысило 50 тысяч человек, причем потери с обеих сторон были примерно равными. За это Евгений был награжден орденом Святой Анны I степени. Во время сражения при Фридланде, неудачном для русской армии, 14 июня 1807 года Евгений получил контузию. Вскоре в Тильзите был подписан мир между Россией и Францией.

В 1809 году молодой генерал Евгений Вюртембергский, исходя из своего опыта войны с французами, составил записку «О Наполеоне и образе ведения войны против него». Его труд был высоко оценен – Евгения наградили орденом Александра Невского, третьим по старшинству орденом Российской империи.

Отечественную войну 1812 года Евгений встретил командиром 4-й пехотной дивизии. Он храбро сражался с врагом – под Смоленском 5 августа 1812 года лично повел в атаку 4-й егерский полк, за что был награжден орденом Святого Владимира II степени. Евгений Вюртембергский отличился в битве при Бородино, в сражениях при Малоярославце, Вязьме и Красном. Он получил чин генерал-поручика и несколько боевых орденов.

Евгений принял участие в Заграничном походе русской армии 1813–1814 годов. В сражении при Лютцене он, после ранения генерала Блюхера и генерала Шарнхорста, принял под свое командование прусские войска. Евгений храбро сражался при Бауцене, Рейхенбахе и Дрездене. При отступлении объединенной русско-прусской армии в Богемию, он, командуя 10-тысячным отрядом, выдержал натиск втрое превосходящих его французских войск генерала Вандама. Во время кровопролитного сражения при Кульме, Евгений Вюртембергский командовал первой линией центра русской позиции.

Отличился он и во время знаменитой «Битвы народов» при Лейпциге (16–19 октября 1813 года), когда корпус, которым командовал Евгений, взял деревню Вахау и стойко оборонял ее, понеся при этом большие потери.

В кампанию 1814 года Евгений участвовал в сражениях: при Ножане, Бар-сюр-Об, Фер-Шампенуазе. При взятии Парижа в марте 1814 года Евгений Вюртембергский командовал левой колонной союзных войск, двигавшихся на

французскую столицу по правому берегу Сены. Его войска первыми вступили в Париж.

После окончания боевых действий Евгений был назначен командиром 1-го пехотного корпуса. 14 октября 1821 году его освободили от командования корпусом. Причиной этому стали старые нелады между кузенами – Евгением Вюртембергским и императором Александром I. В конце концов заслуженный генерал взял бессрочный отпуск и уехал в Силезию, где жил в своих имениях.

После смерти императора Александра I Евгений вернулся в Россию. Во время восстания декабристов 14 декабря 1825 года он находился при другом своем кузене – императоре Николае I, который поручил Евгению организовать охрану Зимнего дворца. Новый русский монарх не сомневался, что боевой генерал не позволит мятежным гвардейцам уничтожить августейшую семью (а такие планы у них были).

22 августа 1826 года Евгений Вюртембергский получил высшую награду Российской империи – орден Святого апостола Андрея Первозванного.

Опытный военачальник занялся штабной работой. В 1826 году он участвовал в составлении плана войны против Турции. С ее началом Евгений выехал на театр военных действий, где состоял при императоре Николае I. В июле 1828 года он был назначен командиром 7-го пехотного корпуса. При нападении на турецкий укрепленный лагерь на высоте Куртепе 18 (30) сентября 1828 года Евгений был ранен. 3 октября его корпус нанес поражение крупному турецкому отряду на реке Камчик.

14 октября 1828 года Евгений Вюртембергский из-за конфликта с главнокомандующим генерал-фельдмаршалом Дибичем был вынужден сдать корпус и уехать в Санкт-Петербург. За участие в войне с Турцией 1828–1829 годов ему были пожалованы бриллиантовые знаки к ордену Андрея Первозванного.

С 1829 года Евгений активного участия в военной службе и придворной жизни не принимал. Проживал он в основном в своих имениях в Силезии, часто посещая Россию. В 1839 году Евгений Вюртембергский приехал на Бородинское поле, чтобы принять участие в юбилейных торжествах в честь 25-летия окончания войны с Наполеоном. После 1840 года он посещал Россию редко, проживал в Силезии, занимался музыкой (Евгений был автором ряда симфонических и камерных произведений) и литературой (написал обстоятельные мемуары). Скончался он в любимом имении Карлсруэ, в Верхней Силезии, в кругу семьи.

Современники считали Евгения Вюртембергского одним из лучших русских пехотных командиров времен наполеоновских войн. Его портрет по праву находится среди портретов героев Отечественной войны 1812 года в галерее Зимнего дворца.

Глава 2

Необычные гости царя

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РСН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Павел с трудом уселся на сиденье в салоне «Тигра». Шпагу, которая ему явно мешала и путалась в ногах, и треуголку, цеплявшуюся за внутреннее оборудование машины, ему пришлось снять. Их принял подросток в военной форме, который забрался в «Тигр» следом за императором. Я хотел было его шугануть, но Васильич за спиной пацана подмигнул мне. Понятно – значит, этот паренек для чего-то нужен Патрикееву. «Тонкое дело – европейский политик», – вспомнилась мне вдруг фраза из кинофильма про царя Петра Великого – прадедушки императора Павла Петровича.

Дверь захлопнулась, и я по рации отдал команду начать движение. «Тигр» в сопровождении конногвардейцев должен был следовать первым.

Зарычал двигатель, и автомобиль тронулся с места. Император и парень в военном мундире вздрогнули. Павел непроизвольно перекрестился и испуганно стал озираться по сторонам. Но вскоре он успокоился и начал с интересом осматривать салон нашего «пепелаца». Похоже, что у него появилось немало вопросов к нам, но император сумел справиться со своим любопытством, и заговорил он о делах насущных.

– Господин Патрикеев, когда мы доберемся до Экзерциргауза, я пришлю к вам десятка два моих верных преображенцев. Их командира, поручика Марина, я предупрежу, чтобы он выполнял все ваши приказания так же неукоснительно, как и мои. Думаю, для начала этого будет вполне достаточно...

– Эх, ваше императорское величество, – вздохнул Васильич, – а вы ведь и не знаете, что Сергей Марин в нашей истории, в ту роковую ночь командовавший внутренним караулом в Михайловском замке, приказал ничего не подозревавшим солдатам этого славного полка беспрепятственно пропустить заговорщиков к вашим покоям.

– Боже мой! – воскликнул Павел. – Неужели мне теперь нельзя никому верить? Кругом предательство, трусость и измена!

Услышав эту знаменитую фразу, в марте 1917 года произнесенную потомком Павла Петровича императором Николаем II, мы с Патрикеевым, не сговариваясь, переглянулись. История повторилась, правда, жертвами заговора тогда стал не только русский царь, но и вся его семья.

– Государь, – снова вздохнул Васильич, – в числе заговорщиков оказались все, кому вы полностью доверяли: граф Пален, комендант Михайловского замка генерал Котлубицкий, ваш адъютант Аргамаков и, самое главное, ваш наследник Александр Павлович.

– Это ужасно, – прошептал император. – Выходит, если бы не вы, то меня непременно бы убили?

– Скорее всего, – безжалостно произнес Патрикеев, – так бы оно и было. Но, государь, мы на сей раз не позволим это сделать. Не следует забывать, что нам известны все участники заговора, и потому мы должны первыми нанести удар. Люди подполковника Михайлова возьмут вас под свою защиту. Поверьте, оружия, которым они обладают, в этом мире нет ни у кого.

Кроме того, за вами, государь, армия. Солдаты вас любят, они помнят, что вы улучшили их денежное содержание, строго наказывали командиров, бессовестно запускавших руку в полковую казну. Заговорщики – это кучка гвардейских офицеров, которые привыкли получать чины и награды не на поле боя, а на дворцовых паркетах.

– Ваше императорское величество, – вступил в разговор я, – заговорщики отработывают британские деньги, которыми их щедро снабжал английский посол в Санкт-Петербурге Чарльз Уитворт.

– Так я же выслал этого мерзавца из России! – воскликнул Павел. – Правда, до Лондона он так и не добрался и сейчас находится в Дании, откуда интригуется против меня.

– Кстати, – покачал головой Патрикеев, – со дня на день к Копенгагену подойдет британская эскадра. Без объявления войны она нападет на столицу Дании, уничтожит береговые батареи и захватит корабли датского флота.

– Неужели британцы могут так подло поступить?! – возмутился Павел. – Впрочем, от этой нации торгашей можно ожидать чего угодно.

– Эти бесчестные лорды нашли русских единомышленников, которые приняли участие в вашем убийстве, – сказал Васильич. – В их числе и Никита Панин, человек, которого вы считаете своим лучшим другом. Именно он и склонил наследника престола Александра Павловича к участию в заговоре.

– Как, Никита Петрович тоже участник заговора?! – На императора было жалко смотреть. По щекам его покатались слезы, а лицо стало бледным, как бумага.

– Эх, государь, – вздохнул Патрикеев. – Поверьте мне, очень многие из вашего окружения предали вас, как Иуда предал Спасителя. Могу лишь сказать, что один из немногих, кто останется вам верен, – это генерал Аракчеев. Жаль только, что вы из-за интриг графа Палена повели ему отправиться в свое имение в Новгородскую губернию. За несколько дней до вашего убийства вы все же решите простить «преданного без лести»¹¹ и прикажете ему срочно прибыть в Петербург. Он немедленно отправится в путь и прибудет в столицу вечером, за несколько часов до того, как заговорщики ворвутся в Михайловский замок. Но по приказу Палена Аракчеев будет задержан до утра 12 марта на заставе у въезда в Петербург. И он не успеет ничем вам помочь.

Павел задумался. «Тигр» тем временем осторожно двигался по пустынным улицам столицы Российской империи. Мне сперва показалось подозрительным, что на улицах не было ни души, а в окнах домов я не заметил ни одного огонька. Но потом я вспомнил, что по указу императора уже в десять часов вечера все жители столицы обязаны были гасить свечи и ложиться спать.

Правда, обитатели дворянских особняков нашли выход – они просто велели слугам задергивать окна плотными шторами на двойной подкладке, словно светомаскировку во время Великой Отечественной войны. Потом зажигались свечи, и начиналось веселье, часто продолжавшееся до утра.

Вскоре мы свернули с Литейного проспекта и подъехали к каменному трехпролетному мосту с башенками, чем-то похожему на мост Ломоносова.

– Вот мы и приехали, – сказал Васильич, взглянув в окно автомашины. – Государь, прикажите полковнику Саблукову распорядиться, чтобы открыли ворота, дабы наши машины могли въехать в Манеж.

– Господа, наверное, будет лучше, если я лично отдам все необходимые распоряжения, – Павел пристально посмотрел мне в глаза. – После того, как я услышал от вас всю правду о заговоре, безопасней будет, если приказания, касаемые вас, будут исходить непосредственно от меня. Так будет лучше для вас, да и для меня тоже...

* * *

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

¹¹ Эти слова в качестве девиза были начертаны в гербе Аракчеева.

Василий Васильевич Патрикеев – журналист

Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь¹², вспомнились мне строки из одной умной книги. Наши знания, обрушившиеся на голову бедного Павла Петровича, похоже, вызвали у него когнитивный диссонанс. Император словно постарел на несколько лет. Его можно было понять – выяснилось, что большинство тех, кого он считал своими верными соратниками и друзьями, оказались предателями и интриганами, замешанными в заговоре и ставшими соучастниками цареубийства.

«Тигры», грузовичок и «скорая», рыча моторами, осторожно въехали в помещения Манежа. Павел, до этого задумчиво наблюдавший за действиями водителя нашего «пепелаца», очнулся от своих тяжких раздумий и внимательно посмотрел на нас.

– Господа, – со вздохом произнес он, – все, что вы мне сейчас рассказали, весьма меня огорчило. Теперь я даже и не знаю, кому из моих приближенных можно доверять, а кому – нет. Даже если мой родной сын и наследник злоумышляет против меня...

Император замолчал и с досадой махнул рукой.

– Государь, – ответил я, – вы потеряли тех, кто оказался недостоин вашего доверия, но вы нашли людей, которые готовы оказать вам помощь и спасти вас. Не забывайте, что нам известно то, что произошло в нашем прошлом, то есть в вашем будущем.

– Я знаю, господа, что ваше появление в нашем времени накануне готовящегося на меня покушения – не случайность. Это промысел Божий, – тут Павел перекрестился, – и, видимо, высшие силы решили, что однажды совершенное ужасное преступление не должно снова повториться.

Скажите, как мне лучше поступить? Что вы посоветуете мне сделать? Решать, конечно, придется мне, как самодержцу, коего Господь по своему промыслу поставил во главе нашей державы. Но я все же человек и потому с благодарностью приму умный и добрый совет, который поможет спасти жизни сотен тысяч моих подданных.

– Ваше императорское величество, – вступил в разговор подполковник Михайлов, – мне кажется, что вам не стоит медлить. Я уверен, что шпионы графа Палена уже сегодня доложат ему о вашей встрече с людьми, появившимися неизвестно откуда на странных самодвижущихся повозках.

Пален, как человек умный, коварный и решительный, поймет, что судьба заговора висит на волоске. И он может выступить раньше 11 марта... Поэтому, государь, я предлагаю вам немедленно арестовать главарей заговора. Вам же в эту ночь и, возможно, в следующую следует находиться под охраной моих бойцов.

– А если заговорщики испугаются и отложат на время свои гнусные намерения? – спросил император. – Что же, мне, господин подполковник, все время находиться под охраной ваших людей?

Павел начал пыхтеть, словно самовар, что было признаком того, что он волнуется или сердится. Нам сие ни к чему – в подобных ситуациях император часто принимал скоропалительные решения, о которых он потом не раз жалел.

– Ваше императорское величество, – сказал я, – прошу вас не сердиться. Подполковник Михайлов прав – противника нельзя недооценивать. Граф Пален может сообщить солдатам гвардейских полков ложное известие о том, что некие бандиты захватили императора в плен, и повести их на штурм Михайловского замка. Солдаты любят вас, государь, и не задумываясь бросятся вас спасать. А заговорщики под шумок убьют вас. Во время штурма могут погибнуть и члены вашей семьи – вы же знаете, что потом все свалят на нас, и те из нас, кто останется в

¹² Книга Екклесиаста, 1:18.

живых, будут подвергнуты мучительным пыткам и казни. Государь, вы ведь не желаете, чтобы так произошло?

Павел вздрогнул. Похоже, что только сейчас до него дошло, что мятежники – люди без чести и совести, и они не остановятся перед убийством не только его, которого ненавидят все те, кто при его матери, императрице Екатерине Великой, разворовывал казну, пировал и развратничал. Жертвой вооруженного мятежа может стать его супруга, и даже дети.

Разве не случилось нечто подобное совсем недавно во Франции? Где король Людовик XVI и королева Мария Антуанетта? Они мертвы – взбунтовавшаяся чернь бросила их в Тампль, а потом отрубила головы на изобретенном якобинцами чудовищном устройстве для казни, именуемом гильотиной. А кто подстрекал чернь? Среди тех, кто ликовал, наблюдая за унижениями несчастной королевской семьи, были и нацепившие трехцветную кокарду титулованные особы. Даже соплик граф Строганов бегал по Парижу во фригийском колпаке и, надрывая глотку, орал: «Liberté, Égalité, Fraternité!»¹³

Правда, потом этим самым аристократам якобинцы самим отрубили головы, после чего Франция провалилась в пучину анархии и войны всех против всех. И лишь Наполеон, которого Павел совсем недавно оценил по достоинству, пришел к власти и железной рукой навел в стране порядок.

Во время своего путешествия по странам Европы, еще будучи наследником российского престола, Павел со своей супругой гостил в Париже у королевской четы. Людовик и Мария Антуанетта тогда были еще молоды и беззаботны. Павел и Мария Федоровна подружились с королем и королевой. Они вместе танцевали на балах, музицировали, бродили по аллеям Версаля, беседуя о новых театральных постановках и о последних новинках моды. Злодейская расправа парижан над Людовиком XVI вызвала ярость у Павла. Во многом это подвигло его, когда он стал императором, заключить союз с Австрией и Британией против кровожадных санкюлотов, осмелившихся поднять руку на священную особу короля.

– Господа, вы правы, – произнес наконец Павел. – Злодеи должны понести заслуженное наказание. Прошу вас, – он посмотрел на меня, – составить списки тех, кого следует немедленно взять под стражу. Особо укажите заводчиков мятежа. Тех, кто участвовал в нем, но не злоумышлял против меня, внесите в отдельный список. Пишите всех, невзирая на титулы и чины. А потом мы с вами решим, что делать дальше...

* * *

*1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.
Император Павел I*

У меня голова шла кругом. Даже мучившая меня с утра мигрень куда-то делась. То, что мне удалось сегодня узнать и пережить, потрясло меня.

Предательство, кругом предательство! Самые мне близкие люди предали меня – а ради чего?! Из-за того, что я не позволяю им, как это было при моей покойной матери, продолжать разворовывать деньги из казны?! Или за то, что я заступился за крестьян, не разрешив помещикам выжимать из них последние соки?! За то, что я простил таких отъявленных мерзавцев, как братья Зубовы, а они отплатили мне за все это участием в царевубийстве?!

Господин Патрикеев рассказал о том, что произошло в моей опочивальне в ночь с 11 на 12 марта. Это было ужасно! Николай Зубов первым ударил меня тяжелой золотой табакеркой в висок, тем самым совершив страшное преступление – он поднял руку на священную особу Помазанника Божьего! А остальные... Пьяные от вина и чувства безнаказанности заговорщики

¹³ Свобода, равенство, братство – лозунг Великой французской революции.

пинали ногами поверженного самодержца, да так, что врачи, которые потом пытались привести в порядок труп убиенного императора (мой труп!), смогли это сделать лишь с большим трудом. У него (у меня!) был выбит глаз, изуродовано лицо, свернута шея...

Боже мой, прости и помилуй того несчастного, который в прошлом моих спасителей был зверски убит заговорщиками! Нет, я не позволю мерзавцу Палену и его шайке прикончить себя... Подполковник Михайлов прав – нельзя медлить, надо немедленно начать сыск по этому делу и арестовать всех, кто причастен к заговору. Вот только не следует наказывать строго солдат и тех из офицеров, кого их начальники использовали в качестве слепых орудий преступления. Ведь нож не виноват в том, что он пронзил сердце своей жертвы. Виновата рука злодея, направившего этот нож в грудь человека.

Я посмотрел на сидевших в самобеглой карете, именуемой автомобилем, пришельцев из будущего. О, как мне хотелось задать им вопросы, много вопросов! Но все это потом, когда заговорщики будут арестованы и жизнь членов моей семьи окажется вне опасности.

– Господа, я понимаю, что вы знаете о том, что случилось в Михайловском замке в ту роковую ночь, лучше меня. Поэтому я готов сделать все, что вы скажете. Сейчас я направляюсь в свою новую резиденцию, где, как я считал, я должен был находиться в полной безопасности. Кто из вас будет меня сопровождать?

Подполковник Михайлов и господин Патрикеев переглянулись. Я понял, что они желали бы переговорить между собой тет-а-тет, и потому, чтобы предоставить им эту возможность, решил выйти из их самобеглой кареты.

Вместе с юным герцогом Вюртембергским я выбрался в темноту Манежа, пропахшего конским навозом и сыростью. Ойген был испуган и взволнован – я заметил, как у него дрожат руки. Но все же молодой человек вел себя вполне достойно, и мне это понравилось.

– Ваше императорское величество, – сказал он, – я плохо знаю русский язык, но то, что мне удалось понять из вашего разговора с этими незнакомцами, ужаснуло меня. Вы в опасности, государь? Злодеи из числа ваших придворных собираются вас убить?

– Да, мой мальчик, все именно так, – я тяжело вздохнул и погладил по голове племянника моей супруги. – Меня должны убить, но люди, неведомо каким путем пришедшие к нам из будущего, решили спасти меня и мою державу, которой после моей смерти тоже грозят великие потрясения и бедствия.

– Это невозможно, государь! – воскликнул изумленный герцог. – Я допускаю, что Господь по Своему промыслу и желанию может дать простому смертному способность предсказывать будущее. Но чтобы Он перенес из этого будущего в прошлое живых людей вместе с их удивительными механизмами!..

– Как это ни удивительно, Ойген, но люди, с которыми я только что беседовал, пришли именно из будущего. Они знают о нас все, потому что их прошлое – это наше настоящее и будущее. Именно о них сказала мне сегодня старая чухонка, с которой мы встретились днем. Помнишь ту несчастную женщину, которой мы помогли встать на ноги, следуя на Пороховой завод?

– Боже мой! – юный герцог Вюртембергский схватился за голову. – Это значит, что этим людям известна и наша судьба – они знают, что мы будем делать, как мы проживем свою жизнь и когда умрем!

– Ойген, ты прав, конечно, но узнав о том, что должно произойти, мы можем не совершать тот или иной поступок, и тем самым наше будущее изменится и перестанет быть похожим на их прошлое. Ты понимаешь – наше будущее мы сможем творить сами...

Дверь самобеглой кареты открылась. Подполковник Михайлов и господин Патрикеев вышли из нее и направились в нашу сторону. Видимо, они решили, что именно следует сделать, чтобы заговор не осуществился и все причастные к нему понесли заслуженное наказание.

– Ваше императорское величество, – сказал Патрикеев, – мы решили, что с вами в Михайловский замок следует отправиться несколькими из нас. Вы найдете там место для пяти человек?

– Полноте, – ответил я, – в вашем распоряжении весь мой замок. Скажите только, и я прикажу предоставить вам любой зал или кабинет.

Господин Патрикеев и полковник Михайлов переглянулись. У меня сложилось впечатление, что у них уже был готов некий план действий, с которым они решили познакомить меня.

– Государь, нам необходимо выставить пост охраны в помещении библиотеки, смежной с вашей спальней. Скажите, многим из ваших придворных известно о существовании потайной лестницы, расположенной за фальшивой печью в библиотеке и ведущей в нижние комнаты?

Я вздрогнул. Эти люди знали даже это! Но, как оказалось, они знали не только расположение тайных помещений и лестниц в моем новом дворце, но и еще кое-что...

– Государь, – господин Патрикеев, немного помялся, словно собираясь сказать нечто, не совсем для меня приятное. – Мы бы очень хотели, чтобы вы попросили мадам Гагарину на время покинуть свое помещение в замке и перебраться в другое помещение, или вообще пожить некоторое время у себя дома...

Я почувствовал, что в лицо мне ударила кровь. Этим людям известно даже о том, что я иногда тайком по вечерам посещаю Аннушку... Да, воистину, нет ничего тайного, что не стало бы явным.

– Ваше императорское величество, – сказал подполковник Михайлов, – поймите нас правильно – мы должны гарантировать вам полную безопасность. Поверьте, мы не желаем вас оскорбить или вторгаться в вашу частную жизнь. Но злодеи могут ворваться в комнату вашей фаворитки и по тайной лестнице подняться вверх, после чего они попадут в вашу комнату... Или, в случае неудачи своего предприятия, они прикроются княгиней Гагариной как живым щитом и могут попытаться скрыться от возмездия.

– Господа! – воскликнул я. – Да разве такое возможно?! Превратить женщину в живой щит?!

– Эх, государь, – вздохнул господин Патрикеев, – мы столкнемся с людьми без совести и чести, готовыми пойти на любую подлость, чтобы спасти свою шкуру. А что касается женщин... К сожалению, в нашем времени бандиты прикрывались от пуль не только женщинами, но и маленькими детьми...

Я едва не задохнулся от возмущения. Мне и в голову не могло прийти, что мои новые друзья прибыли из мира, в котором происходят такие ужасные преступления, и где понятия о рыцарстве и дворянской чести полностью отсутствуют.

– Государь, – продолжил подполковник Михайлов, – как вы считаете, может, было бы неплохо завтра же отправить вашу супругу и ваших детей в Павловск или в Гатчину? Думаю, что вы сможете ее уговорить это сделать. А в ее спальне, смежной с вашей, будут дежурить наши люди. В случае необходимости они придут к вам на помощь.

– И как долго все это будет продолжаться? – спросил я. Мне не сильно нравилось все то, что предложили мне эти господа, но вспомнились ужасные подробности убийства меня (или не меня?) в их прошлом. И про себя я решил принять их план и потерпеть пару дней, пока заговор будет ликвидирован, а все заговорщики пойманы. Вот только удалить из дворца супругу и детей? И как долго мне придется оставаться одному?

– Думаю, что все займет несколько дней, – ответил мне господин Патрикеев. – А завтра желательно было бы пригласить в замок главу Тайной экспедиции Алексея Семеновича Макарова, чтобы с его помощью начать арестовывать злоумышленников.

– Надеюсь, что вы, Василий Васильевич, – я обратился к своему собеседнику по имени и отчеству, показывая тем самым, что наши отношения становятся менее официальными, – тоже будете в числе тех, кто отправится вместе со мной в мой дворец?

– Да, государь, было бы неплохо поговорить с вами о том, что произошло в нашей истории после вашей трагической смерти в марте 1801 года. Я захвачу с собой документы, и вы сможете с ними ознакомиться...

* * *

*Санкт-Петербург, 1 (13) марта 1801 года. Летний сад
Джулиан Керриган, беглый моряк*

Я возвращался с работы в свое жилище, снимаемое мною в частном доме у большой церкви, которую русские называют храмом целителя Пантелеймона. Мне осталось лишь пересечь Летний сад, пустынный в это время года, спуститься по гранитным ступенькам к причалу и по льду Фонтанки пересечь эту небольшую речку. Поднявшись на набережную на другой стороне, я окажусь в сотне ярдов от своего дома.

Я любил гулять по Летнему саду. Пусть здесь вечером было и темно, но после всего, что мне довелось пережить, я уже ничего на свете не боялся. К тому же у меня в кармане лежал большой матросский нож, которым я неплохо владел. Идя по тропинке пустынного в это время сада, я задумался, и чуть было не споткнулся, услышав совсем рядом слова, произнесенные на моем родном языке, пусть и с сильным германским акцентом:

– Все уже готово, виконт. Осталось лишь выбрать подходящий момент, когда можно будет нанести решительный удар...

– Я же вас просил, генерал, не надо называть никаких имен и титулов, – второй человек говорил с выраженным акцентом английской элиты, примерно таким, какому пытаются подражать те, кто считает себя у нас в Чарльстоне местной аристократией. Только, как мне показалось, для того, кого называли виконтом, это произношение было вполне естественным. Конечно, забавно то, что и он обратился к немцу по званию, хотя сам требовал от своего собеседника не называть его.

– Кто может находиться здесь в такой поздний час? – с усмешкой в голосе произнес «генерал». – В парке нет никого, кроме ворон и сторожей, которые давно уже напились водки и спят беспробудным сном. Этих русских невозможно приучить к дисциплине и порядку.

– Здесь даже у стен могут быть уши, равно как и у деревьев, – нравоучительным тоном произнес «виконт». – Впрочем, давайте перейдем к делу. И когда свобода с вашей помощью наконец восторжествует в России?

– Я думаю, что в течение двух недель, возможно и раньше.

Было слишком темно, чтобы я мог рассмотреть тех, кто беседовал в парке. Затаив дыхание, я замер и стал слушать дальше их разговор. Неожиданно второй голос произнес фразу из трагедии Шекспира:

– Et tu, Brute? Then fall, Caesar!¹⁴

Неожиданно лунный свет на мгновение пробился сквозь облака и ветви деревьев, и я увидел на одной из дорожек сада футах в ста от меня двух человек. Лиц их рассмотреть я не смог – луна снова нырнула за тучи, но мне все же удалось заметить, что один из говорящих был в военном мундире, а второй – в партикулярном платье.

Первый собеседник, «генерал», с недоумением спросил:

– А при чем тут Цезарь?

– Это фраза из произведения господина Шекспира. Цезарь, знаете ли, тоже слишком доверял своим приближенным. Да и убили его на мартовские иды, которые, как известно, вот-вот должны наступить.

¹⁴ «И ты, Брут? Тогда умри, Цезарь!» – Шекспир, «Юлий Цезарь», акт III, сцена 1.

– А-а, теперь понятно... – сказал немец тоном, по которому можно было понять, что он так ничего и не понял.

– Да, и еще. Как только тиран будет мертв, соблаговолите немедленно послать весточку в контору торгового дома де Конинк и попросите передать минхеру Корстаанье сообщение о том, что условия сделки остаются прежними.

– Хорошо, я сделаю все, что вы сказали.

– Тогда до свидания. И да поможет вам святой Георгий.

Я старался дышать как можно тише, чтобы не выдать своего присутствия. Вскоре я услышал, как удаляются шаги одного из собеседников. Другой же направился в мою сторону, но, к счастью, не заметил меня, хотя и прошел мимо на расстоянии вытянутой руки. Практически в тот же самый момент луна опять выглянула из-за облаков, и я успел разглядеть орлиный нос и острый подбородок.

Несмотря на легкий мороз, я постоял неподвижно на одном месте еще минут десять, лихорадочно обдумывая, что мне делать дальше. То, что замышляется убийство российского императора, мне стало ясно сразу. Следовательно, нужно было как можно быстрее сообщить об этом кому-нибудь. Но только вот кому?..

Родился я в Чарльстоне – это в Южной Каролине. Отец мой прибыл в Новый Свет из ирландского графства Голуэй за два года до моего рождения, а мама – из немецкого Данцига. Сам же я был ровесником Американской революции. Жили мы не так уж плохо – папа был боцманом на «Сэлли» и зарабатывал достаточно, чтобы мы не знали нужды. Но когда мне было восемь лет, его корабль не вернулся из очередного плавания. Через год мама снова вышла замуж, но отчим нас, детей от первого брака, недолюбливал, и почему-то особенно меня.

Как только мне исполнилось десять, я ушел юнгой на «Прекрасную Американку» и никогда потом не жалел об этом. Жизнь моряка тяжела, но я успел побывать во Франции, в Голландии, на островах Карибского моря, в Индии и в Кейптауне. А два года назад наш корабль впервые прибыл в столь ненавидимую моими родителями Англию, в порт Плимут.

В первый же вечер мы с моим приятелем Билли Баддом оказались в пабе недалеко от порта. Билли был моим лучшим другом – можно сказать, даже братом. Ведь он спас меня во время шторма, когда волна сбила меня с ног на палубе и потащила за борт. Билли в последний момент каким-то чудом сумел схватить меня за руку и удержать от падения в морскую пучину. А ведь он сильно рисковал – его вместе со мной могло унести в бушующее море. Отдышавшись и выплюнув соленую морскую воду, набившуюся мне в рот, я сказал тогда:

– Билли, я никогда не забуду то, что ты сделал сейчас для меня. Ведь если бы не ты, я уже был бы в рундуке Дэви Джонса¹⁵.

А он рассмеялся в ответ и сказал, что в первом же порту, в который зайдет наш корабль, мы просто хорошенько обмоём мое чудесное спасение. Первым же портом оказался этот проклятый Плимут...

Поначалу все шло хорошо. Мы заказали пива, бутылку рома и яичницу. Я хорошо помню, как за наш стол подсади двое англичан. Узнав, по какому поводу мы решили выпить, они заказали нам еще бутылку рома. Потом еще, потом еще и еще...

Проснулись мы на английском военном корабле, фрегате «Бланш», где нам было заявлено, что мы с сего дня находимся на службе Его Величества короля Георга III. Я попытался возразить, что я не подданный Его Величества, а гражданин Североамериканских Соединенных Штатов, за что тут же получил удар по лицу. Потом мне разъяснили, что такой страны, как САСШ, нет, а есть лишь мятежные английские колонии. И я должен гордиться тем, что служу под славными знаменами лучшего в мире флота. Когда же Билли начал спорить, то его «наклонили» – привязали за ноги и за руки к наклонной палубной решетке и всыпали полдю-

¹⁵ На жаргоне моряков – в могиле.

жины ударов кошкой-девятихвосткой, причем меня заставили, как сказал капитан, «в воспитательных целях», наблюдать за избиением.

Матросская жизнь всегда тяжела, даже на торговом судне. Но то, что творилось на кораблях британского королевского флота, можно смело назвать адом на земле, точнее на воде. Корабельные палубы были похожи на бочку с селедками. Моряки спали в «помещении» – отгороженном матерчатými занавесками пространстве между двумя пушками. В таком «помещении» на подвесных гамаках могло располагаться до десяти человек.

Утром, на рассвете, нас будил пронзительный сигнал боцманской дудки. Раздавалась команда: «Все руки на палубу!», или, как говорят в таких случаях русские моряки, «Свистать всех наверх!».

С утра пораньше мы начинали наводить на корабле порядок – мыть и скрести палубу увесистым пористым камнем, называемом за свою форму «Библией». После – завтрак, чаще всего это была жидкая и склизкая овсянка, или «шотландский кофе» – так мы называли высушенный и обожженный кусок хлеба, разваренный в кипятке, в который иногда добавляли немного сахара.

Потом начинались корабельные работы. Мы начищали пушки, драили медяшки, тренировали ставить и спускать паруса, обтягивали снасти. По воскресеньям корабельный священник служил на палубе обедню, на которую боцманы с ужасными проклятиями и богохульствами сгоняли команду.

Матросов держали в строгости, за малейшую провинность нас пороли плеткой. Офицеры не только наказывали, но и всячески унижали матросов, обзывая их скотами, ублюдками и другими мерзкими словами. Особенно свирепствовали юные мичманы, которым порой было всего-то двенадцать-тринадцать лет от роду. Этим молокососам доставляло удовольствие издеваться над взрослыми матросами, например, ни с того ни с сего дать пинка насквозь просолленному матросу первого класса, зная, что тот не может достойно ответить на побои и оскорбления.

Один из таких мичманов, тринадцатилетний Гарри Смит, за что-то невзлюбил Билли. Он всячески унижал и оскорблял моего друга. И вот однажды Билли не выдержал и ответил сопляку, назвав его женой старшего офицера. Вся команда знала, что старший офицер Джереми Гопкинс и Гарри Смит состоят в содомской связи. Но говорить об этом вслух никто не рисковал. А Билли посмел. Мичман тут же пожаловался своему покровителю, и моего друга выдрали плетью так, что он чуть было не помер. Две недели он спал только на животе – вся его спина превратилась в одну кровоточащую рану.

И тогда Билли решился на побег. Он ничего не сказал мне об этом, боясь, что я убегу вместе с ним. И тем самым он во второй раз спас меня от смерти...

Через три месяца мы зашли в голландский Хаарлем, и Билли сбежал с фрегата. Но голландцы поймали его и выдали командиру нашего корабля, после чего, в назидание другим, Билли повесили на рее. Труп бедняги провисел несколько дней, а потом его выбросили в море, привязав к ногам пушечное ядро. Я молча смотрел на казнь своего друга, по щекам моим текли слезы, но я ничего не мог поделать. Одно я знаю точно – если мне удастся выбраться живым из ада, именуемого королевским флотом, то я отомщу этому молокососу и содомиту Гарри Смицу и всем прочим мучителям Билли за его смерть.

А сам я решил тоже бежать с корабля, причем как можно быстрее. Но сделать это следовало с умом. Более того, нужно вести себя так, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Тем не менее и меня пороли раз семь, в большинстве случаев, по моему мнению, безвинно. Только кого интересовало мое мнение... Впрочем, и остальным матросам регулярно доставалось от боцмана и офицеров.

Год назад мы зашли в прусский Мемель. Как я слышал, пруссаки ведут себя по отношению к англичанам далеко не столь услужливо, как голландцы, и редко выдают беглецов. Но тем

не менее исключить этого было нельзя, тем более что в таких случаях британцы за поимку беглеца обещают немалую награду. Так что если и бежать, то надо сделать все, чтобы не попасться в руки этим душегубам-англичанам.

Я был на хорошем счету у командования нашего фрегата, и потому мне в Мемеле было дозволено сойти на берег. Никто не знал, что я неплохо говорю на данцигском диалекте немецкого, который не так уж сильно отличается от мемельского. В портовом кабаке я услышал, как какой-то матрос рассказывал другому, что его корабль на следующее утро уходит в русский Санкт-Петербург, и что у них на борту не хватает матросов. Обычно моряки, отпущенные на берег погулять, возвращаются на корабль лишь на следующий день, так что, подумал я, когда меня хватятся, то я уже буду в море.

Узнав про мой немалый опыт, меня без особых разговоров взяли на прусский торговый корабль, предупредив, однако, что если нас остановят англичане, то им меня выдадут. Но нам повезло – мы дошли до Петербурга без каких-либо проблем.

Город мне очень понравился – он был даже красивее, чем Чарльстон, и я решил попробовать в нем остаться. Ведь в море я рисковал попасть в лапы проклятых англичан. Меня практически сразу же взяли на работу на верфи. Что-то, а чинить корабли я умел, а науку их строить постиг очень быстро – и я начал уже готовиться к экзамену на тиммермана – старшего плотника.

Трудился я на строительстве 74-пушечного корабля «Селафаил» под руководством корабельного мастера Ивана Амосова. Все бы хорошо, разве что зима в России оказалась очень суровой.

И теперь я решил сделать все, чтобы не допустить убийство императора моей новой родины, тем более людьми, связанными с англичанами. Но к кому обратиться? К мастеру на верфи? Так он меня попросту засмеет. К стражникам, которые охраняли Михайловский дворец? В лучшем случае они меня тоже засмеют, в худшем – те, к кому я обращусь, сами окажутся замешанными в заговор. В Тайную экспедицию? Боюсь, меня могут заподозрить в чем-нибудь преступном, как иностранца. К кому же мне обратиться?

Я остановился перед подъемным мостом через небольшую речку, которую русские называли Мойкой. Неожиданно путь мне преградили двое людей в странной пятнистой одежде, которая вряд ли была военной формой. Но в руках у них было оружие, причем мне абсолютно незнакомое, совсем не похожее на обычные мушкеты. И я услышал слова, сказанные по-русски:

– Стой, ты кто такой?!

* * *

Ночь с 1 на 2 (13 на 14) марта 1801 года. Санкт-Петербург. Дом у Полицейского моста. Граф Петр Алексеевич Пален, военный губернатор Санкт-Петербурга

Петер Людвиг фон дер Пален – такое имя он получил при рождении – не спал, хотя было уже далеко за полночь. Он вообще в последнее время мало спал – заговор уже вызрел, и сил в распоряжении Палена было вполне достаточно для того, чтобы свергнуть с престола и прикончить этого курносого шута, который возомнил, что он и в самом деле настоящий правитель огромной и дикой Московии.

Потомок рыцарей Тевтонского ордена, огнем и мечом завоевавших Курляндию, фон Пален никому не прощал нанесенных ему оскорблений. Именно такой обидой он посчитал свое увольнение со службы в декабре 1796 года.

А все началось с обычного недоразумения. В то время Пален исполнял обязанности генерал-губернатора Курляндии. И надо же было такому случиться – в Риге по приказанию импе-

ратора Павла I была подготовлена торжественная встреча бывшего польского короля Станислава-Августа Понятовского, направлявшегося в Петербург.

С немецкой педантичностью и аккуратностью на улицах Риги выставили почетный караул, а в ратуше приготовили пышный обед, на котором лучшие люди города должны были чествовать бывшего короля Польши, когда-то имевшего честь разделить ложе с будущей российской императрицей Екатериной Великой.

Но тут произошло непредвиденное – Станислав-Август со своей свитой проехал мимо Риги, а в тот же самый день в городе оказался высланный царем из Петербурга другой, последний по счету фаворит любвеобильной императрицы, князь Платон Зубов. Вот тут-то Пален и совершил роковую ошибку. Видимо, решив, что не стоит пропадать добру, он приказал отдать опальному вельможе почести, положенные ему, как российскому генералу, и пригласил его на обед в ратушу. Все были довольны, но о сем курьезном (с точки зрения Палена) происшествии «доброжелатели» тут же поспешили доложить императору. Тот вспыхнул и прислал гневный рескрипт, в котором было написано следующее: «С удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезд князя Зубова через Ригу; из сего я и делаю сродное о свинстве вашем заключение, по коему и поведение Мое против вас соразмерено будет».

Это была больше, чем пощечина. Это был плевок в лицо. И кем было нанесено это оскорбление потомку крестоносцев?! Шутом и фигляром, которого царственная мать, как слабоумного, столько лет не допускала к управлению государством! Такой обиды Петер Людвиг фон дер Пален не мог простить. И пусть потом, через полгода, император сменил гнев на милость и снова вернул генерала на службу, осыпав его наградами и чинами – дал титул графа, сделал начальником всех остзейских губерний и канцлером Мальтийского ордена, – но обида осталась, и смыть ее можно было только кровью. Царской кровью...

Пален начал исподволь готовить месть. Он подыскивал единомышленников, проверял их и осторожно подводил к мысли о необходимости свержения императора Павла. Конфиденотов оказалось немало – своими экстравагантными поступками император нажил себе немало врагов.

И вот заговор наконец созрел. На днях была поставлена последняя точка – свое согласие на участие в нем дал сам цесаревич Александр Павлович. Осталось лишь назначить день, когда Павел будет захвачен врасплох в своей новой резиденции...

А сегодня поздно вечером к Палену примчался человек, приставленный к императору, чтобы следить за каждым его шагом, и сообщил о встрече царя неподалеку от Арсенала со странными людьми, которые передвигались на не менее странных самобеглых каретах. Откуда они появились и кто они такие, не знал никто. У графа была хорошая память – ему было известно, что в течение суток в Петербург не въехал через заставы ни один вызывающий подозрения человек. Ни иностранец, ни подданный Российской империи.

Пален был храбрым человеком и доказал это в сражениях с турками и мятежными поляками. Но в то же время он был осторожен, можно даже сказать, подозрителен. Все непонятное настораживало его. Граф несколько раз переспросил своего соглядатая, выпытывая у него подробности о внезапно появившихся ниоткуда людях.

Их было немного – примерно два десятка, среди них – две женщины и лохматая черная собака неизвестной породы. Часть незнакомцев была вооружена странным оружием, это особо отметил видевший прибытие этих людей в Экзерциргауз. И приехали они на каретах, двигавшихся без помощи лошадей. С императором Павлом эти люди разговаривали по-русски, причем как равные с равным, безо всякого подобострастия и политеса. Это было очень удивительно – Пален прекрасно знал, что царь весьма щепетильно относился к придворному этикету, хорошо помня те унижения, которым он подвергался со стороны придворных императрицы Екатерины в бытность его цесаревичем.

«Что же это за люди? – ломал голову Пален. – И чем они могут помешать готовящемуся заговору? Самое же главное – насколько они опасны? Может быть, стоит переговорить с ними и перетянуть на свою сторону?»

Граф задумчиво почесал кончик носа. Если заговор провалится, то ему трудно будет сохранить свое положение при дворе и доверие императора. Впрочем, Пален всегда верил в удачу. Как-то раз он увидел на одной ярмарке русскую игрушку – «кувыркан»¹⁶ – фигурку человечка, похожую на грушу. Даже положенная на бок, она рано или поздно снова выпрямлялась. Игрушка так понравилась ему, что с той поры граф стал сравнивать себя с ней. «Я, – порой откровенничал Пален, – похож на те маленькие куколки, которых хотели бы опрокинуть и поставить вверх ногами, но кои всегда опять становятся на ноги».

Человек умный, храбрый и расчетливый, Пален действительно всегда ухитрялся выходить сухим из воды в самых неблагоприятных ситуациях. Так было, например, во время штурма Очакова в 1788 году. Тогда он, будучи уже генерал-майором, командовал колонной, которая должна была первой начать атаку на турецкую крепость и захватить земляные укрепления с сильной артиллерией, расположенные между Очаковым и замком Гассан-паши. В случае успеха он обязан был дать сигнал ракетами о выполнении задачи. И лишь только после этого должен был начаться общий штурм турецкой крепости.

Однако Пален приказал выпустить все три ракеты сразу же, едва сблизившись с неприятелем. Поэтому штурм Очакова начался одновременно всеми колоннами, что и принесло в конечном итоге полный успех русской армии, которой командовал тогда светлейший князь Григорий Потемкин. Как известно, победителей не судят – и вместо отдания Палена под суд за нарушение приказа командующего, он был повышен в чине и награжден орденами Святого Георгия III степени и Святой Анны I степени. Императрица же Екатерина II пожаловала ему земли в Белоруссии и 500 душ крестьян.

Вот и в этом случае граф успел подстраховаться и сообщил императору о том, что является участником заговора. Но он стал им якобы лишь затем, чтобы проникнуть в ряды заговорщиков и в нужный момент арестовать всех, кто злоумышляет против царя. Простодушный Павел пришел в восторг от слов Палена, и доверие его к графу стало еще сильнее.

«Надо с утра ехать в Михайловский замок и там встретиться с императором, – решил Пален. – Пусть он сам познакомит меня со своими новыми друзьями. Это будет не так подозрительно. Ну, а как понравиться людям – сие мне хорошо известно. Если удастся сделать их своими сторонниками – это будет просто замечательно. В случае удачи заговора их можно сделать козлами опущения. Надо только потом обвинить чужаков в царевубийстве и после суда торжественно их казнить.

Неплохо было бы, чтобы они оказались как-то связанными с проклятыми французами. Тогда можно будет начать подготовку к войне с Наполеоном Бонапартом, чем мы порадуем британцев, перепуганных до смерти союзом между нашим дурачком-царем и французским первым консулом. Можно тогда получить из Лондона новые субсидии – это не считая тех, которые обещаны были за устранение императора Павла. Власть властью, но и деньги тоже никогда не бывают лишними».

Граф Пален зевнул. Его клонило ко сну. Действительно, пора ложиться спать, ведь надо завтра встать пораньше, чтобы успеть подготовиться к встрече с императором и еще раз продумать все возможные варианты беседы с ним.

Он подошел к письменному столу и наклонил стоявший на нем кувыркан. Игрушка закачалась из стороны в сторону, но потом снова приняла вертикальное положение. Граф улыбнулся, взял в руки подсвечник и направился в спальню...

¹⁶ Так тогда называли игрушку «ванька-встанька».

* * *

*Ночь с 1 на 2 (13 на 14) марта 1801 года. Санкт-Петербург.
Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк*

Как мы и договорились с Викторычем, в Михайловский замок я отправился в сопровождении пяти бойцов «Града». С нами был и наш новый знакомый, коммерсант Алексей Иванов. Как я понял из короткого разговора с ним, он оказался человеком бывалым. Несколько лет он провел в заграничных командировках, повидал мир и неплохо знал испанский, английский и немецкий языки. Учитывая его немалый житейский опыт и знание отечественной военной истории, Алексей мог оказаться неплохим советчиком и консультантом.

Кроме того, он взял с собой здорового черного терьера, который почему-то имел кличку Джексон. Я поначалу подумал, что пса так назвали в честь американского конгрессмена, который вместе со своим коллегой Веником стал автором поправки, запрещавшей продавать в СССР технологии, имеющие двойное назначение. Но все оказалось гораздо проще – папашу этой симпатичной зверюги звали Джеком, так что Джексон означало всего лишь, что он сын четвероногого Джека. А к американскому Конгрессу пес Ивановых не имел никакого отношения. Если что, собака может стать хорошим сторожем, а в случае необходимости – и грозным бойцом.

С Игорем Михайловым мы договорились держать связь по рации. Алексей Иванов приватил с собой портативную радиостанцию типа «уоки-токи», с помощью которой он мог переговариваться с дочерью, оставшейся в Манеже. Девица сия просто рвала и метала, умоляя взять и ее с собой в Михайловский замок. Но Игорь решил не брать грех на душу и строго-настрого запретил Дарье покидать наше временное расположение.

Император приказал полковнику Саблукову находиться с нашими ребятами. Вместе с ним осталось десятка полтора конногвардейцев. Они должны были беспрекословно слушаться подполковника Михайлова, и никого более.

– Все, что он скажет, можешь считать сказанным мною лично! – строго произнес Павел. Саблуков вытянулся во фрунт перед императором, и с той поры начал уважительно поглядывать не только на подполковника, но и на всех его ребят из «Града».

На улице было довольно темно. Один из часовых, охранявших вход в Манеж, подсвечивая нам дорогу фонарем, подошел к двум зданиям Кордегардий. Дверь в одной из них распахнулась, и оттуда выскочил в сопровождении караульного высокий и стройный поручик в форме офицера Семеновского полка с флигель-адъютантскими аксельбантами. Ему было лет двадцать, не больше. Этот поручик сразу же показался мне смутно знакомым, вот только я никак не мог вспомнить – где именно я видел его портрет.

И когда Павел представил его нам: «Поручик и флигель-адъютант барон Бенкендорф», – я сразу узнал в этом бравом семеновце будущего главу Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, считавшегося главным душителем свободы во времена царствования императора Николая I.

– Эти люди, – Павел указал на нашу компанию, – мои друзья и гости. Прошу к ним относиться со всем почтением и уважением. Вы будете сопровождать их и покажете им в моем дворце все, что они пожелают увидеть. Повторяю – все, без какого-либо изъятия.

Бенкендорф вытянулся перед императором и заверил самодержца, что он в точности исполнит его повеление. Я же с любопытством разглядывал будущего графа и шефа жандармов. Он был сыном генерала Христофора Бенкендорфа, который считался другом цесаревича Павла Петровича, за что заслужил нелюбовь императрицы Екатерины II. Еще больше царица невзлюбила мать юного поручика – Анну Юлиану, урожденную баронессу Шиллинг фон Кан-

штадт. Баронесса была подругой супруги Павла – Марии Федоровны. Обе они родились в Вюртемберге и дружили еще с детства.

Матушка-царица Екатерина Алексеевна – личность весьма злопамятная и по-женски вредная – настроила цесаревича против Анны Юлианы, которая, защищая подругу, резко отзвывалась о фаворитке Павла Екатерине Нелидовой. Императрица добилась, чтобы Анна Юлиана покинула столицу и уехала вместе с семьей в Дерпт. А генерал Христофор Бенкендорф отправился в действующую армию, которая под командованием князя Потемкина воевала в Молдавии с турками.

В 1796 году, после смерти императрицы Екатерины и восшествия на престол Павла Петровича, Бенкендорфу с семейством было разрешено вернуться в Санкт-Петербург. Они присутствовали во время проведения, мягко говоря, странной процедуры похорон покойной императрицы Екатерины II. Павел приказал, чтобы вместе с матерью перезахоронили и останки отца – императора Петра III, свергнутого с престола супругой и убитого гвардейскими офицерами в Ропше. В лютый мороз похоронная процессия на катафалке перевезла гроб со скелетом убиенного императора из Александровской лавры в собор Петропавловской крепости, где Павел лично короновал труп своего отца императорской короной. Потом Екатерину и ее мужа похоронили вместе, рядом с другими российскими самодержцами.

Во время это траурного действия Анна Юлиана простудилась и вскоре умерла. Заботу об осиротевших детях подруги взяла на себя императрица Мария Федоровна. Все они – а у Анны Юлианы было два сына и две дочери – получили хорошее образование и в дальнейшем верно служили России. Поэтому, когда Павел заявил мне, что мы можем полностью доверять поручику Бенкендорфу, я кивнул в знак согласия.

Потом мы перешли облицованный гранитом ров по полосатому подъемному мостику и, миновав конный памятник императору Петру Великому, подошли к парадным воротам Михайловского замка, освещенные горящими факелами. Раздалась команда начальника караула, и тяжелые створки ворот распахнулись перед нами...

* * *

Ночь с 1 на 2 (13 на 14) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович. РСН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Те, кому следовало, отправились в Михайловский замок, и я мог теперь без особых помех обсудить все, что произошло с нами за последние несколько часов, с подполковником Баринным. Коля был моим старым другом, и пока я вместе с Васильичем улаживал текущие дела с императором Павлом, он скромно помалкивал и не лез в разговор. Хотя по большому счету именно он и должен был отдавать приказания своим бойцам. Ведь я был назначен старшим над ним лишь на период проведения учений. В связи с нашим переносом в прошлое учения, естественно, накрылись медным тазом. Так что формально я для него теперь уже никакой не начальник.

Возможно, что подобные рассуждения для людей штатских покажутся смешными, но для тех, кто носит погоны, важно знать субординацию. Знать, кому он подчинен, и кто у него в подчинении. Иначе любая воинская часть превратится в некое подобие басни Крылова «Лебедь, рак и щука». А это не есть хорошо.

– Слушай, Микола, – спросил я у Баринова, – какие у тебя мысли по поводу ситуации, в которую мы влипли? Что делать-то будем?

– Не знаю, Игорек, – ответил Баринов. – У меня от всего случившегося голова идет кругом. Можно лишь констатировать – налицо провал во времени. Угодили мы в 1801 год, в Санкт-

Петербург, где со дня на день должно произойти убийство императора Павла I. Кстати, как я помню, не самого худшего из русских царей.

– Все именно так, и потому нам надо с тобой определиться – будем ли мы спасать императора, или пусть все будет, как должно быть?

– Да ты же, Игорек, уже все решил, не так ли? – Николай с хитрой улыбкой посмотрел на меня. – Скажу прямо, я тоже хочу спасти «русского Гамлета» – так, кажется, называли Павла Петровича? Негоже, когда за британские гиней убивают русского царя. Да и от его наследника я не в восторге. Как там про его старшенького, Александра Павловича, писал «наше всё»? «Всю жизнь свою провел в дороге, простыл и умер в Таганроге».

– Хорошо, главный вопрос мы вроде с тобой решили, – ответил я. – Теперь давай прикинем – как к этому решению отнесутся твои подчиненные? Я понимаю, что люди они военные, но ситуация, в которую они попали, не предусмотрена ни одним из армейских уставов.

– А какие у них есть варианты? – пожал плечами Николай. – Если не служить России, то тогда кому? Ее врагам? Нет, это отпадает. Конечно, мои орлы далеко не ангелы, но предателей среди них нет – в этом я ручаюсь.

– Ну, можно спасти императора, получить за это ордена и две-три сотни крестьянских душ, после чего, согласно Указу о вольности дворянства, удалиться на покой в свое имение и портить там крепостных девок. Чем не вариант?

– Эх, Игорек, – вздохнул Баринков. – Скажи, а что, мои парни в наше время не могли уйти на гражданку, открыть какую-нибудь охранную фирму – связи и навыки у них остались, их не забирают вместе с удостоверением, – неплохо зарабатывать и жить – кум королю, сват министру? Да и что тебе об этом говорить – сам же все знаешь не хуже меня. Только бойцы моего отделения на гражданку почему-то не рвутся. Может быть, они уже стали адреналиновыми наркоманами, а может, есть что-то иное... Как ты думаешь?

– Так же, как и ты, Микола. Только ты тогда проводи с ними соответствующую беседу. Ведь ты их командир. А кто лучше тебя знает каждого из них? Если они решат служить императору Павлу, то так тому и быть. А я постараюсь, чтобы царь дал слово не ставить вас под начало какого-нибудь здешнего любителя фрунта и маршировки. Пусть все твои люди подчиняются лично царю. Я же с Васильичем буду кем-то вроде «особы, приближенной к императору», ну, скажем, что-то вроде советника по военным и общим вопросам.

– А что, если тебе и Васильичу попросить у Павла какие-нибудь звания или титулы Мальтийского ордена? Он как великий гроссмейстер вправе их давать по своему усмотрению. Как тебе такая мысль?

– Интересная мысль. Надо будут обговорить все это с Васильичем. Может, и он свои двадцать копеек добавит. И еще, Игорек, вот какое дело. Надо провести тотальную ревизию всего, что у нас есть. Ну, БК, горючку, оружие – это само собой. Не забывай, что в здешнем мире нет электрических розеток и бензоколонок. Придется исходить из того, что есть. Пока же следует объявить режим жесткой экономии.

Далее... Пусть все – и мы с тобой тоже – вывернут свои карманы и заглашки. Книжки, флэшки, диски – словом, все, несущее какую-либо информацию, надо собрать в одном месте. Информация – вещь не менее ценная, чем оружие. Кстати, надо поговорить с нашим коммерсантом, когда он вернется из замка, и узнать, что у него есть полезного. Думаю, что грузовичок у него далеко не порожний. И у медиков тоже много чего имеется.

– Слушай, а не лучше ли будет нам с гражданскими тоже провести отдельную беседу? Ведь всем нам, попавшим из будущего в прошлое, надо держаться вместе. Так оно будет лучше и безопасней.

– Правильно. С медиками я обговорю этот вопрос прямо сейчас, а с коммерсантом, его дочкой и приятелем побеседую чуть позже. Я возьму это, Игорек, на себя.

Пока же наша основная задача – повязать всех заговорщиков. И в первую очередь – Палена, который еще та сволочь. Впрочем, и остальные тоже далеко не подарки. Наши ребята при этом будут заниматься своим делом – силовым задержанием. Даст бог, все обойдется без пальбы.

– А потом, Микола, что у нас на очереди?

– А потом – визит однорукой британской сволочи, именуемой адмиралом Нельсоном, в славный град Ревель. Думаю, что в этот раз все будет по-серьезному. Но об этом говорить еще рано...

– Товарищ подполковник, – в салон «Тигра» заглянул заместитель Барина майор Никитин. – Тут на связи Скот. Он и Алан прихватили на Мойке подозрительного субъекта, который отирался у замка. С ним покалякали и выяснили, что сей тип иностранец. И вроде даже не британец, а чистокровный пендос...

– Ого, – воскликнул я, – вездесущая рука ЦРУ пробралась и в прошлое! Передайте Скату, чтобы он пойманного янки вел прямо сюда. Надо поспросить его, какого хрена ему понадобилось в столь позднее время болтаться вокруг императорского замка. И главное, на кого он работает – на британцев или на президента САСШ – не помню, кто у них там сейчас, Джон Адамс или Томас Джефферсон¹⁷...

* * *

Ночь с 1 на 2 (13 на 14) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

Мы прошли под сводами могучих ворот и вошли во двор замка. Он был совсем не похож на тот двор, который я видел совсем недавно – недели две назад, в начале сентября 2018-го. Я тогда решил заглянуть в Михайловский замок, дабы освежить свою память и вспомнить, как выглядит место, где разыгралась одна из трагедий русской истории.

Тогда вовсю светило солнце, а в глубине двора на бронзовом троне, украшенном мальтийским крестом, восседал бронзовый же император Павел в мантии и короне. А вокруг, выкрикивая что-то на своем языке, крутились многочисленные китайцы с «кочергами» в руках и делали бесконечные селфи.

Сейчас же Павел, живой во плоти, а не бронзовый, шагал рядом со мной и о чем-то сосредоточенно размышлял. А Алексей, человек, о существовании которого я узнал всего пару часов назад, как ни в чем не бывало беседовал с поручиком Бенкендорфом, держа в руках поводок. Молодчага Джексон бодро шагал рядом с хозяином. Вот кого прошлое и будущее мало волновало. Был бы хозяин рядом...

Во дворе к императору с рапортом подскочил комендант Михайловского замка генерал-лейтенант Николай Котлубинский. Он был из «гатчинцев» – служил в свое время адъютантом у Аракчеева. Я усмехнулся, вспомнив скандал, случившийся с этим человеком. За пять лет сделав головокружительную карьеру – от штабс-капитана до генерал-майора – Котлубинский ужасно возгордился и, как это обычно бывает, стал считать себя пупом земли. Как-то раз, поссорившись с одним питерским купцом, он, недолго думая, отстегал того плетью. Но купец оказался не промах и пригрозил Котлубинскому сообщить обо всем произошедшем царю. Генерал не на шутку испугался. При матушке Екатерине ему все бы сошло с рук – подумаешь, военный, да еще генерал, проучил какого-то там купчишку. Но Павел Петрович был строг и наказывал нарушителей закона по всей строгости, невзирая на лица.

¹⁷ Джефферсон стал президентом 4 марта 1801 года по новому стилю.

Неслыханное дело – генералу пришлось просить прощения у купца! А тот, не будь дураком, потребовал у Котлубицкого еще и возмещения морального ущерба. Пришлось генералу выплатить потерпевшему шесть тысяч рублей. Случай сей наделал немало шуму в Санкт-Петербурге...

Мы подошли к широкой лестнице, ведущей в покои императора. Я понял, что Павел решил не показывать нам все великолепие парадных залов замка, а через Зал антиков сразу провести нас в свои покои. Впрочем, не всех нас. Павел остановился, взглянул на сопровождающие нас лица, а потом велел нашим «градусникам» вместе с поручиком Бенкендорфом обойти все помещения замка и территорию вокруг него, чтобы прикинуть, где выставить усиленные посты, и где расположить наблюдателей. Я кивнул старшему, капитану Рыбину, чтобы он выделил нам трех бойцов, которые будут охранять непосредственно императора. Сам же он с одним своим подчиненным и поручиком Бенкендорфом проведет рекогносцировку – осмотрит территорию замка снаружи. Связь мы решили поддерживать по рации. На всякий случай мы их опробовали, чем вызвали огромное изумление у Бенкендорфа. Павел, уже видевший рации в работе, воспринял все вполне спокойно.

Потом мы проследовали в личные покои царя. Я обратил внимание на сырость, царившую в замке. По стенам стекала вода, развешанные на стенах шпалеры были влажные, словно кухонные тряпки. Алексея же заинтересовали буханки хлеба, разложенные на подоконниках. Я пояснил, что таким способом слуги пытаются уменьшить сырость. Павел, услышавший мои пояснения, кивнул.

– Именно так, Василий Васильевич. Конечно, сырость и сквозняки вредны для здоровья, но уж очень мне хотелось побыстрее покинуть Зимний дворец, где пришлось во времена правления моей матушки испытать столько обид и унижений...

В небольшой комнатке, прислонившись к теплой печке, кемарили два дежурных камер-гусара. Услышав наши шаги, они вскочили на ноги и, позевывая, доложили императору о том, что в его отсутствие в опочивальню никто не заходил.

– Ваше императорское величество, – сообщил пожилой камер-гусар, – приходила только ваша супруга, ее императорское величество Мария Федоровна. Она справлялась, не изволили вы приехать. А более никого не было.

– Хорошо, Китаев, можешь идти спать. Сегодня меня будут охранять другие люди, – сказал император и указал на «градусников». Китаев, который, как я вспомнил, был не только камер-гусаром, но и личным куафером царя, проворчал что-то под нос, но послушаться не посмел и ушел вместе со своим напарником.

Потом мы прошли через библиотеку и вошли в царскую опочивальню. Стены ее были отделаны белыми деревянными панелями и завешаны голубыми с серебром занавесями. На полу лежал большой пушистый ковер, на стенах висели картины. Здесь же стоял рабочий стол, за которым, как я понял, работал Павел, несколько стульев и кресел. За ширмой я заметил походную железную кровать императора.

– Вот что, ребята, – сказал я бойцам «Града», – осмотрите библиотеку и прикиньте, как и что там надо сделать, чтобы заговорщики не смогли в нее проникнуть. Имейте в виду, там есть тайная дверь за фальшивой печкой, за которой лестница, ведущая вниз. А мы пока побеседуем с нашим гостеприимным хозяином.

«Градусники» были ребятами понятливыми. Кивнув, они вышли из царской опочивальни, и мы с Алексеем остались наедине с императором. Джексон обошел помещение, обнюхал все, а потом, выбрав уголок, улегся на ковер.

– Присаживайтесь, господа, – устало произнес Павел. – Кажется, что сегодня поспать мне не удастся.

Я лишь развел руками. Конечно, мне тоже не помешало бы придавить минуток так триста. Но необычные обстоятельства и ситуация, в которой мы оказались, не позволяли нам расслабиться.

– Государь, – ответил я, – давайте разберемся с заговором и тогда позволим себе перевести дух. В первую очередь необходимо обезвредить его верхушку: Палена, Беннигсена, братьев Зубовых и тех из генералов и офицеров, которые, примкнув к заговору, были готовы лично участвовать в царубийстве.

– А мой сын? – спросил Павел. – Как мне поступить с ним? Мне совершенно не хочется лишать его жизни и свободы. Я не могу, как мой великий прадед, спокойно предать его в руки палача!

– Нет, государь, – возразил я. – Александр Павлович пусть и дальше живет на свободе и наслаждается семейной жизнью. Даст бог, у него, возможно, появятся дети, которые не умрут во младенчестве, как это было в нашей истории. Наши врачи окажут им необходимую медицинскую помощь. У вас же есть еще три сына, которые могут наследовать вам. Правда, Константин Павлович у нас сам отказался от престола из-за любви к красавице полячке. А вот Николай Павлович...

– А что Николай? – поинтересовался император. – Он очень забавный и живой мальчик. Тут недавно он спросил у меня: «Папа, а почему тебя называют Павлом Первым?» – «А потому, – ответил я, – что до меня Павлов на российском троне не было». – «Значит, я буду Николаем Первым?» – «Да, будешь, если будешь царствовать», – ответил я и рассмеялся.

– В нашей истории, государь, – я потерял глаза и с трудом сдержал зевоту, – он действительно процарствовал тридцать лет под именем Николай I. И процарствовал, надо сказать, неплохо...

– Хорошо, господа, а как мне поступить с заговорщиками? Неужели всех казнить?

– Государь, если их простить, то кто гарантирует, что они какое-то время спустя снова не составят против вас заговор? Вспомните – ведь вы уже раз помиловали братьев Зубовых. И чем они вам за это отплатили?

– Хорошо, – кивнул Павел. – Пусть их судят, и если их вина будет доказана, то тогда они получают то, что заслужили. Действительно, я порой бываю излишне добрым и снисходительным...

– Необходимо срочно вызвать из своего имения графа Аракчеева. Этот человек, конечно, бывает иногда слишком грубым и жестоким, но он верен вам, государь. Ему можно поручить любое дело – он разобьется в лепешку, но сделает то, что ему прикажут.

– Верно, – сказал Павел. – Я с утра пошлю фельдъегеря с приказом моему графу, чтобы он срочно прибыл в Санкт-Петербург.

– Государь, не стоит забывать и о том, что скоро к нашим берегам подойдет британская эскадра адмирала Нельсона, который настроен весьма воинственно. В нашей истории все закончилось демонстрацией силы у Ревеля. В этот раз развитие событий может быть совсем другим.

– Я уверен, господа, что мои доблестные войска и флот дадут достойный отпор этому наглому британцу... Правда, море еще не очистилось ото льда, и кораблям будет затруднительно подойти к Ревелю.

– Я полагаю, – сказал я, – что Нельсон выждет, пока растает лед, и лишь тогда отправится в поход. Так что время у нас еще есть.

Тут неожиданно заработала рация. Капитан Рыбин (позывной «Скат») сообщил, что у разводного моста через Мойку они задержали празднично одетого человека в цивильном. Выяснилось, что задержанный англоязычный иностранец, скорее всего, американец...

– Вот как, – удивился я, – ведите его к нам на базу. Надо будет как следует его допросить. Я сейчас подойду.

– Государь, – обратился я к Павлу, – прошу меня извинить, но мне необходимо отправиться к подполковнику Михайлову и допросить пойманного иностранца. А с вами останется господин Иванов. Он хорошо знает историю вашего царствования и сможет меня заменить...

– Хорошо, Василий Васильевич, – кивнул император. – Вижу, что дела требуют вашего присутствия. А мы с господином Ивановым сейчас попьем чаю – я распоряжусь, чтобы нам его нам сготовили, и чего-нибудь скушаем. Честно говоря, я немного проголодался...

* * *

*2 (14) марта 1801 года. Санкт-Петербург. Раннее утро.
Джулиан Керриган, сомневающийся*

Допрашивали меня двое. Точнее, вопросы задавал один, а второй при этом записывал сказанное мною. Потом они поменялись. Странные они какие-то люди. Они спрашивали у меня одно и то же – кто я, откуда родом, как попал в Петербург, где живу, где работаю и почему шел по направлению к императорскому дворцу. И когда допрашивать меня начал второй, первый не только записывал мои слова чем-то вроде свинцового карандаша на листе бумаги, но и сверял сказанное мною с тем, что уже было записано.

Некоторое недоверие я почувствовал, когда не смог ответить на вопрос, кто сейчас в Америке президент. В английском флоте про Северную Америку нам не говорили ни слова, а в Петербурге можно было достать только русские и немецкие газеты. Русские я читать пока не мог, а язык немецких сильно отличался от данцигского диалекта, и я его тоже не всегда понимал.

Да и не очень-то меня все это интересовало. Моя родина – Южная Каролина, а не махина Соединенных Североамериканских Штатов. И если человека из Нового Берна в Северной Каролине либо Саванны в Джорджии я еще считаю соотечественником, то янки из Бостона или голландского бюргера из Нью-Йорка – вряд ли. Тем более Филадельфия или Коламбия¹⁸ палец о палец не ударили, чтобы освободить меня и сотни других граждан от английской тирании.

А вот про то, что мне удалось услышать в Летнем саду, я этим людям ничего пока говорить не собирался. Откуда я знаю, вдруг они тоже заговорщики? Для меня же главное – сделать так, чтобы моя информация дошла до тех, кто сможет предотвратить убийство русского царя. И я попросту молчал – знаете ли, привык держать язык за зубами за время, проведенное на английском корабле. Да и пыток, которые, несомненно, последуют, я не боялся – вряд ли они окажутся хуже плетки-девятихвостки в руках боцмана Брауна.

Но пытаться меня эти люди не стали. Вместо этого они отвели меня в небольшое трехэтажное здание рядом с дворцом императора. К моему удивлению, там меня накормили и напоили чаем. Вскоре ко мне пришли двое – человек в пятнистой форме, похожей на ту, которая была на тех, кто меня задержал, и седобородый человек в странной одежде, явно не похожей на военную. Но такую одежду я еще ни разу не видел, хотя мне довелось побывать во многих европейских (да и не только европейских) странах.

– Меня зовут Василий Патрикеев, – произнес на довольно неплохом английском седобородый. – Я советник его величества императора Павла. А вы, если я правильно понял, Джулиан Керриган?

– Именно так, господин Патрик... – я попытался произнести фамилию моего собеседника, и понял, что не смогу это сделать даже под угрозой виселицы.

¹⁸ Филадельфия являлась столицей САСШ до ноября 1800 года, после чего ею стала Коламбия – будущий Вашингтон. Название «Вашингтон» она получила только в 1802 году, а округ, состоящий только из Вашингтона, до сих пор называется округ Коламбия.

– Судя по вашему акценту, вы с Юга, причем дом ваш находится южнее Виргинии. Одна из Каролин или Джорджия?

– Южная Каролина, сэра. Чарльстон.

– А как вы оказались в России?

Немного подумав, я решил, что в данном случае будет лучше, если я расскажу всю правду. Если эти люди поймают меня на лжи, то они потом не поверят ни одному моему слову.

– Я был моряком, сэра. В Плимуте, куда прибыл мой корабль, меня напоили в трактире, и очнулся я лишь утром на палубе британского фрегата «Бланш». Мне сказали, что при свидетелях мною был подписан контракт, согласно которому я обязан отслужить пять лет на королевском флоте и получил задаток – и это несмотря на то, что в моем кармане не было ни фартинга. Потом, когда мы зашли в Мемель, мне посчастливилось бежать. Я добрался до Санкт-Петербурга и сейчас работаю плотником на Адмиралтейской верфи.

Седобородый задумчиво посмотрел на меня, затем взглянул на стоявшего рядом офицера и что-то сказал ему по-русски. Они стали о чем-то оживленно беседовать. Из их разговора я ровным счетом ничего не понял, кроме слова «американец». Потом седобородый еще раз перевел взгляд на меня и спросил:

– Так что же, мистер Керриган, привело вас к Михайловскому замку? Ведь в нем живет русский царь. Знаете, что с вами сделали бы британские бифитеры, если бы попытались проникнуть в Тауэр?

Я уже сообразил, что так просто уйти мне от этих людей не получится. Впрочем, этот седобородый был мне почему-то симпатичен. Знаете ли, есть люди, которым ты сразу доверяешь. Конечно, со мной это один раз уже сыграло дурную шутку – тогда, в Плимуте. Но он был совсем не похож на того краснорожего и наглого «охотника за головами» из трактира. Ну что ж, подумал я, надо рискнуть...

– Я случайно услышал очень интересный разговор на английском языке в Летнем саду. Разговаривали немец в военном мундире и человек с аристократическим английским произношением. Второго я не разглядел – было темно, и лицо свое он пытался держать в тени. А вот первого мне удалось немного рассмотреть при свете луны. Он высокого роста, худощавый. У него орлиный нос и острый подбородок.

– Орлиный нос, говорите? – задумчиво поглаживая бороду, произнес мистер Патри... в общем, Василий. Минуты две он сидел и молчал, о чем-то думая. Затем достал книгу, отпечатанную неизвестным для меня способом, и начал ее листать, показывая портреты каких-то людей. На одной из страниц я увидел изображение человека, похожего на «генерала». Внимательно присмотревшись к рисунку, я решил, что не ошибся, и, показав на него пальцем, сказал:

– Вот этот!

– Хорошо, – кивнул Василий и, перелистав книгу, показал мне еще одну цветную гравюру. – Скажите, есть ли он на этой картинке?

Я внимательно пересмотрел все лица.

– Нет, здесь его нет.

Василий перелистнул пару страниц и показал мне еще одну гравюру:

– А здесь он есть?

Я показал на третьего слева.

– Занятно. Значит, вам, скорее всего, не почудилось. И о чем же был разговор, который так вас удивил?

– О торжестве свободы. И о мартовских идах. А еще англичанин цитировал Шекспира. Те строки, где говорилось об убийстве Цезаря. Он сказал «генералу», что после смерти тирана тот должен послать весточку некому минхеру Корстанье в контору торгового дома де Конинк.

– Благодарю вас. – Седобородый захлопнул книгу, положил ее на стол и прикрыл большим полотенцем. – Ну что ж, мистер Керриган, придется вам какое-то время побыть нашим гостем. Это в ваших же собственных интересах. Вы, кстати, умеете читать и писать?

– До смерти батюшки мне посчастливилось учиться в школе, мистер Василий.

– Тогда, будьте добры, запишите все, что вы смогли запомнить. Вам сейчас принесут перо, чернильницу и бумагу.

* * *

2 (14) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РСН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Когда американец закончил свою писанину, отдал мне листок со своими показаниями и вышел из комнаты, мы с Васильевичем переглянулись.

– Вообще-то я догадывался, что помимо Палена были и другие руководители заговора, которые, в отличие от этого потомка крестоносцев, предпочитали держаться в тени, – задумчиво произнес Патрикеев. – Да, Уитворт был выслан из России, но ведь кто-то из британцев должен был остаться в Петербурге вместо него и наблюдать за действиями заговорщиков. И этот кто-то напрямую связан с теми, кто стоял за Питтом-младшим. Я подозревал, что это Беннигсен, человек довольно мутный и, ко всему прочему, старый масон с большими связями с зарубежными «вольными каменщиками». Видимо, именно эти его друзья помогли Беннигсену, единственному из главарей заговора, остаться на плаву во времена царствования Александра I. Его не отправили в ссылку или в отставку, а позволили продолжить военную карьеру.

Далее, барон – уроженец Ганновера, то есть подданный нынешнего британского короля Георга III¹⁹. Кстати, когда ему было десять лет, он был назначен пажом к британскому королю Георгу II. Так что связи с Сент-Джеймским двором у него должны остаться.

В молодости, во время Семилетней войны, Беннигсен сражался на стороне короля Пруссии Фридриха II против России в составе ганноверской пехоты. Потом он перешел на сторону Российской империи и вроде бы неплохо послужил ей. Во время Персидского похода, находясь при главнокомандующем – одноногом генерале Валериане Зубове, Беннигсен близко сошелся с ним, а через него познакомился и с двумя остальными братьями Зубовыми. А вы помните, кем был при матушке Екатерине Платон Зубов... Ну, а в убийстве императора Павла Беннигсен стал одним из главных действующих лиц. Недаром ему дали прозвище Длинный Кассий. А там, где Кассий, должен быть и Брут.

– Понятно... – кивнул я. – Значит, Пален и Беннигсен... И британец, который прогуливался с Беннигсеном ночью в Летнем саду. Конечно, Длинный Кассий – типичный ландскнехт, но, если мне память не изменяет, в свое время ландскнехты не раз вторгались в политику и своими длинными мечами кардинально меняли судьбы государств и династий.

– Да, такая вот «сладкая парочка». Надо бы, конечно, немедленно приземлить их, но с Беннигсеном все же придется чуток повременить. Уж очень беспокоит меня таинственный британец из Летнего сада. Скверно, что наш американец не сумел разглядеть его физиономию. Придется проследить за Длинным Кассием, хотя не факт, что они снова встретятся.

Как жаль, что Павел отправил в отставку петербургского генерал-губернатора Николая Архарова. Да-да, того самого, у которого были «архаровцы». Конечно, работал господин Архаров грубо, что называется, на грани фола, нарушая то, что в наше время называли «социалистической законностью». Однако дело свое он знал неплохо. Он бы в два счета нашел нам этого

¹⁹ Британский король Георг III был одновременно и курфюрстом Ганновера.

самого «минхеера Корстанье». Надо будет через Тайную экспедицию попробовать поискать торговый дом «Конинк». Думаю, что в первую очередь следует начать поиск в районе Английской набережной. Ведь не случайно там обосновалась и Ольга Жеребцова – сестричка братьев Зубовых и любовница британского посла Уитворта. Ну и, по совместительству, одна из главарей заговора.

– Хорошо, Васильич, – я поднялся со стула и прошелся по комнате, желая размять затекшие ноги. – Давай прикинем, что мы доложим императору и какой план действий наметим на сегодняшний день. О том, чтобы нам удалось сегодня хоть немного поспать, я и не мечтаю. Придется изгонять сон крепким кофе.

– Да куда ж мы с тобой денемся, Игорь, – развел руками Патрикеев. – Насчет доклада Павлу – лучше рассказывать ему всю правду. Почти всю правду... Тут главное не завратсья – император очень болезненно реагирует на ложь. Его уже столько раз обманывали, что теперь он уже никому до конца не верит. Поэтому – правда, только правда и ничего кроме правды...

Что же касается первоочередных действий, то я бы полагал сразу, как только в замке появится Пален, арестовать его и отправить под надежной охраной в Петропавловку. Этого человека просто опасно оставлять на свободе.

А Беннигсена неплохо бы взять под наблюдение. Лучше было бы, Игорь, прикрепить к его одежде «жучок». Узнав об аресте Палена, он наверняка помчится к своему куратору. С помощью «жучка» можно было бы узнать, о чем он будет говорить с британцем, что потом нам позволит прижать вражеских агентов при допросе, прокрутив им запись их разговора. У твоих ребят, Игорь, найдется «жучок»?

Я задумался. Вообще-то группа Баринаова была не моя, и я не мог знать – что есть у них в наличии, а чего нет. Думаю, что у его «бричеров»²⁰ должны быть разные электронные приборамбасы. Надо будет переговорить с Миколой на эту деликатную тему.

Я объяснил все это Патрикееву, и он удовлетворенно кивнул. Еще немного посидев и поговорив, мы стали собираться в Михайловский замок для доклада императору. Выйдя на связь со Скатом, я поинтересовался, чем занимаются хозяин замка и его гость, коммерсант Алексей Иванов.

– Все в порядке, эта сладкая парочка сидит за столом, чай гоняет, лясы точит, – с усмешкой в голосе доложил Скат. – Нам, кстати, здешние повара тоже перекусить принесли.

– Ладно, – сказал я, – передайте царю, что мы скоро к нему подойдем. И заканчивайте чревоугодничать – предстоит работа по специальности.

– Все ясно, – уже серьезно ответил Скат. – Ждем. До связи!

²⁰ «Бричеры» – на жаргоне спецназа ФСБ – те, кто обеспечивает остальным бойцам возможность проникнуть в помещение, используя накладные заряды, спецсредства и прочие хитрые штучки.

Глава 3

Стой! Стрелять буду!

Утро 2 (14) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

Как я и предполагал, ни мы, ни император так до утра и не уснули. Доложив Павлу о том, что рассказал нам американец, и о том, что мы думаем по этому поводу, мы приступили к «мозговому штурму». Как я понял, императору не совсем понравились наши радикальные предложения по подавлению мятежа. Мне даже пришлось достать ноутбук – Павел выпучил глаза от удивления, увидев, как на экране монитора появились цветные картинки – и показать ему фото знаменитой табакерки Зубова, а также рисунок, изображающий момент убийства Павла I из учебника истории.

Хозяина Михайловского замка это впечатлило по полной. Он перестал рассуждать о каких-то там «идеалах рыцарства и благородства» и согласился наконец, что «вор должен сидеть в тюрьме», то бишь «цареубийцы должны оказаться на эшафоте». Ну или, в крайнем случае, на вечной каторге, где они честным трудом с кайлом в руках будут искупать вину перед державой и народом. Заодно я рассказал Павлу, как радикально обошелся его младший сын Николай с мятежниками в декабре 1825 года. «Вот это по-нашему, по-гатчински!» – воскликнул император, что в его устах означало высшую степень одобрения.

Пользуясь случаем, я пошарил в компе и продемонстрировал императору несколько сюжетов о нашей жизни и о работе спецназовцев, чтобы Павел понял наконец, с кем он имеет дело. Надо сказать, что царь впечатлился. Он перестал коситься на пятнистые камуфляжки наших «градусников», и даже с некоторым почтением стал поглядывать на Игоря Михайлова.

За подобными разговорами время пролетело быстро, мы не успели и глазом моргнуть, как столовые часы в опочивальне царя пробили пять утра. Именно в это время в обычные дни Павел просыпался. А уже в шесть он начинал принимать доклады сановников. Мы предположили, что среди них сегодня обязательно должен быть граф Пален. Во-первых, император обычно с утра выслушивал доклад генерал-губернатора Санкт-Петербурга обо всех происшествиях, случившихся в столице Российской империи за сутки. А во-вторых, Пален наверняка захочет узнать побольше о странных гостях царя.

Мы прикинули, где бы нам лучше арестовать Палена. Было бы идеально сделать все так, чтобы его сообщники до поры до времени не догадывались, что их вожак арестован, и не успели бы поднять тревогу. Только как это сделать?

– А что, если графа арестовать в замке, – предложил Алексей Иванов, – снять с него плащ, треуголку, надеть это все на другого человека и, выйдя из ворот, сесть в его возок? Часов до восьми еще темно, и остальные визитеры вряд ли заметят подмену. А чтобы никто не подошел к фальшивому Палену и не пытался завязать с ним разговор, до возка его проводите вы, государь. Ведь по этикету никто не может приблизиться к вам, когда вы будете идти с «Паленом» и о чем-то беседовать. К тому же шпионы Палена доложат кому надо, что нет никаких намеков на то, что вам, государь, стало что-то известно о заговоре, коль вы оказываете генерал-губернатору столицы такое внимание.

Павел немного подумал и кивнул.

– В самом деле, Алексей Алексеевич, ваш план хорош. Пусть так все и будет. Надо только найти человека, который ростом и фигурой был бы схож с графом Паленом. Да, а что с арестованным будет потом?

– А потом, государь, его надо будет так же незаметно вывести во двор и посадить в карету, которая доставит его в Петропавловскую крепость. Ведь, если я не ошибаюсь, именно там, в Алексеевском равелине, находится Тайная экспедиция.

– Гм, – произнес подполковник Михайлов, – все это замечательно, но что будет, если Пален приедет верхом, или вообще придет пешком?

– Да, об этом я как-то не подумал, – потер подбородок Иванов. – Тогда следует подумать о страховочном варианте.

– А что, если, – сказал я, – спускаясь по лестнице, граф оступится и подвернет ногу? Тогда государь проявит участие к своему сановнику и предоставит пострадавшему карету дворцового ведомства.

– Следовательно, тот, кто будет изображать Палена, должен довольно убедительно прихрамывать, – добавил Игорь Михайлов. – Надо найти человека, который все это изобразит. Мои ребята вряд ли справятся с этим делом – нынешняя форма для них непривычна, и со стороны сразу бросится в глаза, что они чувствуют себя в ней весьма неуютно.

– Могу предложить моего приятеля Дмитрия, – задумчиво произнес Иванов. – Он одно время увлекался реконструкцией, ездил на Бородинское поле и как-то раз добрался до Аустерлица. Димка изображал артиллериста и даже научился орудовать банником и пальником. Форму он тоже умеет носить, правда, не совсем ту, что носят сейчас, а александровскую. К тому же он схож фигурой с Паленом.

– Алексей Алексеевич, – сказал заинтригованный император, – вы мне потом расскажете о ваших реконструкторах и о том, чем они занимаются. Пока же я принимаю ваше предложение. Вызовите поскорей сюда вашего приятеля, ведь уже через час мне надо выйти к сановникам, которые придут ко мне с докладами.

– А я пока прикину, как нам лучше арестовать Палена, – добавил Михайлов. – Ведь он человек храбрый и хитрый. Почуввав опасность – а чуйка у него работает, как у дикого зверя, – граф наверняка попытается оказать сопротивление. Поэтому его нужно брать строго и осторожно, чтобы не повредить телесно. Он нужен нам относительно целым и способным давать показания.

– Хорошо, господа, – кивнул Павел. – Давайте приведем себя в порядок и будем готовиться к встрече графа Палена. Скажу честно – с вами мне скучать не придется...

* * *

*2 (14) марта 1801 года. Санкт-Петербург, частный дом купца Бергера.
Чарльз Джон Кэри, 9-й виконт Фольклендский*

– Еще колбасы, герр Удольф? – спросила меня Лизелотте.

– Нет, спасибо, Лизе, я наелся, – улыбнулся я. Если сказать честно, мне уже изрядно осточертели ее немецкие завтраки. То ли дело моя родная Шотландия, где у меня на столе с утра уже стояли блюда с жареными куропатками, омлет из яиц с грибами, копченые сардинки, кровяной пудинг... Но когда ты в Риме, веди себя как римляне²¹. Тем более что меня здесь считают отпрыском знатного саксонского дворянского рода, которому за чем-то приспичило посмотреть Россию в эти холодные мартовские дни.

Лорда Уитворта я знаю по лондонскому клубу, в котором я поселяюсь, когда приезжаю в столицу по делам. В прошлый мой приезд он неожиданно пригласил меня отобедать вместе с ним. Мы уединились в приватном кабинете, где он с ходу спросил меня:

– Чарли, ты же вроде неплохо говоришь по-немецки?

²¹ Английская поговорка, примерно соответствующая русской «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

– Именно так. Нам с братом преподавал этот язык некий саксонец, который бежал в Шотландию по неизвестным нам причинам. Он утверждал, что его невзлюбил саксонский король, но я подозреваю, что все было намного прозаичнее – то ли он оказался замешан в финансовых махинациях, то ли что-то связанное с неблагоприятной любовной историей. Но языку он нас научил хорошо – если у Генри и прослеживался английский акцент, то меня даже немцы почитают за чистокровного жителя Дрездена или Лейпцига.

– А ты не хочешь поработать на благо Его Величества короля Георга?

– С удовольствием, – ответил я, зная, что оплачиваться эта работа будет щедро. А то меня Кристина все пилит за то, что у нас слишком мало денег. Да и отдохнуть от моей мегеры совсем не помешает.

Через две недели я встретился с Гансом Бергером, купцом из Петербурга, который пребывал на водах в Карлсбаде. Сначала он был довольно-таки заносчив, мол, сударь, я вас не знаю и не понимаю, о чем с вами разговаривать. Но прочитав записку, полученную мною от Уитворта, он изменился в лице и заискивающе произнес:

– Как там виконт поживает?

– Очень хорошо, – улыбнулся я. – Он передает вам привет.

– Виконт пишет, что вам необходима квартира в Санкт-Петербурге. Почему бы вам не остановиться в моем доме? Он находится на Кировной улице, недалеко от нашей церкви.

– А это далеко от Английской набережной?

– Всего лишь половина мили.

Приехав в Петербург и поселившись у герра Бергера, я был неприятно удивлен, узнав, что ганноверская миля более чем в четыре с половиной раза превышает нашу, английскую. Но приняли меня вполне радушно, и я решил, что если заговор провалится и будут искать несостоявшихся убийц коронованного русского паяца, то здесь меня вряд ли кто-либо найдет. Немцев в городе много, и никто не заподозрит в приезде из Саксонии эмиссара лорда Уитворта. Тем более сама фрау Бергер тоже посчитала меня саксонцем, и отношение ее ко мне было вполне приятственным. К тому же русских она не любит, и вся прислуга у них в доме – исключительно немцы. Англичан, к слову, она презирает еще больше.

На Английскую набережную я сам не поехал. Вместо этого я посетил некоего голландца по фамилии Голдевайк, который давно уже работал на Уитворта, и поручил ему, во-первых, арендовать почтовый ящик под вымышленным именем у конторы де Конинка – такую услугу они, как правило, предоставляют всем иностранцам за сравнительно умеренную плату. А во-вторых, он должен послать надиктованное мною письмо барону Беннигсену с просьбой о встрече. Эта просьба была немедленно выполнена – ведь в письме содержалось ключевое слово, говорившее адресату, что обращается к нему человек из Лондона, имеющий соответствующие полномочия.

Встретились мы в вечернем Летнем саду – он оказался для этого самым удобным местом. В другое время года, думаю, там очень приятно, а сейчас – холодно и неудобно. Днем в нем еще попадаются прохожие, а ночью я ни разу никого не видел, кроме сторожей, которые, впрочем, не выказывают большого желания ходить по парку. Я мог быть уверен, что никто не подслушает наш разговор и даже не увидит нас вместе.

Но вот один момент мне совершенно не понравился. Когда мы встретились, Беннигсен с ходу назвал меня виконтом и присовокупил, что он был в Ганновере на Рождество, где и получил весточку от Уитворта о том, что я вскоре прибуду в Петербург. Так что конспирация моя оказалась отнюдь не лишней – достаточно Беннигсену попасть под подозрение, и русским станет известно о моем приезде. Я разъяснил ему, что о моем присутствии в Петербурге никто знать не должен. Тут он тоже чуть замялся, из чего мне стало ясно, что об этом известно не только ему.

Зато меня удовлетворило то, что он рассказал мне о самом заговоре. Не пройдет и двух недель, как у России появится новый император, устраивающий нашего короля и его правительство. Моя помощь, скорее всего, не понадобится. Если что-нибудь случится, у Беннигсена будет возможность связаться со мной через де Кониинка и вымышленного Корстаанье. Адриаан, старый слуга Голдевайка, будет наведываться туда раз в день и проверять содержимое ящика. А я буду время от времени прогуливаться по Невскому проспекту – если на окне Голдевайка будет задернута занавеска с одной стороны, то это означает, что у него для меня есть новости. А если с обеих, то что-то пошло не так. Голландцы, к слову, вообще занавески не любят – у них за право их повесить нужно заплатить налог, так что по своей воле он их задергивать не будет.

Конечно, о моем местопребывании было известно немногим. Но все равно, после нашей встречи я специально покинул сад и отправился в сторону Мраморного дворца, в котором проживает сейчас сын императора Павла Константин. Пусть Беннигсен немного поломает голову, прикидывая, где я остановился.

А вскоре я покину этот варварски красивый, но холодный и сырой город. Единственное, что хоть как-то скрашивает мое пребывание здесь – Лизелотте, служанка герра Бергера, которая не прочь иногда составить мне компанию в постели за небольшую сумму денег, на что она мне намекнула в первый же день моего приезда. Должен сказать, что с ней подобное времяпровождение намного приятнее, чем с моей Кристиной. Но я надеюсь, что в скором времени я услышу, что дело сделано, и немедленно отправлюсь в Кёнигсберг, откуда первым же кораблем отбуду в старую добрую Англию.

* * *

2 (14) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

Первый ход нами был сделан. Из рядов заговорщиков мы вырвали самого опасного и самого деятельного из них – графа Палена. За остальными установили слежку. Беннигсен должен был вывести нас на своих британских кураторов, а в квартиру Валериана Зубова на Миллионной к вечеру слетятся прочие, наиболее активные участники заговора.

Из общения с главой Тайной экспедиции Александром Макаровым, который по вызову императора прибыл в Михайловский замок, я понял, что помощник из него будет никудышный. Скорее наоборот. Мне вспомнилось, что о нем очень тепло отзывались люди, сочувствовавшие в нашей истории заговорщикам. Это наводило на определенные размышления.

Правда, с другой стороны, он долгое время служил в Риге секретарем при губернаторе Юрии Броуне, старом вояке и честнейшем человеке. В Тайной экспедиции Макаров начинал свою карьеру с должности помощника знаменитого Шешковского, от которого он научился многим хитростям политического сыска.

Но в данном случае Александр Семенович почему-то особого рвения не проявил. Его агенты наверняка докладывали о подозрительных сборищах гвардейских офицеров, о разговорах, в которых ругали императора и звучали призывы к царевубийству. Но Макаров относился к донесениям своих людей с преступной халатностью. В том же можно было, кстати, обвинить и генерал-прокурора Петра Оболянинова, не проявлявшего должного рвения в борьбе с крамолой.

Макаров же, получив энергичный нагоняй от императора, предоставил в распоряжение Игоря Михайлова несколько толковых агентов, которые и занялись слежкой за нужными нам людьми. Они энергично взялись за дело, и к вечеру их донесения о передвижении всех фигурантов дела лежали на столе императора. Из них стало ясно, что внезапное исчезновение главы заговора графа Палена встревожило заговорщиков, и многие из них запаниковали.

Кое-кто поспешил покинуть Петербург и перебрался в свои загородные поместья. Некоторые сказались больными, о чем с горестным выражением лица поведали лакеи визитерам, пожелавшим навестить их хозяев. Ну, а те, кто оказался не из робкого десятка, посылали друг к другу слуг с записочками. Мы, естественно, не могли с ними ознакомиться, но общий замысел переписки заговорщиков нам был понятен – они собирались внести коррективы в изначальный план, выбрать нового лидера и добиться успеха во что бы то ни стало.

Завтра подполковник Михайлов собирается отследить Беннигсена и подвесить ему «жучок». Он потолковал об этом с двумя агентами Тайной экспедиции, и те предложили способ, с помощью которого можно будет отвлечь внимание генерала и выбрать момент для того, чтобы воткнуть ему в одежду булавку с миниатюрным радиомикрофоном.

Я же был приглашен Павлом на ужин в Михайловский замок. Как я понял, он хочет познакомить меня со своей семьей. Видимо, слухи о необычных гостях и странных событиях, которые последовали за нашим появлением, заинтриговали императрицу и великих князей с княжнами. На ужин, ради общения с нами, были приглашены также Алексей Иванов с дочкой, подполковник Михайлов и Дмитрий Сапожников. Император даже перенес это событие с девяти на семь часов пополудни, пожертвовав посещением придворного театра, хотя он обыкновенно был весьма педантичен в соблюдении распорядка дня.

Но у меня возникли вопросы, которые я тут же поспешил довести до Павла.

– Государь, от себя лично и от моих друзей я благодарю вас за приглашение, но боюсь, что некоторые моменты могут быть не совсем приятными для вас и вашего семейства.

– А что именно вас беспокоит, Василий Васильевич? – насторожился император. – И что может быть неприятного в нашем общении?

– Во-первых, государь, как вы уже успели заметить, наша одежда несколько отличается от той, которую носят ваши подданные и вы сами. Как вы понимаете, мы попали в ваше время в том, во что были одеты в тот момент, когда неведомая сила забросила нас в прошлое. И другой одежды у нас просто нет.

Во-вторых, наши этикет и нравы довольно сильно отличаются от здешних. Мы мало обращаем внимание на титулы и чины друг друга, нам незнакомы придворные церемонии, и потому мы можем показаться вам и вашей семье грубыми и невоспитанными. А этого нам совсем не хочется...

– В ваших словах, Василий Васильевич, – озадаченно произнес Павел, – есть резон. Конечно, я могу приказать пошить для вас и ваших друзей платья, которые носят у нас. Но ведь вы не умеете их носить, и до тех пор, пока вы этому не научитесь, вы будете выглядеть в нашей одежде несуразными и смешными. Проще объявить всем, что вы приехали из какой-то далекой страны, где говорят по-русски, где умеют делать удивительные вещи и где люди живут по своим законам и правилам приличий. Полагаю, что все поверят такому объяснению и не будут смотреть на вас, как на каких-то заморских монстров.

– Ну, если так... – мне осталось лишь развести руками. – Только надо будет как следует проинструктировать моих друзей, чтобы они следили за своими словами и поступками. А вам, государь, неплохо было бы предупредить членов вашей семьи, что я и мои люди обладают некоторыми знаниями, недоступными пока еще жителям Старого Света. Это на тот случай, если все же кто-то из нас сболтнет что-то лишнее.

– Хорошо, Василий Васильевич, – согласился император. – Я поговорю с императрицей и моими старшими. Как вы понимаете, младших детей я за стол не приглашу – рано им еще сидеть рядом со взрослыми. Из старших же будут присутствовать великие князья Александр Павлович и Константин Павлович, а также великие княжны Мария Павловна и Екатерина Павловна...

И вот мы впятером (не считая собаки) идем по двору Михайловского замка в сопровождении поручика Бенкендорфа, который стал для нас кем-то вроде Вергилия²² в XIX веке. Любопытно, интересно и немного боязно. Я увижу людей, о которых знал лишь по документам и мемуарам, и которых видел лишь на картинах и гравюрах. Ну что ж, самое время нам с ними познакомиться...

* * *

2 (14) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Что бы ни говорили и ни писали про императора Павла I историки, семья у него была замечательная. Это, конечно, если не считать двух старшеньких, которые воспитывались не отцом и матерью, а бабкой. От Екатерины II и окружавших ее вельмож они и нахватались дурных манер, а также приобрели привычку к неискренности и лжи. Но это не означает, что Александр и Константин были людьми конченными и ни на что не годными.

«Всякий необходимо причиняет пользу, употребленный на своем месте», – говаривал незабвенный Козьма Прутков. Подходящее для «екатерининских принцев» место следовало потом найти, но к трону и управлению таким огромным государством, как Российская империя, их подпускать не стоило.

Мы вошли в общую столовую залу, где обычно император принимал тех, кто был приглашен к нему на ужин. Здесь уже собралось все царское семейство. Павел представил нас как иностранцев, обитателей одной заморской страны, где живет большая колония людей, говорящих на русском языке и исповедующих православие. Царь сразу же предупредил своих чад и домочадцев, что нравы и правила поведения у нас несколько отличаются от принятых в Российской империи и потому не следует удивляться и возмущаться, если мы нарушим эти самые правила поведения.

– Господа из-за моря обладают сокровенными знаниями, доставшимися им в наследство от одной могущественной державы. Они обладают даром пророчества и могут заглядывать в будущее, – сказал Павел.

Я заметил, как Александр после слов отца побледнел словно полотно, а Константин набычился. Похоже, что ему не совсем пришлось по нраву наши экстрасенсорные способности а-ля Вольф Мессинг.

Императрица – весьма симпатичная дамочка, выглядевшая моложе своих лет, видимо, предупрежденная мужем – довольно спокойно отреагировала на его слова. А вот великие княжны Мария и Екатерина, те заволновались, и лишь присутствие отца, которого они очень любили и в то же время побаивались, удержало их от попыток тут же расспрашивать нас о своем будущем, ну и, конечно, о суженых и ряженных.

Большое впечатление на присутствующих произвел и красавец Джексон. Сперва он до смерти напугал карликового шпица императрицы, который, увидев огромную черную собаку, жалобно тьякнул на нее и от страха забился под диван. Впрочем, Джексон вел себя вполне прилично. Он вопросительно посмотрел на хозяина и, дождавшись команды «Лежать!», послушно улегся на пушистый ковер у входа в залу.

Пятнадцатилетняя Мария Павловна, девица с лицом изумительной красоты, которую не портили даже несколько оспинок, была любимицей родителей. У нее уже имелся жених – принц

²² В данном случае имеется в виду персонаж поэмы Данте «Божественная комедия», древнеримский поэт Вергилий, который служит спутником и проводником Данте в мире мертвых.

Карл Фридрих Саксен-Веймар-Эйзенахский. Мария и ее жених еще не были знакомы, и их свадьба в нашей истории должна была состояться лишь через три года. Так что будущая семейная жизнь Марии Павловны была еще под вопросом. Как рассказал о ней Васильич, девица сия была сущим кладом – умна, скромна, хорошо воспитана. Может быть, послать лесом этого принца с длинным именем и подыскать ей другого жениха из числа наших парней?

Что же касается тринадцатилетней Екатерины, то, несмотря на ее молодость, эта девочка-подросток была не по годам шустр и кокетлива. Она безо всякого смущения рассматривала нас. Как мне показалось, больше всего ее заинтересовала Дарья Иванова. Вот уж воистину – свояк свояка видит издалека. Екатерина сразу же почувствовала в Даше родственную душу и, воспользовавшись тем, что отец по очереди представлял нас императрице, незаметно подмигнула Даше, на что та ответила ей тем же и высунула розовый язычок. Обе девицы рассмеялись. Мария Павловна, заметившая этот обмен «комплиментами», укоризненно посмотрела на сестру и покачала головой.

Шел Великий пост, и потому угощения, которые приготовили для нас дворцовые повара, были исключительно постными. Зная о том, что Павел, как человек глубоко верующий, строго соблюдает все посты, Патрикеев посоветовал нам поплотнее поесть, отправляясь в гости к царю. Но все равно постное печенье и пирожки были очень вкусными. Вместо спиртного мы пили чай и кофе. А в основном мило беседовали, отвечая на многочисленные вопросы хозяев.

Большую часть их нам задавали императрица и великие княжны. Александр же бросал в нашу сторону настороженные взгляды. Константин, узнав, что я подполковник, спросил меня, где и с кем мне довелось повоевать. Я постарался, не вдаваясь в подробности, кратенько рассказать ему об одной моей командировке на Северный Кавказ. Впрочем, я вовремя спохватился и в самый последний момент сообщил, что горы, где мне пришлось сразиться с врагом, находятся в Южном полушарии, где-то в районе Анд.

Константин, почувствовал родственную душу, стал рассказывать мне о своем участии в Итальянском и Швейцарском походах под командованием великого Суворова. Ему было что рассказать – и о блестящих победах над французами в Италии, и о тяжелейшем переходе через горы русской армии, брошенной союзниками-австрийцами на произвол судьбы, без карт, без продовольствия и, практически без боеприпасов. Я вспомнил, что Константин показал себя во время Швейцарского похода вполне достойно – он находился в авангарде колонны, штурмовавшей альпийские перевалы, которой командовал храбрец из храбрецов, генерал князь Петр Иванович Багратион.

А императрица расспрашивала Васильича о нашем житье-бытье. Тот довольно толково отвечал Марии Федоровне. Когда же речь зашла о строительстве и архитектуре (оказывается, супруга Павла неплохо разбиралась и в таких вещах), к беседе подключился Алексей Иванов. Он начал рассказывать императрице о домах, которые строила его фирма, а потом сразил всех присутствующих, достав из кармана айфон и продемонстрировав хозяевам фотографии чудотеремов, изготовленных его мастерами. Мария Федоровна пришла в восторг от увиденного. Ей очень захотелось, чтобы несколько таких уютных домиков было построено в Павловске.

– Господин Иванов, я покажу вам это чудесное место, где мы были так счастливы со своим супругом, – вздохнув, произнесла императрица. – Я уверена, что оно вам тоже понравится.

Алексей начал было толкать речь о том, что он бывал в Павловске, причем не один раз, но тут же поперхнулся и замолчал после того, как я и его приятель Дмитрий одновременно толкнули в бок балабола, который чуть было всех нас не спалил. Ведь, согласно легенде, мы прибыли в Петербург сутки назад. А тут он хочет рассказать о посещении им Павловска!

Чтобы отвлечь насторожившуюся было Марию Федоровну, Алексей стал показывать ей фотографии уютных японских домиков, сделанные им во время недавней деловой поездки в Страну восходящего солнца. Павел же укоризненно посмотрел на Патрикеева и покачал головой.

В общем, лед некоей скованности постепенно растаял, и дальнейшее общение проходило непринужденно, можно даже сказать, в дружеской обстановке. Дарья оживленно о чем-то беседовала с великими княжнами. Даже Мария, поначалу державшаяся несколько сдержанно, вскоре забыла обо всем и смеялась, слушая рассказ своей новой знакомой. Потом Даша подозвала Джексона и разрешила девицам погладить его. Пес, который любил хозяйку, стоически выдержал обрушившееся на него внимание чужих людей. Даша решила продемонстрировать великим княжнам способности Джексона. Она подавала различные команды, и пес послушно вставал, садился, подавал лапу и звонко лаял. Даже шпиц, переборов свой страх, выбрался наконец из-под дивана и с интересом посматривал на Джексона.

Как я понял, наш визит императору понравился. Мария Федоровна загорелась идеей построить образцовую русскую деревушку в Павловске, и Алексей на листке бумаги стал набрасывать проекты теремов, сельских домиков и беседок, которые он мог бы там соорудить. Константин, перейдя со мной на «ты», по-приятельски протянул мне руку на прощание и пригласил посетить Конный полк, шефом которого он был. А великие княжны наперебой зазывали Дашу снова заглянуть к ним и поподробнее рассказать о чудесной стране, из которой она приехала.

Один цесаревич Александр сидел в стороне от всех и молчал весь вечер. Павел время от времени бросал в его сторону многозначительные взгляды и, как я понял, уже принял решение поговорить с ним начистоту, потребовав рассказать все, что тот знает о заговоре.

Договорившись с императором, что завтра с самого утра я и подполковник Баринов будем присутствовать на разводе караула на площади перед Михайловским замком, именуемой Коннетабль, мы распрощались с царской семьей и пошли в Кордегардию, которая стала для нас временным штабом и жилищем. На прощание Павел сказал, что он даст поручение коменданту Михайловского замка и в течение самого ближайшего времени для нас найдут жилье в самом замке. Мне эта идея не очень понравилась – лучше жить на некотором расстоянии от царя. В этом отношении помещения Манежа и Кордегардии мне показались более подходящими.

Выйдя из залы, мы направились к лестнице, ведущей на первый этаж. Неожиданно Джексон насторожился и зарычал. Из-за угла выскочил испуганный человек в красном камзоле и с синей андреевской лентой через плечо. Его лицо восточного типа, с большим, слегка горбатым носом и черными, блестящими, словно маслины, глазами побледнело.

– А она не кусается? – дрожащим голосом произнес он, показывая рукой на Джексона, который, оскалив зубы, плотоядно поглядывал на незнакомца.

– Нет, граф, наш пес хорошо воспитан, и без приказа хозяина он никого не тронет, – усмехнувшись, произнес Патрикеев.

– До свидания, господа, – с облегчением сказал тот, кого Васильич назвал графом. – Был рад с вами познакомиться.

Спустившись по лестнице, мы вышли во двор замка.

– Не узнали этого прощельгу? – спросил у нас Патрикеев. – Фильм «Крепостная актриса» смотрели? Помните, кого там сыграл Евгений Леонов?

– Так это был Иван Кутайсов? – воскликнул Алексей Иванов. – Тот самый, который называл себя любимым царским брадобреем?

– Именно он. Думаю, что завтра о нашем вечернем визите к императору станет известно очень многим. В том числе и тем, кому не следовало бы об этом знать.

Вторая неожиданная для нас встреча произошла у разводного моста, когда мы пересекли площадь Коннетабля. Ожидавший нас поручик Бенкендорф о чем-то оживленно разговаривал с другим поручиком, только в мундире Преображенского полка и с царскими вензелями на погонах.

– Ну, сегодня, похоже, у нас вечер неожиданных встреч! – воскликнул Патрикеев. – Знаете, с кем беседует Александр Христофорович? Ни за что не догадаетесь.

Подойдя к поручикам, которые, увидев нас, прекратили «дозволенные речи», Васильич поприветствовал преображенца:

– Вечер добрый, Иван Федорович, как ваши дела?

Поручик от неожиданности окаменел и даже забыл ответить на приветствие незнакомого ему пожилого мужчины. Впрочем, он довольно быстро пришел в себя и произнес:

– Добрый вечер, господин... – он вопросительно посмотрел на Васильевича.

– Это господин Патрикеев, гость нашего государя, – поспешил на помощь приятелю Бенкендорф. – А откуда вы, Василий Васильевич, знаете поручика Паскевича? Вы раньше с ним встречались?

– Нет, но я знаю о нем немало и могу предсказать, что господина поручика ждет славное будущее. А об остальном я пока умолчу...

Перейдя через мост, мы направились к Кордегардии.

– А вечер прошел на ура, – задумчиво произнес Васильич, – думаю, что нам удалось произвести хорошее впечатление на императора и его семейство. Посмотрим, как пойдут наши дела дальше. Только учтите, друзья мои, царский двор – это самый настоящий гадюшник, где все интригуют друг против друга. Тут надо держать ухо востро...

* * *

*2 (14) марта 1801 года. Санкт-Петербург, Михайловский замок.
Великая княжна Екатерина Павловна*

Когда мамá сказала нам, что сегодня мы будем ужинать пораньше и что на ужин к нам приглашены люди из дальних стран, меня это поначалу не очень заинтересовало. Обычно гости на семейных ужинах – это придворные отца, какие-нибудь наши европейские родственники, либо потенциальные женихи для Марии. Мне в их присутствии приходится сидеть смирно и вести себя примерно, «как и подобает принцессе». Ведь именно так нас воспитывала баронесса фон Ливен. Она не устает повторять нам с сестрой, что мы принадлежим не себе, а государству, и быть великой княжной – тяжелое бремя.

Но когда гости вошли в Общую залу, где уже были накрыты столы, мамá и Мария были несколько озадачены. Гости наши совершенно не были похожи ни на кого из тех, кто когда-либо присутствовал на нашей семейной трапезе. Они были высокого роста и одеты весьма непривычно. Мужчины, увы, были уже не молоды, но держались они с большим достоинством и не робели при виде нашего папá, которого, честно говоря, многие изрядно побаиваются. А они разговаривали с ним, хотя и вежливо, но без какого-либо подобоострастия.

А меня больше всего удивила девушка, которая пришла вместе с мужчинами. Во-первых, она была одета так, что баронесса фон Ливен, увидев ее, наверняка упала бы в обморок. На ней было не платье, а кофта, под которой я не заметила корсета, и обтягивающие ее стройные ноги панталоны. О ужас, такие же, какие носят мужчины!

Ее густые каштановые волосы не были уложены в прическу, как это принято у взрослых дам, а свободно рассыпались по плечам. Лет ей было, наверное, двадцать с небольшим, но держалась она в разговоре с моими родителями на равных, хотя и нельзя было сказать, что вела она себя неприлично. С ней была большая черная собака, каких я раньше не видала. Наш бедный шпиц, увидев это черное чудовище, испугался и забился под диван... Но пес со странным именем Джексон не обратил внимания на мамино любимца, а по команде хозяйки лег на пол и стал с интересом разглядывать нас.

Вот такой, как эта девушка, мне бы хотелось стать, когда вырасту! Свободной, живой и, если мне придется выйти замуж – а все принцессы делают это, – то не за скучного принца из какой-нибудь крохотной немецкой державы, а за человека храброго, веселого, с которым мы

будем понимать друг друга с полуслова. Я подмигнула девушке, когда папá представлял гостей мамá и, как мне казалось, никто не смотрел ни на меня, ни на нее. Она в ответ тоже подмигнула мне и показала на секунду свой розовый язычок. Я не смогла удержаться от смеха, и Маша, заметив наши перемигивания, посмотрела на меня с осуждением.

Папá также сообщил нам, что наши гости могут знать будущее, и Маша сразу начала задавать им вопросы про суженых-ряженных. Но они отвечали очень осторожно, сразу же заявив, что все в руке Божией, который может карать и миловать. Но Он же дал человеку волю делать добро и зло, и что мы сами – творцы своего будущего. Но если она выйдет замуж за герцога Веймарского, то брак ее будет счастливым, и она прославится в Тюрингии добрыми делами. А вот мне они сказали, что и я тоже смогу сделать много хорошего, но счастье в дальних краях мне будет найти намного сложнее.

Несмотря на эти слова, у меня сложилось впечатление, что Машеньке гости не слишком понравились – все-таки их манеры великосветскими назвать было трудно, а ее любопытства они так и не удовлетворили. А вот Константин внимательно слушал рассказы одного из них, одетого в странный пятнистый мундир, столь непохожий на мундиры и треуголки наших военных. Рассказывал он про какие-то крутые горы «недалеко от Анд», в далекой стране, откуда они прибыли, про немирных горцев и битвы с ними... Слушали мы его, затаив дыхание – в отличие от наших «героев», он свои приключения живописал весело, то и дело подтрунивая над собой, а вот подвигами своих друзей восхищался.

Эх, будь я чуть постарше, а он чуть помоложе, то непременно бы влюбилась в него, настолько он отвечал моим идеалам настоящего рыцаря без страха и упрека. Только вот, хоть он, наверное, и дворянин в своей далекой стране, но вряд ли принадлежит к высшей аристократии. И потому ни папá, ни мамá никогда не дадут согласия на подобный брак.

Отец Дарьи Алексеевны (именно так звали хозяйку собаки) оказался архитектором, и весьма талантливым. Он нарисовал несколько спроектированных им домов, а затем показал картинки, которые строят азиаты в далекой Японии. Мамá они так понравились, что она попросила его построить подобные коттеджи рядом с Павловским дворцом. А я тем временем подошла к Дарье Алексеевне и пригласила ее в гости, присовокупив, что можно будет немного покататься на лошадях. Та улыбнулась и сказала:

– Конечно, ваше императорское высочество, почту за честь! Вы только сообщите, куда и когда мне приехать. И не надо называть меня Дарьей Алексеевной, зовите меня просто Дашей! Так для меня привычнее. А вот насчет лошадей, увы, у нас в стране их мало, и езжу я на них плохо. Зато я умею плавать, как рыба, и летать, как птица...

Я рассмеялась было, но посмотрев на Дашу, поняла, что она говорит об этом серьезно. На мгновение мне стало не по себе – неужели моя новая знакомая – ведьма или фея? Но потом я успокоилась, решив, что такой человек, как Даша, не может причинять зло другим людям.

К моей огромной радости, я получила Дашино согласие посетить Манеж, чтобы вместе со мной попробовать свои силы в верховой езде. Прощались мы с нашими новыми знакомыми тепло, можно сказать, сердечно.

Только расставшись с ними, я заметила, что мой старший брат Александр весь вечер был странно молчалив и совсем не участвовал в разговоре. Надо будет с ним потом поговорить – все-таки я его любимая сестра.

* * *

2 (14) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Баринов Николай Михайлович, РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Игорь с Патрикеевым, Ивановым, его дочерью и их приятелем ушли в Михайловский замок. Я же собрал всех свободных от службы бойцов, чтобы поговорить с ними по душам. Ситуация была нетривиальная – ни на учениях, ни в ходе выполнения боевой задачи нам ни разу не приходилось сталкиваться с таким удивительными случаями. Даже в страшном сне нам не могло присниться, что мы попадем в прошлое, на двести с лишним лет тому назад. С Игорем Михайловым мы уже вкратце обговорили наши планы и решили помочь императору Павлу Петровичу. Мы спасем его от заговорщиков, которыми руководят британцы. Ведь то, что удумали лимонники, само по себе форменное безобразие. На таких «кураторов», которые совали нос в наши дела, мы насмотрелись в лихие 90-е годы. Тогда посланцы из Пиндосии чувствовали себя как дома в наших министерствах. А как мы жили тогда – лучше и не вспоминать...

Я обещал Игорю провести беседу со своими орлами, дабы выслушать их мнение на сей счет и принять окончательное решение. Впрочем, в том, что мои ребята поддержат нас, я не сомневался. Они хорошо знали меня, а я их. Можно было бы ограничиться просто постановкой боевой задачи. Но как говорил Александр Васильевич Суворов: «Каждый воин должен знать свой маневр»... Бли-и-ин! Ведь Суворов умер меньше года назад! И еще живы и вполне здоровы такие легендарные личности, как Кутузов, Багратион, Барклай-де-Толли и Ушаков. В какое все-таки интересное время мы попали!

Получив от меня задание, мой заместитель майор Никитин собрал ребят в одном из помещений Манежа. Перед этим я вместе с командиром конногвардейцев полковником Саблуковым проинструктировал часовых, которые должны были охранять вход и выход в помещение, чтобы наши разговоры не мог услышать никто из посторонних. Бравые конногвардейцы ели глазами начальство и обещали никого и близко не подпускать к дверям.

Свободных от службы, считая и меня, оказалось всего восемь человек – чуть больше половины. Я прикинул, что кворум имеет место быть. Трибуны отсутствовали, как и «долгие и продолжительные аплодисменты». Все было, можно сказать, по-домашнему. Передо мной кружком расселись взрослые мужики, много чего повидавшие за свою службу. Их не надо было «воодушевлять и направлять». Они просто хотели знать, что произошло, и как мы собираемся жить дальше.

Кратенько обрисовав ситуацию, я подчеркнул, что причин, почему мы, люди XXI века, оказались в самом начале XIX века, я не знаю. И никто не знает. Ясно лишь одно – мы сейчас находимся в Петербурге в начале марта 1801 года. Если вспомнить, что было в это время в нашей истории, то можно констатировать, что ситуация критическая – вот-вот должно произойти убийство мятежными гвардейцами императора Павла Первого, которое повлечет за собой резкое изменение внешней и внутренней политики Российской империи.

– Да мы тут кое-что уже и сами поняли, – подал голос старший лейтенант Совиных. – Только скажите, Николай Михайлович, может быть, не стоит нам вмешиваться в ход истории? Пусть все идет так, как и должно быть.

– Нет, Герман, – ответил я, – так, как произошло в нашей истории, уже не получится. Император Павел предупрежден о заговоре, а организатор заговора, граф Пален, арестован и сейчас сидит в Петропавловке. Конечно, оставшиеся на свободе заговорщики могут попытаться довести свой замысел до конца. Только это уже будет больше похоже на мятеж гвардейцев в декабре 1825 года, с пушечной стрельбой и поножовщиной. В результате может погибнуть не только царь, но и вся его семья. А далее – Смута, которая была на Руси в начале XVII века. И всем останется только ждать новых Минина и Пожарского, которые могут появиться и снова спасти Россию. А могут и не появиться.

– Понятно, товарищ подполковник, – озадаченно произнес Совиных. – Я об этом как-то не подумал. Тогда получается, что надо приземлить всех заговорщиков. Ну и загнать их туда, куда Макар телят не гонял. А самых главных помножить на ноль.

– Что с ними делать – это уже не наша забота. Главное, разгромить заговор и не дать убить императора Павла. А потом нам придется подумать о том, как отразить набег на территорию Российской империи британского флота.

– Это вы об эскадре адмирала Нельсона? – проявил эрудицию капитан Бутаев, любитель военно-морской истории.

– Именно о ней, Казбек, – кивнул я. – Если мне память не изменяет, как только восточная часть Балтики очистится ото льда, следует ждать его «визита вежливости».

– Только что мы можем против линейных кораблей и фрегатов? – развел руками Бутаев. – Эх, было бы у нас что-нибудь тяжелее АГСов...

– С ней мы вряд ли что-нибудь сможем сделать. А вот помочь нашей армии и флоту отразить нападение инглизов нам вполне по плечу. Помните, ребята, мы обладаем тем, чего нет здесь ни у кого – знанием истории. Ну и пути развития науки и техники нам тоже известны. Нам повезло, что здесь оказался Василий Васильевич Патрикеев. Он историк и хорошо знает это время, а также тех, кто в нем живет. Вот поэтому-то он отправился вместе с подполковником Михайловым к царю на рюмку чая.

– Не будет для него никакой рюмки, – проворчал старший лейтенант Мальков. – Я слышал, что убийство Павла Первого произошло во время Великого поста. А Павел – человек верующий, и вряд ли станет скоромиться даже ради знакомства с хорошими людьми.

– Ну, тебе, конечно, виднее, – ответил я. – Ты ведь у нас живой церковный календарь. Но думаю, что ты прав.

– Скажите, Николай Михайлович, – снова подал голос Совиных, – а в качестве кого мы здесь будем? Ведь я слышал, что в армии Павла I солдаты занимались в основном шагистикой, и их за малейшую небрежность лупили палками гатчинские капралы. Как-то меня такое совсем не вдохновляет.

– Герман, лично нам с тобой палки не грозят, – усмехнулся я. – Мы все же офицеры, кои не подлежат телесным наказаниям. А вот насчет шагистики и прочего все не так просто. Мы с подполковником Михайловым обсудили и этот вопрос. И пришли к выводу, что наша группа будет подчиняться лично императору. Мы будем своего рода «Мальтийской гвардией». Мало кто знает, что, став гроссмейстером ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Павел учредил в русском флоте особую эскадру этого ордена, куда вошли лучшие корабли Балтийского и Черноморского флотов. И на флагштоках этих кораблей вместо гюйсов развевались флаги с мальтийскими крестами.

А кто может запретить императору учредить Орденский отряд, своего рода гвардии в гвардии, который будет всегда при нем, готовый выполнить самые ответственные поручения? Я уверен, что скоро вы все получите повышения в чинах, ордена и деревеньки с крепостными. То есть, – я хитро подмигнул своим орлам, – станете помещиками...

– Товарищ подполковник, – криво усмехнулся капитан Бутаев, – да какие из нас помещики? Мы люди служивые, девиз коих: «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!»

– Ну вот из этого и будем исходить. Значит, можно подвести итог – вы за то, чтобы и дальше продолжать служить России. Других предложений нет?

Других предложений не поступило. Я быстренько закончил наше совещание и разрешил своим орлам задавать мне вопросы. Их оказалось предостаточно...

* * *

3 (15) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

«Ох, рано встает охрана!» Хотя я по натуре своей и жаворонок, но ни свет ни заря просыпаться все же не всегда приятно. Но увы, иногда приходится. Ведь распорядок дня у императора Павла, можно сказать, спартанский. Он встает в пять утра, пьет кофе, приводит себя в порядок, и уже в шесть утра принимает доклад генерал-губернатора (когда таковой имеется – ведь со вчерашнего дня эта должность вакантна), а затем выслушивает доклады сановников о положении дел в Российской империи и в мире.

Именно к шести мне и следовало сегодня быть в библиотеке Павла, которая служила приемной для посетителей. А Михайлову с Бариновым необходимо подтянуться к девяти часам, когда на плацу перед Михайловским замком начнется вахтпарад и развод караулов.

Как я и предполагал, в библиотеке императора я оказался далеко не первым. Когда я переступил порог, то мне сразу бросился в глаза большой нос и выпуклые глаза-маслины графа Кутайсова. Верный Фигаро с нетерпением ждал своего хозяина, чтобы успеть доложить ему свежие вести и сплетни. Но мне было хорошо известно, что Кутайсов в нашей истории имел прикосновение к заговору. Правда, в оправдание себе он придумал красивую сказку – дескать, некто накануне убийства Павла I прислал ему письмо с предупреждением о заговоре. А граф, по своей рассеянности, сунул его в карман и напрочь забыл о нем. Оно так и осталось непрочитанным. Те, кто хотя бы немного знал Кутайсова, в это ни за что бы не поверили. Ведь бывший брадобрей всегда отличался неумеренным любопытством и проницательностью.

Кутайсов стал креатурой Палена и знал многое о замыслах заговорщиков. Проще говоря, он предал своего коронованного благодетеля. Не случайно в нашей истории вдовствующая императрица Мария Федоровна ненавидела Кутайсова не меньше, чем непосредственных убийц ее мужа.

Сейчас граф был встревожен и напуган. Шла какая-то непонятная интрига, а он о ней ничего не знал. Слухов было много, но насколько они соответствовали действительности? Кутайсов попытался было подъехать ко мне с вопросами, но я, как некогда великий Суворов, поздоровался с ним по-турецки, после чего стал задумчиво рассматривать корешки книг, стоявших на полке.

Кутайсов набычился и посмотрел на меня так, что я невольно потянулся к карману куртки, где лежал прихваченный с собой «на всякий пожарный случай» травматический пистолет. Граф, догадавшись, что в кармане у меня находится не карамельный петушок на палочке, отвернулся и больше не пытался со мной заговорить.

Чуть позже подошел генерал-прокурор Петр Оболянинов. Скорее всего, император вызвал его для того, чтобы побеседовать о заговоре и о будущем следствии и суде над заговорщиками. Затем в библиотеке, к моему большому удивлению, появился великий князь Константин Павлович. Он без всяких церемоний подошел ко мне и поздоровался за руку, вежливо осведомившись о здоровье. Я не менее вежливо ответил великому князю, что чувствую себя превосходно (хотя сегодня утром, посмотревшись в зеркало, сделал прямо противоположные выводы) и готов быть полезен его императорскому величеству...

Кутайсов вздрогнул, а Оболянинов с любопытством посмотрел на меня. Видимо, слухи о каких-то таинственных людях, прибывших позавчера вечером в Петербург, дошли и до него.

Наконец, вышедший из дверей царской опочивальни, служившей императору личным кабинетом, камер-гусар Китаев, обычно приводивший в порядок прическу Павла, объявил, что государь приглашает войти к нему.

Павел, честно говоря, тоже выглядел неважно. У меня сложилось впечатление, что он вообще не спал всю эту ночь. Первым делом он подошел ко мне и поздоровался, причем сделал сие явно демонстративно, чтобы показать присутствующим свое расположение ко мне. На Кутайсова он взглянул мельком, даже хотел было пройти мимо, но все же остановился, небрежно протянул руку для поцелуя, а потом, буркнув что-то невразумительное под нос, подошел к Оболянинову.

– Петр Хрисанфович, я попрошу вас остаться для личной аудиенции, как и господина Патрикеева. А ты, – император обратился к Константину, – подожди меня в библиотеке, ты мне скоро понадобишься. Прочих же господ я больше не задерживаю...

Мы с генерал-прокурором остались в кабинете царя. Предложив нам присесть, Павел сообщил – главным образом Оболянинову – о заговоре, который направлен против него, помазанника Божьего, и о тех людях, которые готовят убийство императора. Отдельно Павел рассказал о роли британцев во всем этом деле.

Вряд ли все сказанное Павлом стало для Оболянинова новостью. Скорее всего, ему уже докладывал о заговоре Макаров, глава Тайной экспедиции. Все же гвардейские офицеры были хреновыми конспираторами, и под воздействием винных паров они где ни попадая, словно сороки, трещали о своих намерениях сменить власть в государстве. Вполне естественно, что агентура господина Макарова докладывала своему шефу о подобных разговорах. Но слухи слухами, разговоры разговорами, а более достоверных сведений генерал-прокурор, похоже, пока не имел. Для Оболянинова стало полной неожиданностью то, что государь, оказывается, знает практически все о заговоре, и мало того – имеет даже список его участников. А ведь он, по должности своей, должен был первым узнать об этом.

– Господин генерал-прокурор, – суровым голосом произнес император, – необходимо сделать все, чтобы причастные к этому злодейству лица были пойманы и наказаны. А чтобы успешнее это сделать, я попросил господина Патрикеева и его людей оказать вам помощь. Запомните – их указания вы обязаны выполнять с такой же тщательностью и старанием, как и мои. И если господин Патрикеев доложит мне, что вы не проявили требуемого рвения в розыске преступников...

Павел подошел и взглянул в глаза Оболянинову. Тот побледнел, и на лбу его выступили капельки пота.

Император, впрочем, вскоре сменил гнев на милость и дружески похлопал по плечу генерал-прокурора.

– Я верю, Петр Хрисанфович, что вы сделаете все, что в ваших силах. И Василию Васильевичу, – Павел кивнул в мою сторону, – не придется жаловаться на вас. Ступайте и помните, что я хочу вас видеть на вахтпараде. Там я сообщу всем нечто весьма важное...

* * *

3 (15) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Васильич с утра пораньше отправился на randevу с Павлом, а у нас началась веселуха. Не успели наши орлы продрать глаза и умыться, как в Кордегардию заявили портные с аршинами и матерчатыми лентами. Оказывается, император велел им снять мерки с нас, дабы срочно изготовить два комплекта одежды – штатской и форменной. Дескать, мы своими необычными мундирами вводим окружающих нас подданных царя в ненужные крамольные мысли.

Ну, насчет военной формы я готов с Павлом поспорить – его мундиры, скопированные с мундиров прусской армии времен Фридриха Великого, изрядно отстали от общемирового тренда и абсолютно нефункциональны. Как считали специалисты по военной форме, так называемые потемкинские мундиры, введенные во времена императрицы Екатерины Великой, были гораздо удобнее и опередили время лет этак на семьдесят. Больше всего нам не понравились букли и косы. Из-за отсутствия растительности на головах наших бойцов, косы и букли могли быть лишь искусственные.

Я понимаю – для оперативных нужд неплохо было бы иметь комплект местной одежды. Но с другой стороны, чтобы носить костюм начала XIX века, нужна некоторая практика. Человек из нашего времени будет выглядеть в нем, как туземец Пятница, которого Робинзон Крузо нарядил в европейский камзол и треугольную шляпу. Потому я не препятствовал почтенным портным делать свое дело (царский приказ они обязаны выполнить), но о необходимости поголовного переобмундирования решил переговорить с Павлом немного позднее и без свидетелей.

Впрочем, одного из нас пришлось одеть по здешней моде. Герман Совиных, хорошо разбиравшийся в наших электронных девайсах, должен был с утра отправиться в город. Там он с помощью людей из здешней «конторы» – Тайной экспедиции – должен будет проследить за генералом Беннигсеном и, если повезет, посадить ему «жучка» на одежду. Германа нарядили в одежду мастерового, научили правильно надевать и снимать шапку и штаны. Первое нужно было при общении с «благородными», а второе – если приспичит справить большую или малую нужду. Странно будет, если сопровождавшие его люди станут рассупонивать портки Герману. Посторонние люди, увидев такое, могут их просто неправильно понять.

Совиных для связи снабдили радиостанцией, а для самообороны он прихватил электрошокер, взятый напрокат у запасливого Алексея Алексеевича. Удар током ошеломит «клиента» сильнее, чем удар ножом. Нож – штука привычная, а вот электроника в этом мире пока еще не распространена.

Как мы и предполагали, Беннигсен присутствовал на вахтпараде, но лишь в качестве зрителя. Он сумел, как ему показалось, незаметно перетолковать о чем-то с поручиком Преображенского полка Мариным и сунуть ему в руку какую-то бумажку. Мне стало интересно, что там написано...

На вахтпараде, при большом стечении народа, император сообщил свое судьбоносное решение. Он объявил, что с сей минуты его наследник не цесаревич Александр Павлович, а цесаревич Константин Павлович. Да-да, именно так все и было сказано! Толпа зашумела и загалдела. По здешним временам это была сенсация.

Мне, например, в отличие всезнающего Василия Васильевича, не было известно, что еще в октябре 1799 года Павел (в обход собственного же «Положения об императорской фамилии») пожаловал Константину Павловичу титул цесаревича, то есть наследника престола. Этим император хотел отметить храбрость и отвагу, проявленную Константином во время Итальянского и Швейцарского походов. А сейчас царь просто произвел рокировку, тем самым поломав все планы заговорщиков.

Ах, хитер Павел Петрович! Ловко это он придумал! Свое решение он объявил публично, и теперь даже если заговорщики все же смогут совершить задуманное, то вместо Александра им придется возводить на престол Константина. А он далеко не так покладист, как Александр – баловень бабушки Екатерины.

Беннигсен, так и не удосужившийся за время службы в России выучить русский язык, не сразу понял, что такое, взволновавшее всех присутствующих, сказал император. Он попытался выяснить это у стоявшего рядом гатчинского полковника, но тот, как на грех, оказался малороссом и мог лишь с грехом пополам объяснить с ним по-польски. Но Беннигсен «не разумел польску мову». Наконец, сжалившийся над Длинным Кассием какой-то штатский из числа придворных в расшитом золотом камзоле на неплохом французском растолковал генералу суть того, что только что объявил император.

Генерал вздрогнул. Он какое-то время стоял, словно библейский соляной столп, а потом осторожно выбрался из толпы и быстрым шагом направился в сторону Миллионной улицы. Я вспомнил, что в доме на этой знаменитой своими дворцами и особняками улице жил Валериан Зубов – «одноногий генерал» и брат Платона и Николая Зубовых. Этот роскошный особняк Валериану Зубову подарила в свое время Екатерина II. В наше же время в нем распола-

гался Комитет по физической культуре и спорту Петербурга. Пару раз мне приходилось в нем бывать, и мне запомнилась его парадная мраморная лестница и просторный зал с потолком, украшенным гипсовой лепниной.

Наши ребята в невзрачной кибитке, запряженной лохматой лошаденкой, последовали вслед за ганноверцем. Догадавшись, что тот направился к дому, в котором жили братья Зубовы, они обогнали Беннигсена и поехали по Миллионной в сторону Зимнего дворца. Миновав дом, в котором когда-то жил Густав Бирон – брат фаворита императрицы «престрашного зраку» Анны Иоанновны, – Герман и два его спутника вылезли из кибитки. Один из них держал в руках лубяной короб со свежеиспеченными калачами.

Как и было заранее договорено, Совиных и его напарник, Никита Горохов, отправились навстречу Беннигсену. Второй агент Тайной экспедиции, Григорий Зернов, взгромоздив на голову короб с калачами, неспешно шел за ними следом.

Ребята из «конторы» XIX века умели работать. Поравнявшись с генералом, Григорий сделал вид, что поскользнулся, уронил короб на землю, и калачи покатались под ноги Беннигсену. Тот отпрянул в сторону от неожиданности. Тем временем Герман и Никита, успевшие зайти за спину ганноверца, развернулись и бросились на помощь торговцу калачами, который с жалобными воплями опустил на колени и собирал в короб вываленный в снегу товар. Беннигсен, поначалу с подозрением смотревший на незадачливого простолюдина, видя его неподдельное огорчение, злорадно захохотал. А Герман тем временем успел незаметно приколоть булавку с радиомикрофоном к мундиру генерала, после чего вместе с Никитой стал помогать Григорию собирать калачи. Беннигсен, пробормотав что-то под нос по-немецки, подошел к двери особняка Зубова и постучал. Ему открыли, и он, оглядевшись по сторонам, быстро юркнул в парадную.

Герман проверил «жучок» и, убедившись, что тот вполне исправен и работоспособен, сел в возок и стал вести запись беседы Беннигсена с братьями Зубовыми. О благополучно завершённой операции Герман доложил мне по рации.

А я, дождавшись завершения вахтпарада и развода караула, приблизился к Павлу и поприветствовал его.

– Ну как вам, господин подполковник, понравилась выправка моих солдат? – поинтересовался император.

– Красиво, – кратко ответил я. – У нас тоже существуют подобные ритуалы. Но, государь, я бы хотел поговорить с вами о важных делах. Можете ли вы уделить мне полчаса?

– Я полностью в вашем распоряжении, – сказал Павел. – О чем пойдет разговор?

* * *

3 (15) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

Ай да Павел Петрович! Ай да хитрец, ай да ловкач! Как это он лихо все провернул – взял да и назвал своим наследником Константина, а Александра аккуратно задвинул в дальний угол, словно стул со сломанной ножкой. Я находился недалеко от царских сыновей и видел, что с ними творилось сразу после заявления императора. Константин сначала побледнел, а потом залился густым румянцем. Окружающие его вельможи тут же стали вокруг него в «позу ку». Руки, правда, они не растопыривали и на корточки не присаживались, но всеми принятыми здесь способами царедворцы поспешили выразить почтение цесаревичу № 2, который по велению своего августейшего отца в мгновение ока стал цесаревичем № 1.

А вот Александру явно поплохело. Он сблел с лица и едва не упал в обморок. Как я понял, этой ночью у него состоялся задушевный разговор с императором. Александр до послед-

него момента надеялся, что папа просто хочет его припугнуть. А тут раз-два – и в дамки! И куда теперь ему, бедному, податься? Хорошо, если разжалованного наследника просто отправят в один из загородных дворцов под Петербургом, где он будет скучать на лоне природы со своей нелюбимой женой Елизаветой Алексеевной и напропалую изменять ей с Марией Нарышкиной. А князь Адам Чарторыйский, в свою очередь, будет всеми доступными ему способами утешать великую княгиню, попутно украшая ветвистыми рогами своего лучшего друга и делая детишек, которых почему-то все считают чадами императорской фамилии. В общем, почти шведская семья. И никто их за это не осудит – на дворе был «галантный век», когда все приличные люди имели любовников или любовниц. Причем нередко сразу в нескольких экземплярах.

Смех смехом, но своим весьма хитроумным решением Павел создал немало проблем и нам. Дело в том, что до сих пор мы знали, что все в этом мире развивается по тому же варианту, что и в нашей истории. А теперь ход событий резко изменился, и мы можем лишь предполагать, что тот или иной персонаж собирается отмочить.

После окончания вахтпарада и развода караула я направился в сторону императора, который в этот момент о чем-то беседовал с цесаревичем Константином Павловичем. Тот горячо благодарил отца за решение, сделавшее его реальным претендентом на российский престол. Правда, особого восторга на круглом курносом лице Константина я не обнаружил. Видимо, он прекрасно понимал, что император из него будет никакой, и, вполне вероятно, история в скором будущем снова вернется в свое привычное русло. В конечном же итоге императором станет Николай, которому сейчас еще нет и пяти лет. Ну что ж, проживем – увидим... Если доживем...

Александр же уныло поплелся в Михайловский замок. Похоже, что он не смог сдержать слез – я заметил, как он несколько раз прикладывал к лицу носовой платок. Никто из обычно сопровождавших его лиц не последовал за ним. Что ж, *sic transit gloria mundi*, как говорили древние. Что в переводе с древней латыни на язык наших родных осин означает: «Так проходит слава мирская».

Павел тем временем закончил разговор с Константином, поцеловал его в лоб и перекрестил. Потом он увидел Игоря Михайлова и жестом подозвал его. Я решил дать им возможность пообщаться. Оглянувшись, заметил Алексея Иванова. Он стоял со своей дочкой и о чем-то увлеченно с ней беседовал. Я подошел к ним.

– Утро доброе, – поздоровался я, – как вам понравилась вся эта шагистика под флейту и барабан?

– Доброе утро, – ответил Алексей. – В общем-то, я не увидел ничего нового. Те же строевые занятия, только в форме XIX века. Тут ведь самое главное – не переборщить. Армия – это не только красивая форма на синхронно марширующих солдатах. Армия – это прежде всего люди, которые могут маневрировать на поле боя, стрелять, а если надо, и умирать там, где им прикажут.

– Не скажите, Алексей Алексеевич. Великий Суворов в свое время написал интересную книгу, именуемую «Полковым учреждением». В ней целый раздел посвящен строевой подготовке.

Я напряг память и процитировал:

– «Понеже праздность корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведет каждого к знанию его должности в ее совершенстве, ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для побеждения неприятеля необходимая нужда».

– А для чего все это нужно? – спросила Дарья, внимательно слушающая разговор мужчин. – Ведь, как я слышала, сам Александр Васильевич был ярим противником муштры и шагистики.

– Отнюдь, – ответил я. – Он считал, что для нижних чинов строевая подготовка необходима: «Чтобы солдаты имели на себе смелой и военной вид. Головы вниз не опускали, стояли станом прямо и всегда грудь вон, брюхо в себя, колени вытягивали и носки розно, а каблуки сомкнуты в прямоугольник держали, глядели бодро и осанисто, говорили со всякою особою и с вышним и нижним начальником смело, и когда он о чем спросит, чтобы громко отзывался, прямо голову держал, глядел в глаза, станом не шевелился, ногами не переступал, коленей не сгибал, и отучать весьма от подлого виду и речей крестьянских, и тако обуча как стоять во фронте».

– Bravo, Василий Васильевич, bravo! – воскликнул незаметно подошедший к нам император. – И кто же такие замечательные слова сказал?

– Это, ваше императорское величество, – ответил я, – взято из книги генералиссимуса и светлейшего князя Италийского графа Рымникского Александра Васильевича Суворова. Еще он написал книгу «Наука побеждать». В наших военных училищах ее среди прочих изучают будущие российские офицеры.

Услышав имя Суворова, которого он в результате происков ненавидевших полководца завистников несправедливо обидел, когда тот уже был болен и доживал свои последние дни, Павел насупился и покраснел. Ему явно неприятны были мои слова. В душе он чувствовал, что поступил тогда нехорошо в отношении прославленного военачальника, и теперь его мучила совесть.

– И что же такого поучительного написал князь Суворов в этой книге? – немного помолчав, спросил император.

– Вот что полагал генералиссимус Суворов произнести громогласно после окончания вахтпарада, – ответил я:

Субординация!

Послушание!

Дисциплина!

Обучение!

Ордер воинский!

Порядок воинский!

Чистота!

Опрятность!

Здоровье!

Бодрость!

Смелость!

Храбрость!

Экзерциция!

Победа и слава!

– Победа и слава! – повторил Павел. – Хорошо сказано. Как жаль, что князя уже нет в живых. Сейчас он очень бы нам пригодился. Скажите, Василий Васильевич, если бы Суворов был жив, не принял ли бы он участия в заговоре?

– Нет, государь, – ответил я, – заговорщики еще при жизни Александра Васильевича пытались склонить его против вашего величества. Вы знаете, что Суворов не всегда был согласен с некоторыми вашими решениями и даже позволял себе вышучивать их. Но когда один из заговорщиков прямо предложил ему выступить с боготворившими его войсками против вас, Суворов воскликнул: «Молчи, молчи – не могу. Кровь сограждан».

– Вот, значит, как все было, – задумчиво произнес император. – Василий Васильевич, спасибо вам за то, что вы мне сейчас рассказали. Поскорее бы покончить с этим заговором и заняться делами по успокоению умов моих подданных. Сегодня из своего имения в Петербург должен приехать граф Аракчеев. Я познакомлю вас с ним. Думаю, что его необходимо посвя-

тить в вашу тайну. Я верю ему и полагаю, что он не откроет ее другим. Приходите сегодня вечером в мой дворец. Там мы решим, что нам делать дальше.

* * *

3 (15) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

После окончания вахтпарада я попросил у императора разрешения переговорить с ним о некоторых насущных делах. А именно – об аресте и суде над заговорщиками. Как я понял, у Павла на этот счет было свое мнение. Он не хотел отправлять всех несостоявшихся цареубийц в Петропавловку. Многие из причастных к заговору имели влиятельную родню, и в планы царя не входило плодить новых врагов и недоброжелателей. С другой стороны, неумеренное милосердие тоже было неуместно. Ведь Павел простил в свое время того же Палена, братьев Зубовых и других главарей заговора. И что он получил от них в благодарность? Удар табакеркой по голове...

Тщетно император старался найти компромисс между суровостью и снисходительностью. А пока окончательное решение им еще не было принято, многие заговорщики поспешили покинуть Петербург и спрятаться от наказания в своих имениях.

Я посоветовал Павлу пока не трогать этих беглецов и заняться в первую голову теми, кто в данный момент находится в столице, и теми, кто принял самое активное участие в заговоре. Вот с ними цацкаться точно не стоит. Если человек сознательно решился на цареубийство, то никакого снисхождения он не заслуживает. Виселица для такого – вполне заслуженное наказание. Но император разделял стойкую неприязнь российских самодержцев, правивших после царицы Анны Иоанновны, к смертным казням. При Елизавете Петровне она вообще не применялась, а в царствование Екатерины II казнили лишь поручика Мировича за попытку освободить из Шлиссельбургской крепости несчастного царевица Иоанна Антоновича, и участников Пугачевского бунта.

Я предложил отправить в тюрьму на пожизненный срок главарей заговора – Палена, Беннигсена и братьев Зубовых (Валериан Зубов, как инвалид и человек, непосредственно не принимавший участия в цареубийстве, мог быть просто отправлен на покой в одно из своих имений). Прочих же разжаловать в рядовые и послать на войну – хотя бы в тот же Индийский поход – дабы кровью смыли свою вину. Ведь среди заговорщиков были люди храбрые и прекрасно показавшие себя в войне 1812 года – те же Милорадович и Тучков-третий. Но с каждым из них нужно провести предварительную беседу, чтобы эти люди поняли, чьим орудием они на самом деле стали, и к каким тяжким последствиям для державы могло бы привести убийство российского императора.

Эта идея Павлу понравилась. Он решил сразу после ареста верхушки заговорщиков послать фельдъегерей за остальными участниками заговора и приказать им явиться в Михайловский замок на приватную беседу, в ходе которой он и примет окончательное решение о дальнейшей судьбе каждого из них.

Пригласив меня вечером к себе, Павел откланялся и направился к Васильичу, который, стоя в сторонке, о чем-то оживленно беседовал с Алексеем Ивановым и его дочкой. Мне показалось, что последняя весьма заинтересовала Павла. Ну и хорошо, если это так – может быть, царь решит поухаживать за ней, и ему легче потом будет расстаться с Анной Лопухиной-Гагариной, нынешней фавориткой.

Честно говоря, девица сия мне весьма не нравилась. Нет, никаких особых грехов за ней не водилось, но Анна была довольно глупа и несдержанна на язык. Учитывая то, что подро-

ности о нашем появлении в этом мире и об информации, которой мы располагаем, могут дойти до людей, которым это знать не следует, лучше было бы, чтобы Павел расстался со своей фавориткой.

Надо будет потом откровенно поговорить с дочкой Алексея Иванова. Как мне показалось, девица сия умна и не робкого десятка. Да и внешне она симпатична. Во всяком случае, если судить о ней по нашим понятиям о красоте. Здешние мадемуазели бледны, томны и готовы, чуть что, сразу же хлопнуться в обморок.

Даша же не такая. Как рассказал мне ее отец, она умеет плавать под водой с аквалангом, совершила десятка два прыжков с парашютом и занималась какое-то время дельтапланизмом. Кроме того, она обучалась рукопашному бою и в случае чего сможет за себя постоять. Думаю, что на фоне томной и глупой, как овца, Аннушки Гагариной наша амазонка будет выглядеть намного более эффектно и привлекательно.

Занявшись делами несостоявшихся цареубийц, я совсем позабыл о наших медиках. Они старались не лезть на передний план и просто присматривались ко всему происходящему. Видимо, посоветовавшись, эскулапы решили как-то определиться в этом новом для них мире и в качестве делегата отправили ко мне своего старшего.

У входа в Кордегардию меня остановил высокий и плотный парень лет тридцати. Я знал, что его зовут Геннадием, и что он врач-реаниматолог. Кроме того, мне было известно, что в составе его экипажа имеется водитель – примерно мой ровесник. По нескольким произнесенным им словам, человек он бывалый, побывавший в «горячих точках» и знающий, почем фунт лиха. Девица же по имени Ольга не произвела на меня особого впечатления. Видно было лишь то, что она была в первый момент изрядно напугана всем происходящим.

– Товарищ подполковник, – обратился ко мне Геннадий, – вы тут варитесь в собственном соку, а о нас, бедных слугах Гиппократы, и позабыли. А ведь, случись чего, прибежите к нам и будете просить: «Доктор, голубчик, помогите...»

– Геннадий, – сказал я, – не знаю, как вас по отчеству. Вы извините меня, но тут такие события закрутились, что пришлось срочно решать самые неотложные дела, связанные с заговором против императора Павла I. Вы, наверное, помните, что в нашей истории он был убит в Михайловском замке, том самом, рядом с которым мы сейчас с вами стоим...

Кстати, вам не обязательно называть меня по званию. Я совсем не против, если вы будете называть меня просто по имени. И можно перейти на «ты»... На всякий случай скажу – меня зовут Игорь, отчество – Викторович, фамилия же – Михайлов. Я – старший группы «Град». Ехали в Лемболово на учения, а угодили... – я развел руками, показывая, что попали мы явно не туда, куда хотели.

– Принято, Игорь, – кивнул медик и пожал мне руку. – О вашей конторе я слышал, а вот так близко общаться ни с кем из нее не доводилось. Расскажу чуток о себе. До поступления в Первый медицинский послужил в армии. Правда, в отличие от Петровича – это наш водитель, Валерий Петрович Коновалов, – пороху понюхать не довелось. Тот поучаствовал во Второй Чечне, я же служил водителем БМП-3 в пехоте под Москвой. Только тут нет БМП, да и наши авто тоже скоро встанут. Ведь бензоколонок здесь еще нет, и в ближайшее время они не предвидятся.

– Понятно, Геннадий. Буду иметь в виду все сказанное тобой. Что же касается горючки для авто и для электрогенераторов, то ее следует побережь. У нас есть несколько зарядных устройств на солнечных батареях, но они годятся лишь для мобильных телефонов, раций, GPS-навигаторов, электронных книг, цифровых камер, планшетов и ноутбуков. А вот для более серьезной электроники они не подходят. У Алексея Алексеевича – до чего все же он запасливый мужик! – есть бензиновый электрогенератор. Но кончится этот самый бензин – и все, приплыли...

– Алексей Алексеевич – это мужик с грузовичка? У него еще собака такая черная, лохматая... – поинтересовался Геннадий. – Я по его внешнему виду сразу понял, что он еще тот жук. Запасливый, наверное, как наш ротный старшина. Надо будет свести его с моим Петровичем – пусть помозгут. Может, придумают чего интересное.

– Хорошо. А что за дама у вас на борту? Чего она умеет и чем может быть полезна?

– Это вы про Ольгу? Она человек самой мирной профессии. Фельдшер-акушер. Правда, может не только дамам на сносях помогать, но и помощь мне оказать, когда пациент начнет загибаться.

– Гм, фельдшер-акушер – это тоже неплохо. Многие дамы из здешнего высшего света отдали Богу душу во время родов из-за невежества и низкого профессионального уровня врачей. Думаю, что Ольга может сделать тут неплохую карьеру. Надо будет поговорить об этом с императором. Мы, кстати, идем сегодня вечером к нему. Я пошлю Павлу записку, попрошу его разрешения захватить тебя с собой.

– Буду рад познакомиться поближе с живым царем, – рассмеялся Геннадий. – Если меня пригласят, то не забудь, поставь меня в известность.

* * *

3 (15) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Джулиан Керриган, уже почти что русский

Небольшой кабинет в здании Манежа. Письменный стол без резьбы и каких-либо изысков, такой же стул, чуть более удобные сиденья для посетителей. Такие мне приходилось видеть в конторах некоторых арматоров²³, когда я сопровождал капитана брига, на котором я когда-то служил матросом. На столе – стопка бумаг, чернильница и перо, как у самого заурядного клерка. Немного странно выглядела лишь плоская черная коробочка, лежавшая на столе. А навстречу мне с улыбкой шагнул один из самых могущественных людей Российской империи, мистер Патрикеев.

Когда я устроился на работу на Адмиралтейской верфи, меня в порядке исключения захотел увидеть ее начальник. Нечасто люди из такого захолустья, как Североамериканские Соединенные Штаты, оказываются в Санкт-Петербурге. Он был со мной вежлив, но и резная мебель, и картины на стенах в золоченых рамах, и его подчеркнута высокомерное отношение заставили меня почувствовать себя человеком, которому оказана огромная милость.

А мистер Патрикеев (я все-таки сумел выучить его фамилию), увидев меня, встал, подошел ко мне и, улыбаясь, пожал мне руку, после чего усадил за небольшой столик, стоявший у окна, и предложил чаю. Представить себе такое у обыкновенного российского, английского, либо, что уж греха таить, американского государственного деятеля или даже чиновника было решительно невозможно. И лишь когда мы с ним закусывали сей напиток замечательными бубликами, он, поинтересовавшись моим настроением, расспросил меня о подробностях моей биографии и особенно о моем побеге с фрегата «Бланш» в Мемеле.

– Да, мистер Керриган, здорово вы тогда придумали. Знаете, для начала я намеревался отправить вас в Ревель для сбора информации о людях, замышляющих недоброе против нашей эскадры, зимующей в тамошнем порту. Но теперь я хотел бы поручить вам более сложное дело. Было бы замечательно, если бы вы вошли там в доверие к британским агентам и узнали бы какие-либо подробности об их планах на случай прибытия Нельсона. А в недалеком будущем вы могли бы нам помочь и в некоторых иных деликатных делах. Конечно, если вы согласитесь.

²³ *Арматор* – судовладелец; лицо, эксплуатирующее морское судно безотносительно к тому, принадлежит ли оно ему на праве собственности или нет.

– Для моей новой родины я готов на всё – если понадобится, я мог бы даже отправиться в Англию.

– Интересная мысль, конечно, но очень уж небезопасная для вас... Вы же понимаете, что достаточно кому-нибудь из ваших бывших сослуживцев узнать вас и заявить, что вы дезертировали с британского военного корабля, как вас немедленно, безо всяких судебных проволочек, тут же вздернут на ближайшем дереве...

– Я бы мог поехать туда под личиной коммерсанта из Данцига. Язык я знаю, а по-английски могу говорить с акцентом, – последние слова я произнес так, как это сделала бы мама, так и не выучившая до конца английский.

– Подумаем, – улыбнулся тот. – Вот только не так уж это все просто. Нужно будет поработать над вашей легендой.

– Легендой?

– Так называется ваше придуманное прошлое. Где вы родились, где жили, чем занимались. И, главное, почему вы отправились именно в Англию. Что вы коммерсант, не поверят – а вот если вы назовётесь порученцем такового, вряд ли у кого-нибудь возникнут сомнения.

– У мамино кузена фабрика в Цоппоте. Могу к нему съездить, познакомиться и разузнать про его бизнес. Ну и, может, напроситься в Англию продвигать его продукцию. Мама рассказывала, что он делает охотничьи ружья, пользующиеся успехом не только в немецких землях.

– Идея мне нравится. Надо будет ее обдумать хорошенько. Кроме того, возможно, нам потребуется человек в Америке. Знаю, что при президенте Адамсе англичане нередко заходили в американские порты в поиске своих дезертиров...

– И хватали в основном абсолютно посторонних людей, которые ранее никогда не служили под знаменами короля Георга, – горько усмехнулся я.

– Президент Адамс не желал войны с Англией, полагая, что она может кончиться катастрофой, – кивнул мистер Патрикеев. – Но у Англии сейчас проблемы в первую очередь в Европе. И новый президент Джефферсон пообещал прекратить в ближайшее время британский произвол. Тогда вы и сможете поехать туда под собственным именем. А заодно и расскажете про то, как вас захватили британцы.

– И прослыву героем, – хмыкнул я.

– Именно так. Но это все в будущем. А сейчас давайте обсудим то, что нужно будет сделать сейчас. Во-первых, вот письмо для вашего начальства на верфи, – и мистер Патрикеев протянул мне листок бумаги, на котором что-то было написано по-русски. Затем он открыл одно из отделений секретера, стоявшего у стены, и достал оттуда увесистый мешочек, в котором что-то позвякивало.

– А это вам задаток – ведь на нашей службе вы будете получать жалованье. Ваша новая работа опасна и трудна, а потому должна хорошо оплачиваться.

Я стоял с абсолютно обалдевшим выражением лица, а мой собеседник продолжил:

– На первое время вам этого должно хватить. Это именно ваше жалованье на ближайший месяц. А для каждой операции вы будете получать соответствующую сумму на расходы. Начиная с командировки в Ревель...

* * *

3 (15) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

На вечернюю встречу с императором мы, однако, отправились без нашего медика. Павел прислал ответ на мою записку, в которой говорилось, что он будет очень рад познакомиться

с врачом из будущего, но коль сегодня разговор пойдет о вещах серьезных, то лучше будет, если при сем будет присутствовать ограниченный круг лиц. Из чего мы пришли к выводу, что в Петербург прибыл граф Аракчеев, который уже имел приватный разговор с царем.

И мы не ошиблись. В личных покоях императора помимо Павла находился высокий худощавый мужчина, чуть сутуловатый, с мрачным выражением лица. На нем был генеральский мундир с орденом Иоанна Иерусалимского на груди. Я сразу же узнал в этом человеке Алексея Андреевича Аракчеева, генерал-инспектора артиллерии Русской армии. Именно таким он был изображен на известном портрете работы Джорджа Доу, висящем в Военной галерее 1812 года в Зимнем дворце.

– Вот, сударь, – сказал Павел Аракчееву, делая приглашающий жест в нашу сторону, – познакомься с людьми, ниспосланными Богом для спасения меня и нашего Отечества. Это ученый, знающий все тайны нашего времени, господин Патрикеев, – Павел указал на меня, – а это славный воин из будущего, подполковник Михайлов, – после этих слов Игорь кивком приветствовал Аракчеева.

– А господину Патрикееву действительно известны все наши тайны? – неприятным скрипучим голосом произнес Аракчеев. Похоже, что «преданный без лестии» был весьма недоволен тем, что у императора появились новые советники, на которых граф пока не имеет никакого влияния.

Я усмехнулся. Алексей Андреевич хочет меня проэкзаменовать? Что ж, посмотрим, как это у него получится.

– Да, граф, – ответил я. – Я знаю многое из вашего прошлого и будущего. Например, мне известно, где и как вы умрете. Но не будем о грустном. Тем более что вы почти мой земляк. Неподалеку от сельца Гарусова, где вы изволили появиться на свет, находится деревня, в которой у меня куплен небольшой домик. Летом я иногда там отдыхаю... извините, отдыхал – ловил рыбу, собирал грибы и ягоды. Все-таки красивые места в Вышневолоцком уезде.

Ваш батюшка, Андрей Андреевич, отставной поручик Преображенского полка, несмотря на бедность: двадцать крестьянских душ – это ведь совсем мало, – сумел дать вам начальное образование, а когда вы изъявили желание поступить в Инженерный и сухопутный шляхетский корпус, отправился вместе с вами в Петербург, дабы походатайствовать о вашем приеме на учебу.

Не буду рассказывать про все унижения, которые вам пришлось пережить за те страшные полгода, покуда вы с отцом безуспешно обивали пороги влиятельных лиц, пытаясь добиться от них благосклонного решения вопроса о вашей учебе. Напомню только о рубле серебром, который вам с отцом подал, словно милостыню, митрополит Гавриил. На них вы прожили десять дней, пока вас, наконец, не принял генерал Петр Иванович Мелиссино, сжалившийся над вами и велевший зачислить вас на учебу в Шляхетский корпус. Это было в июле 1783 года. Вы, граф, пошли с отцом в церковь, но у вас не осталось денег даже на то, чтобы поставить свечку, и вы благодарили Бога за милость Его одними земными поклонами...

Лицо у Аракчеева вытянулось. Он был явно напуган – ведь такие подробности его биографии, о которых граф предпочел забыть, известны были лишь ему. А император, внимательно слушавший мой рассказ, покачал головой и сочувственно взглянул на своего любимца.

– Да, господин Патрикеев, – произнес Аракчеев с некоторым подобострастием и уважением, – теперь я вижу, что вы человек необыкновенный и вам действительно доступно то, что известно немногим.

– Ну вот и отлично, граф, – кивнул Павел. – Тогда давайте поговорим о деле. Заговор, который в их истории закончился цареубийством, раскрыт. Предводители его арестованы. Остальные же находятся в смятении, и можно сказать, что теперь они уже не опасны...

– Извините, государь, – вмешался в разговор Игорь Михайлов, – но говорить о том, что заговор ликвидирован, а заговорщики не опасны, было бы преждевременно. Как нам удалось

установить, следы заговора ведут в Лондон. Именно там, в Лондоне, и было принято решение сменить вас на троне, чтобы снова сравнить Российскую империю с Францией Наполеона Бонапарта. И пока вы живы, государь, британцы не оставят вас в покое. Тем или иным способом они будут пытаться свергнуть вас с престола или убить.

– Ну, господин подполковник, я не из пугливых, – улыбнулся Павел. – Тем более, что вы, с помощью ваших чудесных механизмов и оружия не дадите им это сделать. А что касается попыток поссорить нас с французским «Цезарем»...

Император подошел к столу, и взял оттуда лист бумаги, на котором было что-то написано по-французски.

– Я набросал письмо Первому консулу Франции Наполеону Бонапарту, дав свое согласие на совместный поход русских и французских армий в Индию, захваченную британцами. Скажите, господин Патрикеев, в вашей истории такой поход состоялся и, если да, то, чем он закончился?

– Государь, после вашего убийства все приготовления к совместному походу были свернуты. Отряд донских казаков атамана Василия Орлова, численностью двадцать две с половиной тысячи сабель и при четырнадцати орудиях, достигший к тому времени Волги, вернули назад. В общем-то, это было правильное решение – поход не был подготовлен, и казаки вряд ли смогли бы добраться до Индии. К тому же из-за раннего вскрытия рек донцам часто приходилось менять маршрут, вследствие чего обозы отставали, и кони и люди оставались без продовольствия и фуража. Но британцы были напуганы насмерть самой мыслью о потере Индии.

А вот план, предложенный Наполеоном, вполне мог завершиться успешно. Ведь Бонапарт использовал записки французского маркиза де Сент-Жени, который еще в 1791 году обратился к императрице Екатерине с планом похода на Индию через Бухару и Кабул. Местом сосредоточения войск должен был стать Оренбург. По мнению маркиза, стоит появиться в пределах Индии армии, враждебной англичанам, как там вспыхнет восстание против захватчиков. Императрица с интересом отнеслась в идее де Сент-Жени. Правда, до реализации этого плана дело не дошло.

В данный же момент надо вернуть назад отряд Орлова, пока он еще не понес больших потерь от болезней. Нам же стоит вспомнить о другой опасности, которая подкралась к нам с Запада. В самое ближайшее время на Балтике может оказаться британский флот. Номинально им командует адмирал Паркер, но фактически руководит всем заместитель Паркера, адмирал Горацио Нельсон. Это очень опасный противник – смелый, напористый, талантливый и жестокий.

Нельсон хочет нейтрализовать Данию, пройти проливы, дожидаться, когда растают льды в восточной части Балтийского моря, после чего напасть на Ревель и Кронштадт. 12 марта – в день вашего убийства – королевский флот вышел в море из Грейт-Ярмута. А 2 апреля, после того как датчане откажутся выйти из Союза, заключенного Данией, Россией, Швецией и Пруссией, Нельсон нападет на датские корабли и плавучие батареи, защищающие Копенгаген. В нашей истории у стен датской столицы произошло ожесточенное сражение, в ходе которого обе стороны понесли большие потери. Нельсон сумел заставить датского принца-регента Фредерика выйти из Союза и пропустить британские корабли через проливы в Балтийское море. Потом, отремонтировав изрядно поврежденные датскими ядрами корабли, Нельсон направился к Ревелю...

– И наши моряки дали там достойный отпор этому зарвавшемуся наглецу? – спросил Павел.

– Нет, государь, – ответил я. – Новый русский император решил замирился с Британией, и Нельсон, выполняя приказ, поступивший из Лондона, постояв несколько дней на рейде Ревеля, отправился назад в Англию.

– Сейчас все будет совсем по-другому, – вступил в разговор Игорь Михайлов. – Вы, государь, слава богу, живы и капитулировать перед британцами не намерены. Адмирал Нельсон – человек упрямый, азартный и самоуверенный – наверняка нападет на Ревель. Надо дать ему отпор и постараться уничтожить как британские корабли, так и самого Нельсона...

– Да, но сможет ли наш флот это сделать? – задумчиво произнес Павел. – Британские моряки опытные и отважны. А адмирал Нельсон уже успел прославиться в сражении при Абукире.

– Для русских моряков нет ничего невозможного, – твердо сказал подполковник Михайлов. – Надо только достойно подготовиться к встрече врага. И эту подготовку следует начать прямо сейчас...

* * *

4 (16) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Баринев Николай Михайлович, РСЧС УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Пока мои коллеги занимались политическими вопросами и общались с царем и его приближенными, мы со своими ребятами активно искореняли крамолу. С помощью «жучка», который удалось закрепить на мундире генерала Беннигсена, нам удалось узнать много интересного. Ганноверец, заявившись в особняк братьев Зубовых, «обрадовал» «братьев-разбойников» сообщением о том, что лошадь, на которую они поставили, захромала и сошла с дистанции. То есть даже если им каким-то образом и удастся свергнуть с трона императора Павла, то его место займет не удобный для всех Александр Павлович, при котором будет «все как при бабушке», а его брат Константин Павлович. Зная его крутой нрав и вспыльчивость, вожди заговора прекрасно понимали, что новый русский император может стать «вторым изданием, дополненным и улучшенным» своего отца. И вполне вероятно, что заговорщики, почувствовав твердую руку Константина I, не раз вспомнят с умилением «доброе царя Павла Петровича».

Беннигсен попытался успокоить братьев, которые изрядно струхнули от полученных известий и уже решили было на всякий случай отъехать в свои имения, чтобы отсидеться там и выждать, чем все закончится. Длинный Кассий сказал им, что ему необходимо посоветоваться с другом из Лондона, который подскажет, как надо себя вести в сложившейся ситуации.

– Господа, еще не все потеряно, – стараясь придать своему голосу уверенность и бодрость, заявил Беннигсен. – В конце концов, вслед за батюшкой можно будет отправить в преисподнюю и его сына. И тогда на российский престол взойдет император Александр. То есть произойдет то, на что мы с вами рассчитывали. Разница лишь в том, что крови прольется чуть больше. Но нам ли, старым солдатам, бояться крови?!

Зубовы немного приободрились и стали лихорадочно прикидывать, кто из их общих друзей и единомышленников может принять участие в новом заговоре. Конечно, самая страшная потеря для заговорщиков – это арест генерала фон Палена. Другого такого организатора и идейного вдохновителя вряд ли удастся найти. К тому же граф слишком много знал. Николай Зубов сказал, что у него есть свои люди в Тайной экспедиции и он постарается сделать все, чтобы Пален скорострительно скончался в застенках Алексеевского рavelина, унеся с собой на тот свет все тайны заговорщиков.

Я взял это заявление Зубова на заметку и приказал от имени императора Павла (император дал мне право отдавать подобные приказы) главе «КГБ» императора Павла, тайному советнику Макарову, усилить охрану генерала Палена. А само наблюдение за арестантом я поручил поручику Бенкендорфу. Я знал, что Александр Христофорович всегда тщательно и скрупу-

лезно выполняет приказы начальства. Думаю, что после этого приказа он не спустит с Палена глаз и не допустит, чтобы столь ценный свидетель ушел от нас в «страну вечной охоты».

Главным же, что я сумел выяснить из разговора Беннигсена с братьями Зубовыми, было то, что они полны решимости добиваться своей цели – свергнуть императора Павла, и что у заговорщиков имеются зарубежные кураторы и финансисты. Генерал Беннигсен прямо заявил, что Лондон готов заплатить участникам заговора любые деньги в случае устранения русского царя, и обещал оказать им вооруженную поддержку.

– Как вы помните, господа, – сказал он, – из портов Британии в самое ближайшее время должна выйти мощная эскадра, состоящая из сотни боевых кораблей с морскими пехотинцами на борту. Командует эскадрой престарелый адмирал Паркер, а его заместителем и фактически руководителем всей экспедиции является герой сражения в устье Нила²⁴ адмирал Горацио Нельсон. Британцы настроены решительно – они собираются под угрозой начала боевых действий заставить страны, примкнувшие к России и объявившие вооруженный нейтралитет, отказаться от этого самого нейтралитета и перейти на сторону Британии. И будьте уверены – они этого добьются.

– Это было бы весьма своевременно! – воскликнул Платон Зубов. – Ведь разрыв с Англией наносит вред всей нашей заграничной торговле. Российское дворянство, которое получало доход от своих поместий, продавая за море хлеб, корабельный лес, сало, пеньку и лен, теперь не знает – куда все это девать. Потому-то дворянство и ненавидит Павла, подрывающего его благополучие... Безрассудный разрыв с Англией идет во вред всему дворянскому сословию.

– Полностью согласен с вами, – кивнул Беннигсен. – Разрыв торговых связей между Россией и Британией вреден и для английских промышленников и купцов. И потому они не пожалуют денег для того, чтобы восстановить то положение дел, которое существовало при императрице Екатерине.

Покинув особняк братьев Зубовых, Беннигсен отправился в сторону Адмиралтейства. Там он свернул на Галерную улицу и, прогулявшись по ней, внимательно огляделся, словно проверяя, нет ли за ним слежки, после чего нырнул в дверь одного дома. Похоже, что там жил тот самый куратор из Лондона, с которым генерал встречался в Летнем саду. За домом было тут же установлено усиленное наблюдение.

А пока в Михайловский замок стали прибывать по вызову императора офицеры, замешанные в заговоре. Всех их по одному провожали в библиотеку, где заговорщиков ждала встреча с Павлом.

Это было зрелище, достойное богов. Взор царя был строг и грозен. У большинства из заговорщиков – а многие из них уже успели отличиться в войнах, которые велись в царствование матушки Екатерины и нынешнего монарха – при виде грозного императора подкашивались ноги и начинал заплетаться язык. Павел же произносил речь в стиле Тараса Бульбы: «Ну что, сынку, помогли тебе твои британцы?» – после чего следовало полное раскаяние и просьба к царю простить неразумных чад своих.

Император не требовал у прощтрафившихся гвардейцев сообщить ему «пароли и явки», а по-отечески журил непутевых офицеров и обещал не лишать их живота, то есть не казнить лютой смертью. Однако их гнусные замыслы должны были быть наказаны, а посему виновным предлагалось на выбор – или быть разжалованными в солдаты и искупить вину кровью в бою с врагами империи, или отправиться в острог, где и пребывать до самой смерти под строжайшей охраной. Вполне естественно, что почти все офицеры выразили желание попасть в первый в России штрафбат.

²⁴ Так британцы называли сражение при Абукире.

Избежали такой душеспасительной беседы лишь самые отпетые заговорщики, вроде братьев Зубовых и гвардейцев Яшвиля, Скарятин, Татаринова и Бороздина, женатого на дочери Ольги Жеребцовой. Их отправили напрямик в Петропавловку. Туда же угодили и явные предатели – капитан Аргаматов, поручик Марин и еще несколько офицеров, которые, нарушив свой долг, оказали в нашей истории прямое содействие царубийцам.

Словом, к утру нынешнего дня основное ядро заговорщиков было обезврежено. При этом никто из них не оказал сопротивления – боевые офицеры покорно, словно нашкодившие дети, отдавали стражникам оружие и послушно садились в черные кареты с зарешеченными окнами, заменявшие в здешнем мире автозаки.

Вся информация о задержаниях поступала во что-то вроде штаба, который возглавил приехавший вчера из своего имения граф Аракчеев. Меня познакомили с ним. Надо сказать, что он не вызвал у меня явной неприязни.

Нормальный мужик, неразговорчивый, грубоватый, возможно, чересчур пунктуальный. Но с другой стороны, Аракчеев был весьма обстоятелен и отличался чудовищной работоспособностью. Он терпеливо перечитывал все донесения, поступившие от агентов Тайной экспедиции, анализировал их и делал какие-то выписки. Я теперь понял, почему в нашей истории Пален постарался изолировать Аракчеева и не допустить его в город накануне той роковой ночи. Будь тогда «преданный без лести» в Михайловском замке, Павел наверняка остался бы жив.

На приближающийся вечер было назначено очередное совещание в личных покоях императора. Это будет краткое подведение итогов и прикидка действий на ближайшее будущее. У нас есть несколько предложений на сей счет – посмотрим, как император их воспримет.

* * *

4 (16) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Чарльз Джон Кэри, 9-й виконт Фольклендский

Лизелотте была одета в безупречно выглаженное платье с накрахмаленным передником и держалась так, словно не она сегодня рано утром, уставшая после бессонной ночи любви и с опухшими от поцелуев губами, выпорхнула из моей кровати, не забыв, естественно, подхватить со столика приготовленную для нее стопку монет. Вела она себя очень даже строго и официально, что было неудивительно – сегодня сама фрау Бергер соизволила составить мне компанию за обедом.

– Зря вы проводите столько времени в кровати, герр Удольф, – пеняла мне уважаемая фрау. – Ведь в этом городе множество интересных и красивых мест. Конечно, все они построены немцами и итальянцами – эти русские неспособны что-либо создать сами, – но тем не менее здесь намного лучше, чем на моей родине. Например, знакомы ли вы с нашей Анненкирхе? Это здесь, на Кирочной. И бывали ли вы в Петрикирхе на Невском? Это самая старая наша церковь, построенная из дерева еще в 1730 году, под покровительством самого фельдмаршала Миниха. А вокруг нее живут немцы, а не русские. Поблизости есть вполне приличные заведения, где можно выпить хорошего пива и съесть замечательный швайнебротен²⁵ в пивном соусе!

– Я там бывал, совершая утренний променад, гнедиге фрау²⁶, – улыбнулся я. – Там и правда очень красиво! Не то что в тех районах, где живут русские.

²⁵ Запеченная свинина.

²⁶ *Gnädige Frau* – милостивая госпожа (нем.).

На самом же деле побывал я там не с целью прогулки, а для того, чтобы разведать местность. Сэр Уитворт рассказал мне, что в этом районе по ночам малолюдно, несмотря на то что он считается центром русской столицы. Торговцы и мастера обычно уже заканчивают свою работу, а добропорядочные обыватели предпочитают сидеть дома и готовиться ко сну.

После randevу с генералом Беннигсеном в Летнем саду я решил на всякий случай найти другое место для наших встреч, хотя втайне и надеялся, что больше не увижу эту самоуверенную германскую рожу. Что поделаешь, порой приходится иметь дело с пренеприятнейшими личностями. Но часто именно среди таких отбросов общества встречаются весьма полезные агенты. Надеюсь все же, что эта встреча с генералом будет последней.

– Да вы ешьте, ешьте, – захопотала фрау Бергер. – Я велела приготовить для вас настоящую *Welfenspeise*²⁷. Моя Лизе ее делает редко, но раз вы нас скоро покидаете, то я решила угостить вас на прощание именно этим блюдом.

Интересно, подумал я. Эта старая ведьма, наверное, думает так же, как Бенджамин Франклин: «Гости и рыба начинают попахивать на третий день». Помнится, я ничего не говорил этой фрау о том, что скоро уеду. Впрочем... Если все произойдет, как мы планировали, то уже через две недели меня здесь не будет. Но я лишь улыбнулся:

– Благодарю вас, гнедиге фрау. Надеюсь, что мне будет позволено погостить у вас еще несколько дней?

– Конечно, герр Удольф, – расплылась та в улыбке, но в ее глазах мелькнуло нечто, что явно не соответствовало выражению ее лица. – Кстати, вы слышали интересную новость? Ее только что рассказала моя соседка, фрау Энгельс. Оказывается, русский император назначил своего второго сына, цесаревича Константина, наследником престола.

У меня от этих слов перехватило дыхание, но я попытался сохранить невозмутимое выражение лица и лишь лениво произнес:

– Так у него же вроде есть старший сын? И именно ему, если что-то случится с русским монархом, следует по закону занять отцовский престол.

– Да, вы правы. Именно так и должно быть. Но почему-то царь решил сделать все не так, как должно быть у порядочных коронованных особ. Впрочем, нам, немцам, какая разница? Русские императоры по крови давно уже практически немцы. Эти русские дикари неспособны сами управлять своей огромной империей.

Надо было срочно действовать, но мне пришлось допить кофе с фрау Бергер и с сочувствием выслушать ее жалобы на ревматизм в правом колене, что, увы, вдохновило ее на длинную лекцию о том, как отвратителен климат в этом городе. Когда же она наконец ушла, я удалился к себе, достал конверт и нацарапал скверно очиненным пером на клочке бумаги: «Петрикирхе, 8 часов». Потом я написал на конверте латинскую букву «Б» и взял второй конверт. В него я вложил другой клочок бумаги, на котором нарисовал два крестика. Это означало: «Проследите, чтобы за нашим другом не было слежки».

Вернувшись в столовую, попросил Лизе, убиравшую посуду со стола:

– Не могла бы ты отнести эти конверты на набережную Мойки в синий дом, что недалеко от Невского, и передать их лично в руки минхеру Голдевайку? Запомни – только лично ему, и никому более!

Она с удивлением посмотрела на меня, но когда к ней в руку перекочевала пара монет, Лизе заулыбалась и кивнула:

– Конечно, герр Удольф. Вот только закончу уборку в столовой, и отправлюсь на Мойку.

Часов в пять вечера я надел теплый плащ и треугольную шляпу – ношение круглых шляп было запрещено русским царем – сунул за пояс пару пистолетов и отправился на Мойку, чтобы пройти мимо дома Голдевайка. Левая занавеска на его окне была наполовину задернута – зна-

²⁷ Знаменитый десерт из Ганновера. Состоит из сливок и безе, покрытых перетертыми яичными желтками с добавкой вина.

чит, Беннигсен успел там побывать и получил мое послание. Тогда я пошел на Невский, к Петрикирхе, где в одной из тамошних харчевен поел того самого швайнебротена, которому пела дифирамбы фрау Бергер. Было и правда вкусно, но я бы, сказать честно, предпочел бы наш британский ростбиф, по которому уже соскучился.

В половину восьмого всем гостям объявили, что гастштетте²⁸ скоро закроется. Поворчав для приличия, я оплатил счет, оставил не очень щедрые чаевые (иначе меня могли бы запомнить) и направился к Петрикирхе. Беннигсен, переминаясь с ноги на ногу, уже поджидал меня у главного входа в кирху.

– Виконт, как хорошо, что вы пришли! – обрадованно воскликнул он.

– Не называйте меня по титулу, я ж вас просил, – рассерженно прошипел я. – Вы погубите не только меня, но и себя. Итак, что у вас произошло? Если про нового наследника российского престола, то я об этом уже знаю.

– Арестовали генерала фон Палена!

А вот этого известия я не ожидал. Но несмотря на это весьма тревожное сообщение, я сказал как можно более спокойно:

– В чем же обвиняют этого уважаемого человека?

– Никто об этом ничего не знает. Но упаси бог, если он начнет рассказывать о заговоре. Тогда полетит столько голов... Надо найти того, кто информировал о нем царя. Ведь Павел до вчерашнего дня полностью верил фон Палену.

– Хорошо. Хотя, конечно, ничего хорошего в случившемся нет. Что вы предлагаете делать?

– Во-первых, мы постараемся сделать так, чтобы граф Пален скоростижно скончался в Петропавловской крепости. Именно там содержатся арестованные государственные преступники. Во-вторых, в ходе переворота следует прикончить не только императора Павла, но и его нового наследника – Константина. Причем сделать это нужно как можно скорее.

– Деньги, необходимые для подкупа русских вельмож и чиновников, вам будут выделены. Связь же держим так, как договаривались ранее. И помните, генерал, надо действовать быстро и решительно! Иначе всем нам несдобровать!

* * *

*4 (16) марта 1801 года. Санкт-Петербург. Михайловский дворец.
Дарья Иванова, русская амазонка из XXI века*

Пока наши мужчины готовились к грядущим схваткам с заговорщиками и врагами внешними, я решила с не меньшей пользой провести время в обществе младших членов императорской семьи.

Сразу после окончания вахтпарада и развода караулов, переговорив с отцом, Василием Васильичем и императором Павлом о пользе строевых занятий, я направилась было в Кордегардию, где у нас находилась своего рода штаб-квартира. Мне захотелось побыть немного одной и обдумать как следует некоторые моменты нашего бытия в XIX веке. Больше всего меня заботило усиленное внимание к моей скромной особе господина Павла Петровича Романова, то есть императора Павла I.

Я считаю себя вполне взрослой дамой и кое-что понимаю в жизни. Такие пламенные взоры, как он, бросают на представительниц прекрасной половины рода человеческого, к коим я принадлежу, мужчины, испытывающие к этим самым представительницам вполне определенные чувства.

²⁸ *Gaststätte* – ресторан (нем.).

Не знаю, с чего это вдруг царь так запал на меня. Но он явно ко мне неровно дышит. Нет, я не имею ничего против внимания ко мне мужчин. Скажу честно – это даже немного приятно. Но царская любовь... Как там у Грибоедова? «Минуй нас пуще всех печалей и царский гнев, и царская любовь». В оригинале у Александра Сергеевича, правда, говорится про барский гнев, но суть от этого не меняется.

Быть фавориткой императора – это, конечно, почетно и выгодно. Да и сам Павел, хотя и старше меня на четверть века, но внешне выглядит очень даже неплохо. Помнится, я читала где-то про императора, что он некрасив и худосочен. Это клевета – и лицо у него приятное (правда, курносый нос чуток его портит), и тело мускулистое и пропорционально сложенное. Впрочем, как говорится, на вкус и цвет...

Но я не собираюсь бросаться ему на шею. В конце концов, я свободная женщина и сама могу решить, кому ответить на взаимность, а кому – нет. Да и не хочется ссориться с его супругой – императрицей Марией Федоровной. Эта дама может нам создать немало проблем в будущем. К тому же мне ее чисто по-женски жалко. Только-только она избавилась от одной любовницы мужа – Аннушки Гагариной, как на горизонте уже замаячила следующая. Нет, с царем я буду держать себя на некотором расстоянии, не давая ему переступить некую черту. Так оно будет лучше.

Мои размышления прервал дворцовый лакей, который сообщил мне, что «их царское высочество великая княжна Екатерина Павловна ждет вас в Манеже, дабы преподать вам несколько уроков верховой езды». Смотри-ка ты, юная егоза не забыла о своем обещании! Что ж, не следует отказываться от предложения Екатерины, да и заодно неплохо бы научиться держаться в седле. Правда, дамы здесь сидят на коняшках как-то по-уродски, боком. Нормальная посадка – верхом – для женщин считается верхом неприличия, простите за невольный каламбур. Правда, я читала в воспоминаниях бабушки и тетки великой княжны Екатерины Алексеевны, что еще в бытность великой княжной и супругой цесаревича Петра Федоровича, она, весьма обожавшая верховую езду, выезжала из загородного дворца на конную прогулку сидя в седле по-женски. Отъехав же подальше, она перекидывала ногу через хребет своей лошадки, после чего пускалась вскачь, сидя в седле уже по-мужски. Большой хитрюгой была будущая императрица. Она и в политике многих обвела вокруг пальца.

Моя вчерашняя собеседница, великая княжна Екатерина Павловна, была одета в женский костюм для верховой езды. На ней был камзол чисто мужского покроя. Но он оказался растегнут спереди от шеи до подола нараспашку, так, чтобы был виден облегающий ее тело жилет. Застежка же была сделана на мужской манер – слева направо. Распахнутые полы являли взору широкую «стоячую» оборку, начинавшуюся примерно у середины юбки. Юбка же была свободной и доходила примерно до щиколотки. По подолу ее украшала широкая полоса кружева.

Волосы Екатерины скрывал парик – опять-таки как у мужчин. Шляпа – треуголка, надетая чуть набекрень, лихо сидела на голове юной девицы. На руках у нее были короткие с расстегнутыми перчатками для верховой езды. Что ж, с моей точки зрения, костюм красивый, но ужасно нефункциональный. Куда удобней для езды верхом джинсы, рубашка и куртка, и кеппи-бейсболка. То есть то, что в данный момент было надето на мне. Правда, окружающие слуги посматривали на меня осуждающе. Уж очень я выпадала из здешних правил приличия.

– Добрый день, Дарья Алексеевна, – приветствовала меня Екатерина. – Я помню наш уговор. Для вас я попросила приготовить смирного коня, на котором вы попробуете проехать пару кругов по Манежу. Правда, сейчас тут немного тесно – в центре Манежа стоят ваши самобеглые повозки. Но как мне кажется, они не должны вам мешать.

Угу... Мне лично наши авто не мешали, но конь гнедой масти, которого приготовили для меня, оказался не таким уж смирным. Видимо, его пугали незнакомые запахи и звуки, доносившиеся от машин. Он косил на меня глазом, похрапывал и нервно перебирал ногами.

«Вежливые люди» не обращали на нас никакого внимания. Похоже, что они решили сегодня устроить что-то вроде «паркового дня» и одновременно ревизию своих вещей. Водители подняли капоты и копались в двигателях, а остальные выволокли из «Тигров» оружие, снаряжение и боеприпасы, и, перебирая казенное имущество, что-то записывали в блокноты. Я бы тоже с удовольствием поковырялась вместе с ними в их снаряге (люблю я, грешным делом, оружие и прочие «мужские игрушки»), но было как-то неудобно оставлять одну великую княжну.

– Ваше императорское высочество, – обратилась я к Екатерине, – давайте займемся верховой ездой как-нибудь в другой раз. Лошадка ваша волнуется, и я боюсь, что мне не удастся справиться с ней. Будет не совсем удобно, если я брякнусь с седла при всем честном народе.

Не скажу, что моя идея пришлась по душе великой княжне, но она сумела скрыть свои чувства и приказала конюху увести слишком уж нервную лошадку. Чтобы как-то сгладить неловкую ситуацию, я предложила Екатерине показать ей свое умение пользоваться ножом. Выбрав укромное местечко, я прислонила к стене черенком вниз деревянную лопату, с помощью которой служители Манежа разгребали выпавший снег. Она должна была стать импровизированной мишенью. Потом, отойдя на десяток шагов, я выхватила из чехла нож и метнула его. Он воткнулся в центр лопаты.

Екатерина, внимательно наблюдавшая за моими манипуляциями, пришла в восторг. Она даже захлопала в ладоши.

– Дарья Алексеевна, как здорово это у вас получилось! Можно и мне попробовать кинуть ваш ножик?!

Я улыбнулась, подошла к лопате и выдернула из нее клинок. Потом постаралась объяснить девице, как правильно следует держать его в руке и как его бросать.

Великая княжна робко швырнула нож (по-моему, при этом она даже зажмурилась), и он, естественно, улетел «в молоко». Пришлось искать его минут пять с помощью фонарика.

– Есть женщины в русских селениях... Слона на скаку остановят и хобот ему оторвут... – раздался за моей спиной чей-то насмешливый голос.

Оказывается, за нашими экзерцициями издали с любопытством наблюдали несколько «градусников».

– А что вам, собственно, не нравится? – меня вдруг разобрала злость. – Может быть, человек первый раз взял в руки ножик, чтобы бросить его в цель! Вы сами-то что, появились на свет в бронеке с ножом в зубах? Хватит скалиться-то...

«Градусники» жизнерадостно заржали. Потом один из них подошел к красной от стыда Екатерине и спокойно начал объяснять ей, что и как надо сделать, чтобы нож попал точно в цель. Закусив губу, великая княжна послушно кивнула и попробовала еще раз метнуть нож. С пятой или шестой попытки ей удалось попасть в мишень.

– Ура! Получилось! – радостно закричала Екатерина. Опомнившись и поняв, что выглядит не совсем прилично, она вежливо поблагодарила «спеца», который провел с ней «мастер-класс».

Тот с улыбкой кивнул ей и пошел к своему «Тигру».

– Ваше императорское высочество, – осторожно сказала я, – полагаю, что вам не следует никому рассказывать о том, что здесь произошло. Думаю, что ваш батюшка и ваша матушка вряд ли вас похвалят, узнав о том, чему вас научили наши ребята.

Великая княжна со вздохом согласилась со мной, после чего неожиданно предложила зайти к ней в гости.

– Там сейчас только мои младшие братья и сестры, – сказала она. – Думаю, что им с вами будет интересно. Вы такая удивительная и загадочная...

Немного подумав, я согласилась. Прихватив с собой рацию, я вместе с великой княжной направилась в Михайловский замок...

* * *

4 (16) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

Сегодня я посетил арестованного генерала Палена, чтобы побеседовать с ним как с главой заговора. Вместе с Аракчеевым я отправился на другой берег Невы – в знаменитый Секретный дом Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Этой обители скорби в XXI веке уже нет, так как в 1884 году, по указу императора Александра III, тюрьма для государственных преступников из Петропавловской крепости была переведена в Шлиссельбург, а само здание снесено. Позднее канал, отделявший территорию рavelина от крепости, засыпали, а на месте тюрьмы построили дом, в котором разместился Военно-исторический архив. В советское время здесь находились редакция газеты ЛенВО «На страже Родины» и окружная типография.

О существовании Секретного дома многие в Петербурге знали, но мало кто его видел вживую – одноэтажное здание трудно было обнаружить, даже находясь в крепости или проплывая на лодке мимо ее стен. Единственный вход в Алексеевский рavelин – огромные Васильевские ворота, расположенные в западной стене – изнутри всегда был надежно заперт на огромный замок. Кроме того, стены рavelина отделял от крепости канал, идущий из Большой Невы в Кронверкский пролив. Через этот канал был переброшен небольшой деревянный мостик.

Лишь один раз в год жители Санкт-Петербурга могли краем глаза взглянуть на таинственную цареву тюрьму, да и то лишь с высоты крепостной стены. Происходило это в день Преполовения Господня²⁹, когда проводился традиционный крестный ход по стенам крепостных бастионов. Участники крестного хода с невольным страхом рассматривали таинственное здание, стоящее среди тихого и безлюдного двора. В нем в свое время содержалась таинственная узница, известная как княжна Тараканова. Кто она была на самом деле, историки спорят до сих пор. Она не погибла в казематах Петропавловки во время наводнения, как считают многие, видевшие знаменитую картину художника Флавицкого, а умерла от туберкулеза и была похоронена в безымянной могиле на территории Алексеевского рavelина.

Сам же Секретный дом представлял собой одноэтажное здание треугольной формы. До 1797 года оно было деревянным. Но в начале своего царствования император Павел Петрович издал указ о том, что «для содержащихся под стражею по делам, до Тайной экспедиции относящимся, изготовить дом с удобностью для содержания в крепости». И в Алексеевском рavelине возвели каменное здание на три десятка «посадочных мест».

Единственная дверь в эту русскую Бастилию находилась напротив Васильевских ворот и вела в приемную. От нее вправо и влево шли внутренние коридоры, которые в одном из углов прерывались квартирой смотрителя и кухней. Камеры Секретного дома Алексеевского рavelина предназначались для наиболее опасных государственных преступников: узников помещали сюда исключительно по приказу царя, и только по высочайшему указу их могли отсюда выпустить. Арестант, поступая в Секретный дом, терял свое имя и звание. Он значился по номеру камеры, в которой содержался. По прибытии его делалась запись: «Прибыла личность», а в случае смерти или перевода в другое место заключения в книгу учета записывали: «Убыла личность», без упоминания имени арестанта.

Окна «нумерованных покоев» выходили во двор рavelина. В каждой камере имелась изразцовая печь. Существовало несколько камер для тех, кого бы в наше время назвали VIP-арестантами. В их покоях стояла кровать с пуховыми перинами и подушками и со стегаными ситцевыми одеялами, кресла, мягкие стулья и ломберный столик, зеркало, кушетка. Большая

²⁹ Христианский праздник, отмечаемый на 25-й день после Пасхи.

же часть камер была обставлена проще: простой стол и стул, кровать с тюфяком из оленьей шерсти, суповая миска, глиняная ложка и бутылка, деревянные столовые приборы. Четыре нумерованные «дополнительные» камеры были самыми скромными.

В самой камере круглосуточно находился караульный солдат, дабы арестанты не совершили покушение на побег, или на «собственное погубление жизни». На каждую камеру назначались по три нижних чина, сменявших один другого для непрерывного наблюдения за заключенным в течение суток. Караульным строго-настрого запрещалось вступать с арестантами в какие-либо разговоры, чтобы не поддаваться «ни ласкательным просьбам, ни величавым угрозам». Даже во время прогулки никто не имел права видеть узника, кроме караульного. Трижды в сутки начальник караула лично обходил все занятые камеры. Службу здесь несли караульные из так называемого Сенатского полка, позднее преобразованного в Литовский полк. Эта воинская часть занималась в Российской империи делами, которыми в наше время выполняли комендантские службы – охраняла особо важные объекты и осуществляла перевозку секретной документации.

Караул, охранявший узников Секретного дома, подчинялся напрямую лишь начальнику Тайной экспедиции и военному губернатору Санкт-Петербурга. Власть коменданта Петропавловской крепости распространялась только до наружной охраны Алексеевского рavelина, а что происходило за стенами тюрьмы, было уже вне его компетенции. По иронии судьбы в одной из камер государевой тюрьмы сейчас находился этот самый генерал-губернатор, правда, бывший. Поэтому документ, дающий нам с Аракчевым право на свидание и на допрос генерала Палена был подписан лично императором.

У Васильевских ворот нас встретили флигель-адъютант Бенкендорф и начальник караула в чине поручика. Похоже, что он был из «гатчинцев», потому что, увидев Аракчева, поручик вытянулся в струнку и браво приветствовал Алексея Андреевича. Прочитав врученное ему предписание, поручик приказал караулу пропустить нас и сам проводил в Секретный дом, где в одной из камер содержался под строжайшей охраной фон Пален.

Генерал за несколько дней, проведенных в тюрьме, успел потерять свой обычный бодрый вид. Он даже немного осунулся, хотя, как мне было известно, кормили в Секретном доме вполне сносно, правда без особых изысков. Глаза бывшего канцлера Мальтийского ордена покраснели – видимо, он все это время плохо спал.

Аракчев, которому Пален не раз делал разные пакости, злорадно ухмыльнулся, увидев своего давнего недоброжелателя в столь незавидном положении.

– Добрый день, граф, – елеиным голосом приветствовал он арестанта. – Как поживаете, как ваше здоровье?

– Спасибо, господин Аракчев, – хмуро ответил Пален, – я здоров и пока жив. Вижу, что государь решил снять с вас опалу и дозволил вернуться в Петербург. Поздравляю вас и надеюсь, что вы больше ничем не прогневаете императора.

– Я благодарен государю за все, что он сделал для меня, – смиренно произнес Аракчев. – А вот вы, граф, проявили черную неблагодарность, создав комплот, и в обществе разных темных личностей решились свергнуть и убить вашего благодетеля. За что вы и будете подвергнуты строгому суду, после чего понесете заслуженное наказание.

– О чем это вы, Алексей Андреевич? – делано удивился Пален. – Все обвинения против меня – происки моих врагов. Я верный слуга государя и готов отдать жизнь за него!

– Сударь, зачем вы лжете? Ведь вас изобличили ваши же сообщники, которые раскаялись и подробно рассказали о том, как вы настраивали их против государя и предлагали принять участие в заговоре. Если будет надо, то вам предоставят возможность лично выслушать их показания.

Нас же больше интересуют ваши связи с агентами одной иностранной державы, которые, собственно, и организовали заговор. Вы можете облегчить свою участь, если чистосердечно расскажете о своих переговорах с посланником Британии господином Уитвортом.

– Помилуй бог, Алексей Андреевич! – Пален постарался изобразить на своем лице искреннее возмущение. – При чем здесь господин Уитворт?! Я ни о чем не договаривался с этим человеком. Хотя, как первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел, мне пришлось иметь с ним дело.

А что касается моей измены государю, посмотрите, граф, мой послужной список – я всю жизнь храбро, не щадя своей жизни, сражался под российскими знаменами и всегда был верным слугой императрицы Екатерины Великой и императора Павла Петровича. Меня оклеветали, и я требую строго наказать тех, кто обвиняет меня в преступлениях, которых я не совершал.

– Значит, граф, вы не желаете говорить правду? – Аракчеев недовольно покачал головой. – Очень жаль, что вы не воспользовались возможностью покаяться в своих грехах и тем самым спасти вашу душу. Василий Васильевич, расскажите господину Палену, почему всю оставшуюся жизнь в вашем времени ему будет внушать ужас именно ночь с 11 на 12 марта...

– В вашем времени... – пробормотал обескураженный Пален. – Василий Васильевич... Это один из тех людей, которые таинственно явились неизвестно откуда на своих странных самодвижущихся повозках? Значит, этот господин прибыл... Нет, этого не может быть!

– Может, генерал, очень даже может, – вступил в разговор я. – Потому-то нам хорошо известно, что произошло в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. А также какую роль сыграли лично вы во всем случившемся. Желаете услышать, как все было тогда?

Я достал из кармана детскую игрушку, которую взял со стола графа в его кабинете, поставил ее на ломберный столик и раскачал ее. «Кувыркин», он же «ванька-встанька», начал качаться из стороны в сторону. Пален с расширенными от ужаса глазами наблюдал за моими манипуляциями...

Аракчеев не мог скрыть улыбку, наблюдая за насмерть перепуганным Паленом. Граф сполна расплатился за то унижение, которое испытал, когда в результате происков человека, сейчас растерянно сидевшего перед ним, он был оклеветан перед государем и удален из столицы.

А я смотрел на Палена и думал: «Ради чего он решил возглавить заговор против императора? Только ли из-за того, что попал в опалу? Так длилась она недолго, а потом, по совету своего друга детства, вице-канцлера, графа Никиты Панина, Павел назначил его губернатором Санкт-Петербурга. Пален сумел понравиться царю своей деловой хваткой, и вскоре на него, как из рога изобилия, посыпались награды и чины. Он стал: начальником остзейских губерний, инспектором шести военных инспекций, великим канцлером Мальтийского ордена, главным директором почт Российской империи, членом совета и коллегии иностранных дел, и членом правления недавно созданной Российско-Американской компании. И как он только ухитрился справляться со всеми своими обязанностями?!

Казалось бы – что еще нужно человеку в жизни? У него было все, что только можно пожелать – хорошая семья, дети (у графа было пять сыновей и пять дочерей), богатство, почет, уважение и благосклонность императора. И все это он решил поставить на кон, зная, что в случае неудачи заговора может потерять все это и, вдобавок ко всему, свою седую голову. Может быть, он любил азарт и был тем, кого в наше время называют адреналиновыми наркоманами? Или он возжелал сам стать правителем огромного государства, отстранив от дел «властителя слабого и лукавого»?

Только ведь в нашей истории ничего у него из этого не вышло. Император Александр I уже через две недели после убийства Павла удалил Палена из Петербурга в его имение в Курляндии, где он и прожил безвылазно до самой смерти. При этом каждый год, в ночь с 11 на 12

марта, граф напивался до полной отключки, видимо опасаясь явления призрака того, кого он со своими сообщниками отправил на тот свет.

– Скажите, кто вы? – хрипло произнес граф, сумевший наконец взять себя в руки. – И почему вы говорите обо всем так, словно знаете наперед, что должно случиться?

– Потому, граф, что для меня ваше будущее – это мое прошлое. Да-да, именно так, вы меня правильно поняли. Я пришел в этот мир из будущего. Произошло это, скорее всего, потому, что Господь решил исправить несправедливость, допущенную в отношении императора Павла I, и не допустить пролития невинной крови.

Тут я перекрестился, и вслед за мной то же самое сделал Аракчеев.

– Не может быть... – дрожащим голосом произнес Пален.

На узника Секретного дома было страшно смотреть. Он словно постарел лет на десять, лицо его стало бледным, а на лбу выступили капельки пота.

– Скажите, господин из будущего, или из преисподней – что, собственно, одно и то же, – я буду проклят на веки вечные? Но я же просто хотел избавить людей от обезумевшего тирана...

– Ну конечно, вы действовали исключительно в интересах общества, – я усмехнулся, – все убийцы и предатели во все времена ищут какие-нибудь смягчающие их вину обстоятельства. В этом отношении граф Пален совсем не оригинален. Ведь Иудой Искариотом, возможно, тоже двигали самые лучшие побуждения.

– Граф, я еще раз предлагаю облегчить вашу душу и рассказать о тех иностранцах, которые организовали и профинансировали ваш заговор.

Пален задумался. Он молча переводил взгляд то на меня, то на Аракчеева, словно соображая, признаваться ли ему во всех своих грехах, или снова уйти в полную неосознанку. Наконец, видимо приняв окончательное решение, он вздохнул и произнес:

– Будь проклят тот, кто втравил меня в эту авантюру. Это я о графе Панине, который написал мне то роковое письмо, предложив встретиться с ним, чтобы обсудить какие-то важные дела. Я согласился на встречу – ведь в то время император отставил меня от службы. И хотя я мог наконец удалиться в свое имение, чтобы отдохнуть там после тридцати шести лет безупречной службы в Российской армии, мне все же не хотелось менять генеральский мундир на теплый халат, а армейские сапоги на домашние тапочки.

Этот змей-искуситель при встрече завел со мной разговор о том, что Россия стонет под иггом коронованного деспота, а самые заслуженные и уважаемые люди империи вынуждены покорно склоняться перед императором, который явно тронулся умом. Он намекнул мне, что политикой государя недовольны не только в России, но и за рубежом. Правда, граф Панин не желал смерти друга детства, а предлагал просто устранить царя от власти, а вместо него назначить регентом цесаревича Александра. Знаете, как все это произошло в Британии, где вместо душевнобольного короля Георга III фактически правил его сын, принц Уэльский.

– Это Панину подсказали его британские друзья? – поинтересовался Аракчеев. – Я почему-то не сомневался, что без английских советчиков тут не обошлось...

– Вы правы, английский посланник сэр Уитворт подсказал нам, как лучше устранить от власти императора. Но он предпочитал иметь дело с братьями Зубовыми, у которых были большие связи среди придворных и офицеров гвардии. Я же должен был, не вызывая подозрений, втереться в доверие к государю, а самое главное – уговорить цесаревича Александра примкнуть к заговору или, по крайней мере, не препятствовать нашим планам.

– И что, цесаревич сразу согласился?! – воскликнул Аракчеев.

Пален ухмыльнулся.

– Он знал о заговоре – и в то же время не хотел ничего о нем знать. Мне даже пришлось распусть слух о том, что, дескать, государь, разочаровавшись в старшем сыне, решил сделать своим наследником племянника императрицы, герцога Евгения Вюртембергского. Действительно, хорошо воспитанный и умный молодой человек пришелся по нраву государю. Тот

стал оказывать юному герцогу благосклонные знаки, на которые я и обратил внимание цесаревича. Тот поверил мне и заявил, что не будет против отстранения отца от власти.

– Вы понимаете, граф, что, признаваясь сейчас в своих злодеяниях, вы подписываете себе смертный приговор? – спросил я. – Ведь за заговор против священной особы государя возможно лишь одно наказание...

– Я уже и так погубил свою душу, – вздохнул Пален. – Ну, а тело... Оно и без того смертно. Я могу лишь просить государя не вешать меня, как какого-нибудь разбойника с большой дороги, а подвергнуть расстрелянию – я сражался под русскими знаменами и заслужил некоторое снисхождение. А ведь я могу отказаться от своих слов, – вдруг усмехнулся Пален. – Кто их подтвердит? Вы же не записываете все сказанное мною, следовательно, нашу беседу нельзя назвать допросом.

– Вы не правы, – сказал я, доставая из кармана диктофон. – У нас есть прибор, который записывает все произнесенное вслух с помощью особого устройства, – я указал на приколотый к лацкану моего сюртука миниатюрный микрофон. – А потом можно воспроизвести все записанное.

И я нажал на кнопку воспроизведения.

«Кто их подтвердит? Вы же не записываете все сказанное мною, следовательно, нашу беседу нельзя назвать допросом». Пален и Аракчеев вздрогнули от неожиданности, когда в камере раздалось слово, произнесенное несколько минут назад.

– Все слова, сказанные вами, – я посмотрел в испуганные глаза Палена, – вскоре услышит государь. Думаю, что он по достоинству оценит их.

– Будьте вы прокляты! – воскликнул Пален. – Вы пришли не из будущего, вы пришли из ада! Ничего я вам больше не скажу! Оставьте меня в покое и дайте спокойно умереть!

– А вот этого, граф, я вам не могу обещать. Мы еще зайдем к вам после того, как все заговорщики будет пойманы. А пока подумайте – может быть, светлые мысли посетят вашу голову.

Я и Аракчеев покинули Секретный дом. Во дворе Алексеевского рavelина нас терпеливо ждал поручик Бенкендорф.

– Александр Христофорович, я хочу вас предупредить, – сказал я, – не спускайте глаз с графа Палена. Он может наложить на себя руки, напасть на конвоиров – словом, совершить любые, самые дикие поступки. И еще – вполне возможно, что его сообщники, оставшиеся на воле, попытаются убить графа, чтобы он не рассказал нам то, что они страстно желали бы навсегда похоронить вместе с ним. Тщательно проверяйте еду, которую подают арестанту, не принимайте никаких гостинцев с воли – словом, будьте бдительны.

– Все будет исполнено, господин Патрикеев, – поручик браво козырнул мне, показывая, что служба и порядок для него прежде всего.

Заскрипели створки Васильевских ворот. Мы с Аракчеевым вышли из рavelина и, не сговариваясь, вздохнули с облегчением, покинув это мрачное место.

* * *

5 (17) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Джулиан Керриган, при деньгах

– А почему, уважаемый, мой медальон выставлен на продажу? – строго спросил я приказчика ломбарда по-немецки. – Вот, прошу взглянуть, это ваша выписка, и на ней значится, что все выплаты по процентам произведены полностью и в срок.

– Но вы же все равно не сумеете его выкупить, – гнусавым голосом ответил клерк. – Вам же лучше будет. Если мы продадим ваш заклад, то вы получите гораздо больше указанной

в квитанции суммы. У меня уже есть покупатель на этот медальон, который обещал прийти завтра утром. Он готов заплатить за него целых пять рублей.

– Ну уж нет! – возмутился я. – Вот вам ваши три рубля, и прошу немедленно вернуть мне медальон.

Я протянул этому скряге три серебряных монеты, на которых был изображена в центре римская цифра «I», а вокруг нее монограмма из четырех букв «П», соединенных своими основаниями в крест. Над каждой буквой располагалась императорская корона.

Клерк со вздохом взял мои деньги, зачем-то взвесил их на ладони, потом, подозрительно покосившись на меня, приоткрыл сундучок, окованный по углам бронзовыми полосами, и быстро ссыпал туда монеты. Он что-то записал в амбарную книгу, отпер витрину и выдал мне самую ценную мою вещь. Ценную не потому, что сделан медальон был из золота, и весьма искусно.

Для меня он был единственной вещью, оставшейся от любимого мною отца. Если открыть крышку медальона, то можно увидеть миниатюрный портрет бабушки – папиной мамы – в молодости. Я помнил ее уже пожилой располневшей дамой, которая очень любила родного внука и все время для меня готовила разные вкусности. А на портрете она была изображена еще молодой писаной красавицей с пышными рыжими волосами и изумрудно-зелеными глазами.

Мои новые друзья торжественно объявили мне, что с сегодняшнего дня я числюсь у них на службе, и выдали мне авансом целых десять рублей серебром, а также письмо для моего начальства на Адмиралтейской верфи. Когда я объявил, что хочу временно прекратить работу, сарваер³⁰ был весьма этим недоволен. Но когда он увидел письмо, а точнее, заметил, кем оно подписано – я, кстати, до сих пор не знаю, кто это был, – отношение волшебным образом переменялось. Я даже получил заверения в том, что меня в любой момент возьмут снова на работу, если мне вдруг захочется туда вернуться.

В ломбард я успел попасть буквально за десять минут до того, как его собирались закрыть. Очень хорошо, что я все-таки успел, ведь иначе я бы никогда больше не увидел последнюю вещицу, напоминавшую мне о моем детстве.

Сухо распрошавшись с клерком, я остановил проходившего мимо сбитенщика, купил у него за полкопейки стакан горячего медового сбитня, выпил этот полюбившийся мне русский напиток и отправился домой.

Путь мой пролегал по набережной, идущей вдоль чудесной ограды Летнего сада. Уже начало темнеть, и было достаточно промозгло, но, как оказалось, я оказался не единственным любителем пеших прогулок.

– Плохо дело, виконт, – неожиданно услышал я уже знакомый мне голос. Язык был английским, но ганноверский акцент и тембр голоса принадлежали, несомненно, тому самому человеку, чей портрет мне показывали русские. Как его звали, я не знал – имени его они мне не назвали.

Я замер. Было уже довольно темно, с неба сыпал мелкий противный снег пополам с дождем, под ногами хлюпало. В вечерних сумерках люди, ведущие беседу, меня вряд ли могли увидеть. А вот мне было слышно их хорошо.

– Генерал, – брезгливо произнес тот, кого его собеседник назвал виконтом, – когда первый заговор закончился полным крахом, вы пообещали, что ваш новый комплот окажется удачней старого. А теперь вы мне говорите, что практически все участники заговора куда-то исчезли, и вы не знаете, куда именно.

– Совершенно верно, виконт.

³⁰ *Sarvaer* – от английского surveyor, инспектор. Чин и должность VI класса в Табели о рангах в русском флоте в XVIII веке. В обязанности сарваера входило наблюдение за строительством кораблей, состоянием верфей и судов действующего флота. Чин сарваера приравнивался к чину капитана 1-го ранга во флоте и чину полковника в армии.

– Вы понимаете, что за вами могут следить? Ведь те, кто сейчас находится в Петропавловской крепости, вряд ли будут молчать. Бьюсь об заклад, что многие из них расскажут на допросе все, что им известно о заговоре.

– За мной не следят. Когда я шел на встречу с вами, то постоянно смотрел по сторонам, но никого похожего на сыщика не обнаружил.

– Тогда почему вы все еще на свободе? И почему вы, вместо того чтобы передать мне информацию через моего агента, настояли на личной встрече?

Было холодно, мои башмаки отсырели (я так и не удосужился отдать их вовремя в ремонт), и, чтобы хоть немного согреться, я переступил с ноги на ногу. Похоже, что до беседовавших донеслось чавканье подтаявшего снега под моими ногами. Я услышал ругательство, произнесенное по-английски, а потом грохнул выстрел, и по моему плечу словно ударили палкой. Следом раздался второй выстрел, кто-то застонал, а затем я услышал шум упавшего тела. Кто-то снова выругался по-английски, а потом до меня донеслись шаги бегущего человека, удалявшиеся в сторону Арсенала.

Я почувствовал, что мой рукав у плеча и левый бок камзола намок от крови, став теплым и тяжелым. Пошевелив рукой, я убедился, что она действует. И хотя в глазах у меня потемнело, а в ушах раздался звон колокольчиков, я, преодолевая слабость, подошел к лежавшему на булыжнике человеку и опустился рядом с ним на колени. Он был мертв – во всяком случае, я не услышал его дыхания, а поза, в которой он лежал, была не характерна для живого человека. Я попытался встать, но не смог. Тошнота вдруг подкатила к моему горлу, и я свалился рядом с убитым. Последнее, что мне удалось услышать перед тем, как я потерял сознание, были сказанные по-русски слова: «Командир, здесь, похоже, два двухсотых»...

* * *

5 (17) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Чарльз Джон Кэри, 9-й виконт Фольклендский

Все началось сегодня за завтраком. Фрау Бергер опять удостоила меня своим визитом и рассказала, что какие-то заговорщики решили убить русского императора Павла, и что многие из них – весьма приличные и знатные люди – уже арестованы.

Когда она ушла и Лизелотте пришла, чтобы убрать за нами со стола, я встал перед той на колени и с ходу предложил руку и сердце.

– Герр Удольф, но я же простая горничная! – воскликнула изумленная девица.

– Лизелотте, если вы согласитесь стать моей женой, то сделаете меня самым счастливым мужчиной на свете! – я постарался сохранить на лице лучезарную улыбку, хотя на душе у меня было противно – мне, виконту, приходится стоять на коленях перед какой-то там служанкой.

Но она не почувствовала подвоха с моей стороны, кокетливо улыбнулась и проворковала:

– Герр Удольф, я согласна! А венчаться мы будем здесь, в кирхе святой Анны! Это совсем рядом.

– Конечно, милая, – спектакль был окончен, и пора опускать занавес. – А пока сбегай к минхеру Голдевайку. И только если увидишь на его окне полузадернутую занавеску – полузадернутую именно с правой стороны – зайди к нему и отдай вот этот конверт. Он тебе передаст другой, с ним и возвращайся ко мне.

– Хорошо, герр Удольф! – послушно кивнула Лизелотте.

Через час она вернулась. В конверте лежала записка, в которой говорилось о том, что мой немецкий друг будет сегодня вечером в шесть часов в месте, которое я указал в своей записке – на набережной у Летнего сада. Мне нужно было разузнать, что же все-таки произошло, а

затем убить его – он был единственным человеком в Петербурге, который знал мою настоящую фамилию, титул и мою роль в заговоре.

На мгновение у меня проскользнула мысль – заодно убрать и Голдевайка. Но подумав, я решил отказаться от этой затеи. Ведь он знает про меня слишком мало. Кроме того, даже если русские и выйдут на него, то единственной ниточкой, которая сможет привести их ко мне, является Лизе. А о ней я уж сам как-нибудь позабочусь.

Не спеша я собрал походную сумку, сложив в нее все, что имело хоть какую-нибудь ценность. Одежду брать не стал – все необходимое можно будет купить и в Швеции. Затем я посмотрел на Лизе и сказал:

– Лизхен, с этой сумкой подойди к Смольному монастырю в половину восьмого вечера. Будешь ждать меня у входа в собор. И собери все самое необходимое для себя. Нам придется на время покинуть Россию.

– А как же венчание? – девица была весьма удивлена и явно разочарована моими словами.

– Мы обвенчаемся с тобой в Швеции. И еще. Напиши записку фрау Бергер и сообщи ей, что ты и я срочно отбываем в Варшаву. Лично ей ничего не говори.

– Хорошо, герр Удольф!

Я оделся потеплее, зарядил два небольших пистолета и сунул их за пояс. Потом подумал и положил в карман сюртука скин ду – небольшой шотландский кинжал. Вообще-то его принято у нас носить за подвязкой гольфа на правой ноге, но я сейчас находился в дикой Московии, а не в заросших вереском горах и долинах моей родной Каледонии.

Оружие должно мне пригодиться, если встреча с генералом Беннигсеном станет для меня небезопасной. Мне все время казалось, что я забыл нечто весьма важное. Но только увидев своего конфиденанта я понял, где и в чем совершил ошибку – если Беннигсен на свободе, то велика вероятность того, что он либо предатель, либо за ним следят. И когда я краем глаза заметил какое-то движение у ограды Летнего сада футак в шестидесяти от нас, то, не задумываясь, выхватил пистолет и выстрелил в мелькнувшую в полумраке тень. Беннигсен изумленно уставился на меня. Потом, видимо, что-то до него дошло, и он зашарил у себя на поясе, пытаясь достать пистолет. Но я успел раньше и из второго пистолета выстрелил в грудь генералу. Длинный Кассий еще дергался в предсмертной агонии, а я уже со всех ног удираю с этого проклятого места.

Однако за мной никто не гнался. Пробежав с четверть мили, я перешел на шаг. Похоже, что первый выстрел тоже оказался удачным, и я каким-то чудом подстрелил того самого незнакомца – то ли сообщника Беннигсена, то ли русского сыщика. Быстрым шагом я направился к месту randevу с Лизелотте.

– Спасибо, Лизе! – сказал я, увидев в свете выглянувшей из-за туч луны фигуру своей «невесты», терпеливо ожидавшей меня в условленном месте. Забрав у нее сумки, я направился к ожидавшему меня крытому возку. На месте кучера сидел старый финн, который за большие деньги взялся доставить меня до границы Швеции с Россией. Она проходила северо-западнее Выборга. Пекко – так звали финна – обещал довести нас по тайным лесным дорогам туда, где нам уже не будут страшны агенты Тайной экспедиции. На всякий случай я предупредил Пекко, что если он сдаст нас русским, то его семье, живущей в Петербурге, несдобровать.

– Не беспокойся, господин, – кивнул своей лохматой головой Пекко, – я никогда никого не обманывал. Ну, если только жену, да и то всего лишь пару раз.

И этот дикарь неожиданно расхохотался, показав мне ослепительно белые зубы. Потом он помог нам надеть теплые медвежьи шубы, усадил в возок, громко крикнул и взмахнул кнутом. Маленькие лохматые лошадки резво побежали по льду Невы.

Постепенно жилые постройки закончились, и накатанная дорога зазмеилась по густому еловому лесу. Время от времени нам попадались по пути небольшие финские деревушки. Где-

то через два-три часа езды мы остановились у одинокой избушки, затерянной в лесу. Пекко пригласил нас войти в нее, а сам распряг лошадей, завел их в сарай, повесил им на морды торбы с овсом, а потом закрыл ворота. Похоже, что здесь водились волки.

Закончив все дела с лошадьми, он занялся нами. Пекко растопил печь и стал готовить ужин. Вскоре в домике стало так тепло, что мы сбросили с себя шубы и уселись на широкие лавки у печки.

Мы наскоро поели подогретого в глиняном горшочке мяса, запили его горячим чаем с медом. Потом Пекко бросил на лавку шубу, лег на нее, и через пару минут мы услышали его богатырский храм. Мы же с Лизе забрались на теплую печь. Бедная девушка крепко прижалась ко мне и вскоре заснула, чему-то улыбаясь во сне.

«Жалко ее, – подумал я, – но ничего не поделаешь. Ведь минхер Голдевайк ее видел, и не один раз. Хорошо было бы прикончить и самого минхеера, но времени и так не хватало. Конечно, можно было и не опасаться этой смазливой девицы – ведь даже если русские и найдут Лизе, то что она сможет им рассказать?»

Но мне не хотелось, чтобы ниточка от нее вела в дом Бергеров. Ведь герр Бергер – человек сэра Уитворта. И потому Лизе осталось жить всего ничего – завтра я закопаю ее труп в глубоком сугробе в дремучем лесу, где если его и найдут, то это будет очень и очень нескоро.

* * *

5 (17) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Баринов Николай Михайлович, РСН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Совещание в Михайловском замке, запланированное на предыдущий вечер, так и не состоялось. Императора скрутил жесточайший приступ хронического гастрита. Этой болезнью Павел страдал с детства. Вчера часов в шесть вечера к нам из Михайловского замка пришел камер-лакей и принес записку от царя, в которой тот извинялся и просил перенести нашу встречу на сегодняшний вечер.

Так что сегодня с утра мы приступили ко второй части марлезонского балета – аресту заговорщиков. Начать было решено с братьев Зубовых. Как сообщили агенты Тайной экспедиции, наблюдавшие за особняком на Миллионной, все трое Зубовых безвылазно находились в нем. Время от времени к ним заезжали офицеры гвардейских полков. Одни, не пробыв в гостях и получаса, выскакивали на улицу словно ошпаренные и на третьей скорости пускались наутек, словно за ними гнался сам дьявол. Другие задерживались в особняке допоздна и выходили оттуда изрядно навеселе.

Для проведения операции я взял с собой четверых бойцов. Для массовки мы задействовали также с десяток солдат из Сенатского полка, выбрав из них ребят покрепче и помышленей. Но в задержании решено было их не использовать – лишние жертвы нам совершенно ни к чему. Да и не были Зубовы похожи на отмороженных боевиков ИГИЛ³¹, которые редко сдавались в плен и отстреливались до последней возможности.

Перед началом операции мы провели разведку объекта и инструктаж участников. Слава богу, в особняке братьев Зубовых не было собак. Уж очень мне не хотелось убивать ни в чем не повинных зверушек. Количество же слуг и гостей в особняке мы подсчитали с довольно большой точностью. Их оказалось на данный момент чуть больше двух десятков. Слуг, дворников, конюхов и прочих лиц из числа обслуживающего персонала можно не брать в расчет – они вряд ли станут вмешиваться в «барские дела» или окажут активное сопротивление слугам

³¹ Организация, запрещенная в Российской Федерации.

государевым. А с самими братьями и их гостями мы справимся. Павел, недовольный тем, что люди, которых он уже раз простил и позволил им вернуться в столицу, отплатили ему за это черной неблагодарностью, и позволил нам не жалеть их и поступать так, как мы сочтем нужным. О чем я и проинструктировал своих бойцов.

Экипировавшись по всей форме и вооружившись нашими фирменными приборамбасами, мы выехали к особняку братьев Зубовых не на своих «Тиграх», а на трех черных каретах, запряженных четверками лошадей. Не стоило привлекать к себе излишнее внимание, ведь внезапность – это тоже наше оружие.

Само же задержание прошло на удивление буднично и почти бескровно. Бричеры с помощью тарана довольно легко вынесли входную дверь особняка. Потом мы вихрем пронеслись по широкой мраморной лестнице мимо перепуганных насмерть слуг, шарахнувшихся от жутких личностей в черных балаклавах на лице, и ворвались в столовую, где сидели братья и четверо их гостей – офицеров лейб-гвардии Семеновского полка.

Мы не стали орать «Работает спецназ ФСБ!» – все равно никто в этом мире не понял бы, о чем идет речь. Алан – в миру капитан Казбек Бутаев – открыл дверь и бросил в комнату с заговорщиками свето-шумовую гранату «Заря-2». Потом он снова захлопнул дверь и подождал несколько секунд. Бабахнуло так, что, несмотря на то что мы предусмотрительно зажали уши, в них еще долго звенело. А тех, кто находился в столовой, можно было брать голым руками.

Большинство из присутствующих там от полноты впечатлений обгадились, и в помещении явственно пахло парным дерьмом. С Платоном Зубовым, бывшим любовником престарелой императрицы Екатерины II, случилась истерика. Схватившись за голову, он верещал, словно недорезанный поросенок, и катался по наборному паркету столовой. А вот старший братец его, Николай Зубов, тот самый, который в нашей истории обрушил увесистую золотую табакерку на голову помазанника Божьего, похоже, совсем ополоумел. Ничего не видя и не слыша, он выхватил из ножен шпагу и стал размахивать ею, угрожая изрубить в капусту первого же, кто к нему приблизится.

Этот придурак и в самом деле мог с перепугу кого-нибудь покалечить. Я кивнул Скату – Сергею Рыбину, и тот ударом ноги в промежность на какое-то время уgomонил старшего из братьев Зубовых. Николай выронил шпагу, схватился за «фаберже» и, тонко поскуливая, уселся на корточки у большого стола, уставленного винами и закусками.

Достойней всего вел себя Валериан Зубов – «одноногий генерал». Он присел на диван, охватил голову руками и с трудом начал «наводить резкость». Как человек, побывавший в реальном бою и не раз слышавший вблизи грохот пушек и ружейную пальбу, он сумел не выпасть из реальности и понять, что, собственно, происходит.

Ворвавшиеся вслед за моими бойцами солдаты Сенатского полка споро связали всех заговорщиков и потащили их на улицу. Там арестованных уже поджидали здешние автозаки мощностью в четыре лошадиных силы, на которых братья и их гости отправились в новое для них местожительство – камеры Секретного дома Алексеевского рavelина Петропавловки.

Мы же, вместе с прибывшими агентами Тайной экспедиции, стали осматривать логово тех, кто планировал свергнуть императора Павла. Надо сказать, что особняк был изрядно загажен – повсюду валялись пустые винные бутылки, битые бокалы и немые тарелки с остатками закуси. Как я понял, лакеям разрешалось лишь приносить в залу выпивку и еду, а наводить порядок им запрещалось – хозяева опасались, что кто-нибудь из слуг, услышав крамольные речи хозяев и их гостей, донесет на них в Тайную экспедицию.

Мы искали бумаги, которые могли бы стать уликами и пролить свет на замыслы заговорщиков. Но нам так и не удалось найти что-либо, изобличающее братьев и их единомышленников. Зато в потухшем камине спальни Платона Зубова мы обнаружили кучку пепла – похоже, что братья все же решили подстраховаться и сжечь наиболее опасные для них документы.

Оставив агентов Тайной экспедиции в особняке, мы вышли на улицу, где нас поджидали кареты, на которых мы прибыли. Увидев моих бойцов, зеваки, толпившиеся у особняка Зубовых, замолкли и попятнулись. Уж больно необычно мы выглядели – в разгрузках, с балаклавами на мордах, и со странным, ни на что не похожим оружием в руках.

Я доложил по рации Игорю Михайлову об успешно проведенном задержании. Нам осталось лишь отловить болтающегося где-то по городу генерала Беннигсена. Местонахождение его было неизвестно. По всей видимости, он успел сменить мундир, потому что «жучок», который мы воткнули в его сюртук, замолчал. Агенты Тайной экспедиции сбились с ног, разыскивая ганноверца, но их старания пока были безуспешными.

Впрочем, Беннигсен в конце концов нашелся. Произошло это уже вечером, когда на улицах стало смеркаться. Но рассказать что-либо полезное для нас генерал уже не мог – его застрелили на набережной Невы у ограды Летнего сада. Как все произошло, рассказал нам морячок из Штатов, с которым я уже встречался несколько дней назад, и которого мы взяли к себе на службу. Тогда он сообщил нам весьма важную информацию о контактах генерала с человеком, которого тот называл виконтом. Судя по всему, этот виконт и был тем самым резидентом британской разведки, оставшимся в Петербурге за старшего после высылки из России посланника Уитворта.

Именно с ним Беннигсен, видимо, встретился и на этот раз. Только встреча эта закончилась для Длинного Кассия летальным исходом. Похоже, что у «виконта» сдали нервы, и он открыл пальбу из пистолетов в самом центре города. Одну пулю он всадил в американца (правда, осмотрев его, я убедился, что рана не опасная), а вторую – в Беннигсена. Керриган – так звали морячка – успел сказать нам несколько слов, а потом снова потерял сознание от потери крови. И узнали мы о происшедшем на набережной не сразу.

Уже в темноте мы начали поиски виконта, пустив по его следу Джексона – черного терьера Алексея Иванова. Джексон довел нас до Смольного собора, где следы англичанина оборвались.

– Николай Михайлович, – огорченно произнес Иванов, поглаживая по голове виновато поскуливавшего пса, – видимо, здесь этот нехороший человек сел в сани – вон, видите, следы полозьев – и отправился по льду в сторону Охты. А куда именно, я не могу вам сказать, ведь темень кругом...

– Ну, что ж, Алексей Алексеевич, на нет и суда нет. Поисками виконта мы займемся завтра. Сейчас же мы отправимся домой (мы уже начали считать Кордегардию, в которой нас временно разместили, своим домом). И не забудьте – сегодня вечером император ждет нас в Михайловском замке.

* * *

5 (17) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Патрикеев Василий Васильевич, журналист и историк

Вечером мы в расширенном составе провели рабочее совещание в столовой зале. С нашей стороны на нем присутствовали ваш покорный слуга, оба подполковника, Алексей Иванов с дочерью и напарником, и врач «скорой» Геннадий Антонов. Со стороны властей предержащих Российской империи находились император и Аракчеев. Речь должна была пойти о самой животрепещущей для нас проблеме – как нам жить дальше.

Заговор Зубовых, Палена и Беннигсена был ликвидирован. Его предводители сидели в Секретном доме или на гарнизонной гауптвахте. Кое-кого, из числа тех, кто не особо в нем замарался, оставили под домашним арестом. Императору Павлу теперь можно не бояться ноч-

ного вторжения банды пьяных гвардейских офицеров и офицерского шарфа, брошенного на его шею.

Мы свою роль спасителей самодержца выполнили. Павел сделал надлежащие выводы и теперь, похоже, не будет больше миловать потенциальных заговорщиков. По ходу дела мне удалось вместе с Аракчеевым (Алексей Андреевич больше не дичился меня и с вниманием слушал то, что я ему рассказывал о расстановке политических фигур в нашей истории начала XIX века) постарались объяснить Павлу, кто из его придворных, сознательно или нет, оказывал услуги заговорщикам. С позором был изгнан со своего поста крещеный турок граф Кутайсов, отставлена от царского ложа фаворитка Анна Гагарина-Лопухина и возвращена во дворец старая подруга царя госпожа Нелидова.

Из своего подмосковного имения со дня на день должен был приехать другой близкий друг Павла – граф Федор Ростопчин. Павел отправил его в отставку из-за интриг Палена. Правда, я посоветовал императору с осторожностью относиться к предложениям Ростопчина, касаемым внешней политики России. Иногда графа изрядно заносило, и он начинал выдавать такое, что делало его похожим на Жириновского. Недаром Екатерина Великая, неплохо разбиравшаяся в хитросплетениях мировой политики, называла Ростопчина «сумасшедшим Федькой».

Многое из предложенного можно было сделать прямо сейчас, а многое – чуть погодя. Поэтому мы хотели обсудить лишь те вопросы, решение по которым следовало принять немедленно. И в первую очередь – об отражении нападения британской эскадры адмирала Нельсона на Ревель.

– Скажите, Василий Васильевич, – обратился ко мне Аракчеев, когда разговор зашел о предстоящем набеге британцев, – а этот самый Нельсон не передумает на нас нападать? Может быть, мы напрасно беспокоимся?

– Я полагаю, что не передумает, – ответил я. – Во всяком случае, в серьезности его намерений мы сможем убедиться, когда британцы нападут на Копенгаген и разгромят береговые батареи датской столицы и флот королевства. В нашей истории это произошло 2 апреля по григорианскому календарю, или 21 марта по юлианскому, то есть через две недели. Нельсон спешит – он хочет застать русскую эскадру на рейде Ревеля прежде, чем растает лед в восточной части Балтийского моря – а это произойдет достаточно скоро. Ведь зима была мягкая, и лед на море тоньше, чем обычно.

Нельсон рассчитывает застать наши корабли врасплох и истребить их, воспользовавшись их неготовностью к неожиданному нападению. Этот однорукий адмирал считал основой всего союза стран, провозгласивших вооруженный нейтралитет, именно Россию. Он предложил датчанам без боя пропустить британскую эскадру через проливы, соединяющие Балтийское и Северное моря. Но датчане отказались это сделать.

– Неужели Нельсону удастся безнаказанно разгромить датский флот? – спросил Павел. – Ведь датчане превосходные моряки и не раз доказывали свою храбрость и умение сражаться во многих морских битвах.

– И в этот раз датчане храбро отбивались от внезапно напавшего на них врага. Потери с обеих сторон были огромными. Адмирал Паркер, возглавлявший британскую экспедицию, даже отдал приказ Нельсону прекратить бой и отступить. Но тот сделал вид, что не понял сигнала командующего, и продолжил сражение. А сам предложил датчанам на время прекратить огонь, ради, как он писал, «человеколюбия». На самом же деле это было обычное британское коварство. Адмирал хотел получить столь нужную ему передышку, чтобы снять с мели выскочившие на них британские корабли и наскоро отремонтировать наиболее пострадавшие. В конечном итоге ему удастся уговорить датчан прекратить сопротивление и проташить свою эскадру в Балтику.

– А что произошло потом? – спросил император, внимательно слушавший меня.

– А потом пришло известие о вашем убийстве, государь. Дания и Швеция были нейтрализованы, а русский флот...

– Что с ним случилось? – спросил император, пропустив мимо ушей мои слова о своей насильственной смерти.

– При проходе британской эскадры через Зунд Нельсон потерял много времени. На фарватере было немало мелей, и, чтобы облегчить корабли, пришлось перегрузить тяжелые пушки на купеческие корабли, а потом, когда эскадра вышла из проливов, поставить их на место.

Шведские корабли, узнав про копенгагенский погром, укрылись в Карлскруне, вход в которую надежно защищали мощные береговые батареи.

30 апреля – или 12 мая по григорианскому календарю – английские корабли появились в видимости наших берегов. Но русской эскадры в Ревеле уже не было. За неделю до появления британцев наши корабли, пробив канал во льду, ушли в Кронштадт. Нельсон привел к Ревелю одиннадцать линейных кораблей, один фрегат, два брига и два люгера. Но он так и не осмелился напасть на порт и город. Более того, русским чиновникам, прибывшим на борт флагманского корабля однорукого адмирала, было заявлено, что он прибыл в Ревель... с дружеским визитом.

– Думаю, что в этот раз Нельсон не будет разводить политесы, – произнес Игорь Михайлов, – и без предупреждения нападет на Ревель. Не забывайте – в порту находятся арестованные английские торговые суда, а на городских складах хранятся конфискованные британские товары. Нельсон рассчитывает захватить их, а заодно пограбить имущество обывателей и купцов.

– Господа, – вскопчил с места взволнованный моим рассказом Павел, – необходимо дать отпор этому нахальному адмиралу. Надо навсегда отбить у британцев желание нападать на владения Российской империи. Какими силами мы можем оборонять Ревель?

– Ваше императорское величество, – произнес Аракчеев, – Балтийский флот в данный момент не способен выйти в море. Льды в Финском заливе помешают ему направить подкрепление эскадре адмирала Спиридова, находящейся в Ревеле.

– А что, эскадра Спиридова действительно настолько слаба, чтобы противостоять британской эскадре? – спросил Павел.

– По количеству боевых кораблей, – сказал я, – наша эскадра даже превосходит британскую. Но многие из них ветхие, корабельные орудия ненадежны и часто во время стрельбы разрываются, убивая и калеча морских служителей. Офицеры не имеют боевого опыта и не умеют маневрировать во время боя. А матросы – большей частью новобранцы, еще плохо знают свое дело. Так что нашим морякам трудно будет сражаться с англичанами.

– Но наши моряки храбры! – воскликнул император. – И они не пощадят жизни, защищая Родину и честь своего знамени.

– Храбрость – это хорошо, – задумчиво почесывая подбородок, произнес подполковник Баринов, – но одной храбрости маловато. Нужно еще кое-что, чтобы победить сильного и храброго врага.

– О чем вы говорите, сударь? – спросил Павел.

– Я говорю о том, что надо подготовить Ревель к обороне. Флот и береговые батареи должны метким огнем встретить эскадру Нельсона. А если британцы попытаются высадить десант, его следует уничтожить.

– Это понятно, – нетерпеливо сказал император. – Но что именно следует сделать, чтобы осуществить то, о чем вы сейчас сказали?

– Следует перебросить с Черного моря моряков и артиллеристов, которые, сражаясь в составе эскадры адмирала Ушакова, получили хороший боевой опыт. Да и самому Федору Федоровичу неплохо было бы отправиться в Ревель. Он старый знакомый адмирала Нельсона. Думаю, что он сумеет показать британцу, где раки зимуют.

– А успеют ли офицеры и нижние чины с Черного моря прибыть в Ревель? – спросил Павел. – Ведь путь неблизкий, а времени осталось слишком мало.

– Если не мешкать и уже сейчас отправить им приказание немедленно отправиться в Ревель, то должны успеть.

И еще, государь, надо отправить в Ревель лейб-гвардии Егерский батальон. Им командует генерал-майор князь Багратион. Это опытный и отважный командир, который не отступит ни на шаг, даже если его атакует сильнейший неприятель. Под его командованием превосходные стрелки, которые смогут нанести врагу большие потери.

– Что ж, пожалуй, так и следует поступить, – кивнул Павел. – Алексей Андреевич, подготовьте соответствующие указы. Надо немедленно отправить их адресатам.

Аракчеев встал и почтительно склонил голову. Я усмехнулся – можно было не сомневаться, что «преданный без лести» будет до утра сидеть за столом и сочинять порученные ему документы. Надо чем-то порадовать этого служаку, который так старательно исполняет все указания своего коронованного командира.

– Алексей Андреевич, – сказал я, – было бы неплохо, если бы вы отправили в Ревель своих артиллеристов. Тех самых, которых вы обучили меткой стрельбе еще во времена вашей службы в Гатчине. Я читал, что они ухитрились попадать в цель из мортир уже третьей бомбой. А это очень хороший результат.

Услышав похвалу своим подопечным, Аракчеев аж зарумянился от удовольствия. Он немало сделал для того, чтобы его «гатчинцы» умели скоро и метко стрелять. И вообще, что бы ни говорили и ни писали об Аракчееве, его огромные заслуги в реформировании русской артиллерии отмечали даже недруги графа.

– Василий Васильевич, – ответил Аракчеев, – большое вам спасибо за добрые слова о моих людях, которых я учил метко стрелять из пушек и мортир. Я рад, что и в будущем помнят о моих трудах и заботах в деле совершенствования артиллеристов, которые своим точным огнем решают судьбы сражений.

– И еще, – я повернулся к Павлу, – хотелось бы решить вопрос о нашем статусе в этом мире. Ведь нам надо как-то определиться, кто мы и в каком качестве здесь находимся. Нельзя же нам всю жизнь быть просто «гостями императора». Это, конечно, весьма почетно, но мы здесь не гости, праздно наблюдающие за происходящим, а ваши верные помощники.

В то же время нам хотелось бы, чтобы подчинялись мы только вам. Ведь знания о будущем – страшное оружие. И вы можете представить, сколько бед может произойти, если эти знания попадут к тем, кто употребит их во вред России.

– Я понимаю вас, господа, – озабоченно произнес Павел. – Только вот ума не приложу, как поступить с вами. Конечно, за все ваши заслуги перед троном и лично мною я могу достойно наградить вас, дать вам высокие чины, награды и титулы. Но тем самым вы окажетесь в числе прочих моих приближенных, некоторые из которых старше вас чинами и занимают более высокие должности.

Но я, как и все, смертен, и мне страшно представить, что может произойти, если после меня на российский престол взойдет тот, кто не оценит ваши заслуги перед Россией и знания, которые, как вы сказали, могут стать страшным оружием. Мне совсем не хочется, чтобы по чьему-то недосмотру или злему умыслу эти знания попали бы в чужие руки.

– Ваше императорское величество, – сказал я, переглянувшись с Игорем Михайловским, – есть один вариант, который устроил бы и вас, и нас.

– Ну-ка, ну-ка, – Павел с любопытством посмотрел на меня, – расскажите мне, Василий Васильевич, что вы это такое придумали?

– Государь, ведь вы, как мы помним, являетесь главой ордена Святого Иоанна Иерусалимского. И потому вы могли бы объявить всем, что ваши новые знакомые – члены этого ордена, прибывшие в Россию из одной далекой провинции ордена. Из какой именно – об этом

посторонним знать не положено. Это большой секрет. Одно лишь можно сказать – эти люди обладают тайными знаниями, которые были получены от первых крестоносцев, создавших орден на Святой земле. И теперь, явившись в Россию, они щедро делятся своими секретами с вами – великим магистром ордена. Вы по своему статусу вправе приблизить их к себе, и в то же время никто из подданных Российской империи, кроме вас, не может отдавать им приказы.

– Интересное предложение, – задумчиво произнес император, – я подумаю над вашими словами. Действительно, как великий магистр, я могу сделать всех вас рыцарями ордена и присвоить вам достойные вас титулы. Например, после того как мне стало известно истинное лицо графа Палена, я лишил его звания великого канцлера. Ведь не может же клятвопреступник и человек, замысливший цареубийство, быть членом ордена. А что, если на ставшее вакантным место великого канцлера я назначу вас, Василий Васильевич? Вы не против?

От неожиданности у меня, что называется, в зобу дыхание спёрло. Обсуждая этот вопрос с Игорем Михайловым, мы прорабатывали самые разные варианты развития событий, но такое мы даже не могли предположить.

Павел лукаво поглядывал на меня. Похоже, что его изрядно позабавил мой растерянный вид. Ну, что ж, надо срочно принимать какое-то решение. Я вздохнул, словно перед прыжком в холодную воду, и взглянул в глаза императору.

– Нет, государь, я не против. Служить вам и России – для меня большая честь. И я готов это делать на любом посту в любом чине и звании.

– Я не сомневался в вас, Василий Васильевич, – произнес царь, приняв величественную позу. – Думаю, что и ваши друзья не откажутся от моего предложения. Соответствующий указ будет принят мной в самое ближайшее время.

Спасибо, господа, что вы думаете не о наградах и деньгах, а о том, как лучше послужить России. Именно в таких людях я нуждаюсь больше всего. Служите мне и державе, коей Господь поручил мне править, и помните – за Богом молитва, а за царем служба не пропадет. Я достойно отблагодарю вас не только за то, что вы уже сделали для меня, но и за то, что еще сделаете в будущем.

На этом все, господа. Буду рад видеть вас завтра утром на вахтпараде. Всего вам доброго.

Глава 4

Пехотные огни открывают победу

6 (18) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович, РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Вот так встреча! Сижу я после вахтпарада в выделенном мне помещении в Кордегардии, чешу репу и обдумываю доклад о том, что мы уже успели сделать и что нам еще предстоит. Тут открывается дверь, и один из бойцов докладывает мне, что ко мне пришел посетитель. Причем глаза у него такие, будто он только что увидел снежного человека или тень отца Гамлета.

Что ж, как там говорил врач из психушки в «Кавказской пленнице»: «Требуется – пригласить». И велю пригласить посетителя. Дверь открывается, и в мой кабинет заходит... В общем, сегодня у меня с утра в гостях был командир лейб-гвардии Егерского батальона генерал-майор князь Петр Иванович Багратион. Да-да, тот самый. И прислал его ко мне император Павел.

Дело в том, что Егерский батальон вел свое начало от егерской команды, сформированной в Гатчине лично Павлом еще в бытность его цесаревичем. Потом, после того как он стал императором, гатчинские войска вошли в состав Российской армии на правах старой гвардии. При этом егерские команды, существовавшие в лейб-гвардии Семеновском и Измайловском полках, объединили с гатчинскими егерями. Вот так и появился на свет Божий гвардейский Егерский батальон трехротного состава, командиром которого в 1800 году стал князь Багратион. Располагался батальон в Семеновской слободе Санкт-Петербурга, на улице, которая в наше время носит название Звенигородской.

Павел доверял Багратиону (и не напрасно), а также своим гвардейским егерям. Многие из них он знал еще с гатчинских времен. Они тоже помнили своего первого командира. Поэтому царь решил использовать их в качестве охранников, окончательно удалив из Михайловского замка оказавшихся не слишком надежными семеновцев и преображенцев. Конногвардейцев, которые также доказали преданность императору, Павел намеревался использовать в качестве некоего мобильного резерва, благо у тех были отличные кони, да и вооружены они были неплохо.

Багратион вручил мне предписание царя, в котором сообщалось, что князь и его люди с сего дня находятся в полном моем распоряжении. Я, честно говоря, даже немного растерялся – не зная здешних реалий и возможностей егерей, мне трудно было вот так, с ходу, представить себе, что именно от них можно потребовать, и что они могут. Единственное, что мне было известно, так это то, что егеря в бою должны действовать в рассыпном строю, уметь примениться к местности и метко стрелять.

Пока я изучал императорскую бумагу, князь с любопытством разглядывал меня. Видимо, его заинтриговали моя камуфляжка, разгрузка и висящая на боку кобура с «Вектором»³².

– Скажите, господин подполковник, – спросил вдруг Багратион, – мы ранее с вами нигде не встречались? Мне кажется, что я видел вас, когда служил в чине сержанта в Астраханском пехотном полку. Это было пятнадцать лет назад – недалеко от Кизляра мы воевали с мятежными горцами шейха Мансура.

А мне вдруг стало смешно. Действительно, лет пятнадцать назад мне довелось поучаствовать в одной спецоперации в районе Кизляра. Пришлось тогда брать парочку вооруженных

³² «Вектор» – полуавтоматический самозарядный пистолет, разработанный для замены АПС. Используется в спецподразделениях силовых ведомств.

до зубов отморозков из числа местных боевиков. Кончилось все тем, что мы их пристрелили, когда они открыли по нам огонь.

И вот я узнаю, что времена практически не меняются, и князю Багратиону тоже довелось повоевать в тех самых местах, только двести с лишним лет тому вперед. Парадокс... Но встречаться с героем Чертова моста, Шенграбена и Бородина мне ранее не приходилось.

– Нет, князь, мы там не могли с вами встретиться. И вообще, мы точно не были ранее с вами знакомы. Но я очень рад тому, что познакомился с вами. Для меня большая честь служить вместе с героем, который воевал бок о бок с великим Суворовым.

Багратион, выслушав мои комплименты, скромно потупился. Было видно, что мои слова пришлись ему по душе.

– Ну что вы, господин подполковник, какой я герой? Рядом с Александром Васильевичем просто трудно плохо воевать. От него исходила какая-то чудодейственная сила. Как жаль, что его уже нет в живых. А вам приходилось встречаться с князем Италийским?

– Нет, Петр Иванович, – вздохнул я, – не довелось. Вообще я недавно поступил на службу государю-императору Павлу Петровичу. Но я уверен, что вы, Петр Иванович, скоро прославитесь на ратной службе, и имя ваше многим станет известно в России. Полагаю, князь, что государь рассказал вам обо мне и моих бойцах? Ну, хотя бы в общих чертах.

– Император сказал, что мне надлежит во всем слушаться вас, несмотря на разницу в чинах. Еще государь добавил, что только он в России волен возвысить любого из своих подданных, и что вы скоро сравняетесь в чинах со мной.

«Гм, – подумал я, – ни хрена себе царские шуточки! Мне что, пора уже лампасы на мои камуфлированные штаны нашивать? Хотя здесь генералы вроде не носят лампасы. Что-то слишком щедр оказался Павел Петрович. К чему бы это?»

– Князь, казнить или миловать своих подданных – это право государя. Наша же обязанность – служить ему и России. Знайте, что скоро нам придется защищать нашу землю от супостата. И ваши егеря должны показать свою отвагу и меткость стрельбы. Ведь воевать им придется против опасного и опытного противника.

– Надеюсь, что не против французов? – переспросил Багратион. – Как я слышал, государь уже замирился с Бонапартом. Мне довелось повоевать с якобинцами в Италии и Швейцарии. Действительно, это был достойный противник. Хотя под предводительством батюшки нашего, Александра Васильевича Суворова, мы били их, и не один раз.

– Нет, князь, речь в этот раз пойдет о британцах. Они хотели убить государя, и им едва не удалось осуществить свои злодейские намерения. А теперь они решили напасть на Ревель, чтобы освободить находящиеся там под арестом британские торговые суда и товары.

– Этому не бывать! – воскликнул Багратион. – Мои егеря умрут, но не дадут британцам захватить русский порт. Да и, как я слышал, воюя в Италии, английские солдаты, в отличие от их флота, не могут похвастаться блестящими победами на суше.

– Нет, князь, умирать никому не надо, – ответил я. – Мы должны сделать так, чтобы умерли наши противники, а наши солдаты остались живы. Что же касается сражений на сухопутье... Действительно, на Ревель готовится напасть британский флот под командованием умелого и опытного адмирала Нельсона. Но на его кораблях находится морская пехота. И сражаются эти красномундирные вояки храбро. Так что мы не должны недооценивать противника и обязаны сделать все, чтобы разбить его. А как этого добиться, мы с вами сейчас и обсудим. Обождите, Петр Иванович, я приглашу своих помощников, и мы все вместе поговорим о плане будущей кампании.

Я достал из разгрузки рацию и пригласил зайти в Кордегардию подполковника Барина и майора Никитина. Багратион с удивлением наблюдал за моими переговорами. Когда же я закончил сеанс связи и положил на стол рацию, он покачал головой и тихо спросил:

– Скажите, подполковник, кто вы и откуда?

* * *

*6 (18) марта 1801 года. Санкт-Петербург.
Джулиан Керриган, раненый*

Сколько я провалялся без чувств – неизвестно. Но наверное, долго. Последнее, что я запомнил перед тем, как окончательно потерять сознание, это склонившиеся надо мной лица людей, одно из которых я мне уже было знакомо...

Очнулся я в зале, освещенном неизвестными мне яркими светильниками. Верхняя часть моей одежды отсутствовала, а верхняя часть левого предплечья была забинтована, и я ее почти не чувствовал. Точнее, боль была, но она оказалась не такой сильной, как я ожидал.

В помещении, где я лежал на топчане, застеленном матрасом, набитым шерстью, находилась девушка, показавшаяся мне необычайно красивой. Но одета она была почему-то в странный синий китель и синие же штаны, да еще и с белыми полосками.

Увидев, что я очнулся, она улыбнулась мне и сказала что-то по-русски. Конечно, русский я уже немного знал, но еще недостаточно, чтобы поддерживать беседу на отвлеченные темы. К тому же в голове у меня царил сумбур... Девушка снова улыбнулась мне и перешла на достаточно хороший английский, причем с акцентом, похожим на выговор жителей Нью-Йорка либо Нью-Джерси:

– Как ваше самочувствие? – спросила она.

– Ничего, – я попытался улыбнуться. – А где я, и что со мной?

– У вас сквозное ранение левого плеча. Порвало мышцу, но кости целы. А находитесь вы у друзей...

– А я руку не потеряю? – Этот вопрос не был для меня праздным. Младший брат моей матушки получил похожее ранение в сражении при Йорктауне. Ему ампутировали руку, но было слишком поздно – он все равно умер от гангрены. Мне же нужны обе руки – какой из меня работник, если я останусь одноруким. Это только британские адмиралы могут командовать эскадрами без руки...

– Не беспокойтесь, все будет хорошо. Рану вашу мы промыли и продезинфицировали...

– А это что еще такое?

– Проздезинфицировать – это убить заразу, которая может попасть в кровь и вызвать заражение. Кроме того, мы сделали вам уколы...

– Уколы? А зачем вам понадобилось в меня стрелять?³³

– Так называется по-английски ввод лекарств в тело посредством тонкой иглы.

Я покраснел – иностранка учит меня словам моего родного языка. А девушка с улыбкой продолжала:

– Таким способом мы ввели вам лекарство, чтобы у вас не было столбняка.

– А-а-а, понятно, – сказал я, хотя, честно говоря, ничего не понял.

– И еще вам сделали переливание крови, – улыбнулась девушка и поправила одеяло, которым я был накрыт. – Пока вас сюда привезли, вы потеряли много крови.

– То есть как это? – Мои глаза полезли на лоб от удивления. – Я знаю, что врачи пускают большим кровью, а вот чтобы они вливали ее назад...

Но красавица лишь улыбнулась:

– Не бойтесь, для нас это обычная процедура. Просто, чтобы вы побыстрее поправились, вам влили в вену чужую кровь.

³³ Игра слов: по английски *shot* не только укол, но и выстрел.

– Кровь... чужая кровь... Вы хотите сделать из меня нечто вроде дяр-дуэ? – пошутил я, хотя мне и правда стало немного страшновато.

– А что это?

– У нас, ирландцев, так именуют девушек, которые высасывают чужую кровь. Ну, что-то вроде вампира.

– Именно, – девушка засмеялась чудесным переливчатым смехом. – Только вас придется сначала сделать девушкой и отрезать вам... – но, увидев ужас в моих глазах, сказала уже серьезно: – Да не бойтесь вы, никто вам ничего не будет резать. Когда человек потерял слишком много крови, он может умереть. И потому ему вливают чужую. Вы, например, скорее всего, не выжили бы без этой процедуры.

– А теперь что со мною будет?

– Вы проживете еще долго и счастливо, если, конечно, больше не будете лезть под пули. Черед два-три дня можете попробовать встать с постели. Ну, а если не будет осложнений, недели через две можно будет вас отправить домой. Пока же лежите и отдыхайте. Если вам захочется поесть – позвоните в это, – девушка указала на небольшой медный колокольчик, стоявший на столике рядом с моей кроватью. – А если вам понадобится... Ну, в общем, если что, позвоните, и вам принесут ночную вазу. Кстати, а сейчас вам ничего не хочется? Скажите, и я помогу вам все сделать...

Мне вдруг стало очень неудобно и стыдно. На миг я представил, как это небесное создание спускает с меня штаны и подставляет ночную вазу... Нет, я уж сам как-нибудь управлюсь со своими делами...

Девушка, видимо заметив мое смущение, участливо произнесла:

– Ну, или если вам неловко, то вы можете попросить прислать санитаря.

Я улыбнулся ей и смущенно пробормотал:

– Нет, спасибо, пока мне ничего не хочется.

– Не забудьте про колокольчик... Кстати, вы не помните, что с вами произошло?

Я закрыл глаза, и набережная у Летнего сада снова появилась перед моим мысленным взором. Вот я слышу разговор таинственного виконта и «острого подбородка» – так я прозвал про себя генерала. Вот я снова слышу выстрел, рука немеет, потом еще один выстрел, и кто-то падает. Это «острый подбородок» – через пару минут я нахожу его уже умирающим. Вот я прощаюсь с жизнью. Потом кто-то меня находит... Помнится, я успел еще что-то сказать, а далее я проваливаюсь в липкую и темную пустоту...

– Вроде кое-что помню. Но было ли это на самом деле, или...

– Когда у вас найдутся силы, чтобы попытаться все вспомнить? Тут с вами хотели бы поговорить. Надо найти человека, который вас ранил.

– Это не те люди, с которыми я недавно говорил?

– Да, они.

– Тогда я готов пообщаться с ними прямо сейчас. Ведь чем скорее я все им расскажу, тем быстрее они поймут этого... виконта.

Прелестная фея уже взялась за ручку двери, когда я наконец решил:

– Кстати, могу ли я осведомиться о вашем имени?

– Меня зовут Ольга, – улыбнулась девушка. – А вы мистер Керриган, правильно? Вас узнали наши ребята.

– Именно так. Только, умоляю вас, зовите меня просто Джулиан. И я очень хотел бы вас... увидеть когда-нибудь еще...

Ольга ласково, по-сестрински (уввы!), улыбнулась мне и вышла. Я перевел дух. А через минуту в комнату, где я лежал, вошел человек, известный мне как Игорь. Одет он был в форму, прикрытую наброшенным сверху белым плащом. А может, не плащом? В общем, он был похож на рыцаря, готового сразиться за честь прекрасной дамы.

– Здравствуйте, мистер Керриган, – произнес он. – Врач сказала мне, что вашей жизни ничего не угрожает. Я очень рад за вас! Вы в силах говорить, или мне зайти к вам в другое время?

– Игорь, спасибо, что вы меня навестили. Мне уже намного лучше. Я постараюсь ответить на все ваши вопросы...

* * *

6 (18) марта 1801 года. Северное море. Борт 98-пушечного корабля Его Величества «Сент-Джордж».

Вице-адмирал Горацио Нельсон

Черт бы побрал всех наших трусливых политиков, которые так долго тянули с принятием решения направить флот Его Величества короля Англии Георга III на Балтику! Боюсь, что мы можем опоздать, и наши враги, объединившись, станут душить петлей торговой блокады старую добрую Англию. Это очень плохо...

Да и у меня в это время тоже все обстояло скверно. Нет, конечно, к Новому году, как я и ожидал, мне присвоили звание вице-адмирала. Но потом несчастья посыпались на меня, словно сор из дырявого мешка.

Сперва я объяснился с женой, и мы выяснили, что наша семейная жизнь окончательно пошла ко дну. Фанни не простила мне мою связь с Эммой Гамильтон и отказалась считать меня своим супругом. Что ж, этого и следовало ожидать. Мне давно уже надо было сделать выбор между женой и любовницей. И Фанни сделала его за меня.

Потом от всех этих переживаний у меня разболелся единственный здоровый глаз, да так, что главный врач флота, осмотрев меня, запретил мне читать и писать. Правда, глаз вскоре поправился, и опасность того, что я ослепну и останусь на берегу, миновала. Ну и, наконец, эта дурацкая судебная тяжба по поводу призовых денег с одним из моих сослуживцев, которой не было видно конца.

Все это довело меня до такого состояния, что я уже тайком начал подумывать о смерти. Нет, я не собирался совершить самоубийство, но жизнь мне стала не мила, и я был готов на все, лишь бы снова почувствовать под ногами корабельную палубу, а над головой услышать свист ветра в снастях.

И вот решено – Адмиралтейство возглавил лорд Сент-Винсент, под начальством которого я служил на Средиземном море. По его команде началась подготовка к Британской экспедиции, в которой, как я полагал, и мне найдется подходящая моему опыту и статусу должность.

Цель предстоящей экспедиции – разрушить «Вооруженный нейтралитет», столь опасный для британской торговли. Этот нейтралитет провозгласили четыре страны – Дания, Швеция, Россия и Пруссия. Они были недовольны тем, что наши крейсера, борясь с военной контрабандой, останавливают, осматривают, а в случае необходимости и обыскивают торговые суда, идущие под нейтральным флагом. Если же на таких судах находили военную контрабанду, то их объявляли призами, вели в британские порты, где товары конфисковывали, а захваченные призы продавали с аукциона. Конечно, наши командиры порой увлекались и произвольно толковали призовое право, объявляя контрабандой вполне законные грузы. Но тут уж ничего не поделаешь – Британия всегда играет по своим правилам. А кому они не нравятся, те могут катиться ко всем чертям!

И вот эти четыре страны решили сделать то, что удалось когда-то первому «вооруженному нейтралитету», объявленному скрытым врагам Британии в 1780 году. Тогда этот самый «нейтралитет» позволил победить мятежникам из наших американских колоний. В этот раз

новые «нейтралы» играют на руку французам – нашим исконным врагам. И правительство Британии приняло решение – второму «Вооруженному нейтралитету» не бывать!

12 марта из Грейт-Ярмута вышла эскадра, которая должна покарать тех, кто выразил сомнение в том, что Британия – владычица морей. Адмиралтейство выделило для Балтийской экспедиции 93 корабля, в том числе 18 огромных плавучих крепостей, несущих множество больших пушек. На тот случай, если наших врагов придется вразумлять на суше, на борту кораблей Его Величества находилось 600 морских пехотинцев, прекрасно обученных и вооруженных.

Правда, лорд Сент-Винсент назначил командующим этой эскадрой не меня, а адмирала Хайда Паркера-младшего. Меня же сделали его заместителем.

Что ж, решение не очень удачное. Адмирал Паркер уже стар, давно не участвовал в боях, к тому же он слишком ценил комфорт и уют. Недавно он женился на молоденькой девице – дочери 1-го баронета Ричарда Онслоу, прозванной за пышность тела «булочкой». И мысли его были направлены не на выполнение приказа, а на свою женушку, которая с нетерпением ждала его на берегу.

В качестве своего временного флагманского корабля я выбрал 98-пушечный «Сент-Джордж». Но у него была большая осадка, и я решил при подходе к датским проливам перебраться на 74-пушечный «Элефант». Из-за своей небольшой осадки он будет лучше чувствовать себя на мелководье. А в случае, если нашей эскадре предстоит силой пробиваться через проливы Скагеррак и Каттегат, сражаться нам придется на узком фарватере, окруженном со всех сторон мелями. Мне кажется, что датчане не склонны выполнить наши требования – отказаться от вооруженного нейтралитета и беспрепятственно пропустить нашу эскадру на Балтику.

С моей точки зрения, первый и основной удар нам следует нанести не по ним, а по русским. Именно они стали инициаторами создания второго «Вооруженного нейтралитета», и потому они являются нашими главными врагами. Пройдя через датские проливы, нам следует незамедлительно идти к Ревелю. Если мы застанем там отряд русского флота, обычно базирующийся в этом порту, то необходимо решительно и энергично атаковать его. После того, как русские корабли будут потоплены или захвачены, следует уничтожить арсенал в самом Ревеле. Ну, а потом, если наши потери будут небольшими, а корабли не очень сильно повреждены, следует направиться к Кронштадту и нанести максимальный вред этой главной базе русского флота.

Наши же бриги и фрегаты, которым не стоит принимать участие в генеральной баталии, в это время станут захватывать торговые суда на Балтике. Всех их можно будет считать призами, вне зависимости от того, есть ли на их борту военная контрабанда или нет. Война должна приносить прибыль, иначе есть ли смысл вообще воевать?

Впрочем, какая война? Ведь Британия ее никому не объявляла. Просто будет проведено обычное наказание строптивых и непослушных стран, которые посмели оказаться на ее дороге.

Если нам удастся нокаутировать Россию, то вся созданная ею коалиция рассыплется. Поэтому нам следует поторопиться. Будет очень жаль, если нам все же придется прорываться с боем через датские проливы. Но иного выхода нет. Пока не будет выбита «датская пробка» из горлышка бутылки, именуемой Балтийским морем, нам не удастся поднять бокал за короля и нашу победу.

Сказать честно, из всех наших нынешних противников я больше всех не люблю русских. Мне никогда не забыть того унижения, которое я испытал, встретившись в августе 1799 года в Палермо с русским адмиралом Ушаковым. Этот медведь в мундире проявил неожиданную строптивость, отказавшись выполнять мои указания. Мало того, что он со своей бандой оборванцев захватил Ионические острова, которые по праву должны принадлежать Британии, так он еще и не направил свои главные силы для блокады Александрии.

Я возненавидел Ушакова, который осмелился сделать мне выговор за то, что я примерно покарал неаполитанских бандитов и французов. Ну и что, что они сдались на условиях капитуляции, подписанной неаполитанским кардиналом Руффо, русскими, турками и, к большому моему сожалению, британским коммодором Футом. Мятежникам должно быть одно наказание – смерть! Я разорвал эту дурацкую капитуляцию и передал всех неаполитанских якобинцев и французов властям королевства обеих Сицилий, которые с помощью британских солдат сделали все, чтобы мерзавцы, поднявшиеся против своего законного монарха, получили по заслугам.

Я несколько не жалею о том, что случилось тогда в Палермо. И в России я тоже не буду испытывать угрызений совести, если русские города будут разрушены огнем артиллерии моих кораблей. Все враги Британии должны быть уничтожены!

* * *

6 (18) марта 1801 года. Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Иванов Алексей Алексеевич, частный предприниматель и любитель военной истории

Потихонечку, полегонечку, но мы вживаемся в новую для нас жизнь и эпоху. Ну что сказать – конечно, здесь все по-иному: нравы, одежда, взаимоотношения друг с другом. Даже их язык немного отличается от нашего. Скажешь «заморочки» или «косяки» – и твой собеседник удивленно смотрит на тебя, пытаюсь понять, что ты имеешь в виду. С другой стороны, здешние ребята тоже порой вставляют в свою речь разные словечки, которые нам непонятны. К тому же они часто, к месту и не к месту, говорят по-французски, а в этом языке я не силен. Знаю немного испанский, по-английски чуток кумекаю, в школе изучал немецкий. А с французским – просто беда...

Дашка же моя как-то сразу тут освоилась. Сдружилась с великой княжной Екатериной – совсем еще соплюхой, но которая уже с интересом поглядывает на взрослых мужиков. Далеко, однако, пойдет девочка...

Дочка же моя часто гостит в детской половине замка. Там самый настоящий детский сад – под ногами крутится мелюзга: Аня, Коля, Миша. Ане уже шесть – она спокойная и тихая девочка, хотя часто шалит вместе со своим младшим братом Николаем. А вот тот – ему не исполнилось еще и пяти лет – доставляет немало хлопот окружающим. Мальчишка упрямый и своенравный, да еще и воинственный не в меру. Он всегда таскает с собой деревянное ружье, которое подарил ему отец-император. Михаил же, которому недавно исполнилось три года, – просто веселый и общительный карапуз, любимец всей семьи.

Вообще же Павел – хороший отец. Он часто заходил на детскую половину замка, чтобы пообщаться с детьми и поиграть с ними. Император ласково называл их «моими барашками». А вот мать – императрица Мария Федоровна – дама строгая, и к своим сыновьям и дочерям относится совсем не по-матерински. Она держит их в черном теле, считая, что снисходительность лишь портит детей.

Главной же над всей этой царской детской считается Шарлотта Карловна Ливен, женщина умная, с твердым характером и огромной энергией. Канцлер Безбородко как-то сказал о ней: «Жаль, что генеральша Ливен не мужчина: она многих бы удобнее нашлась воспитывать князей молодых». Ну, как говорится – что выросло, то выросло... Александр и Константин уже люди женатые, и воспитывать их поздно.

Дети же – они везде дети. Мальчики и маленькая Аня часто устраивают шумные игры, в которых принимает участие и сам император. На их шалости неодобрительно поглядывают императрица и няня – уроженка Шотландии Джейн Лайон. Ее часто за глаза называют «няней-львицей», обыгрывая ее фамилию. В Польше во время мятежа под предводительством

Костюшко мисс Лайон случайно оказалась в Варшаве. За сочувствие к России поляки посадили ее в тюрьму, где она и пробыла семь месяцев, пока войска генерал-аншефа Суворова осенью 1794 года не заставили капитулировать столицу Польши. С тех пор Джейн Лайон люто ненавидела поляков и сделала все, чтобы и ее воспитанники – великие князья – тоже унаследовали сходные чувства к «кичливым ляхам».

Как и все дети, великие князья и княгини проявили большое любопытство к новым людям, появившимся в окружении их родителей. Они быстро освоились с Дашей и безо всякой опаски играли с Джексонем, который очень любил детей и с обреченным выражением на морде позволял им таскать себя за уши и лохматую бороду. Ко мне же младшие Романовы относились с некоторой опаской – все же я был для них слишком старым.

А с императрицей мы как-то сразу нашли общий язык. Она оказалась женщиной на удивление хозяйственной и домовитой. Понятно, что таковой невольно станешь, если у тебя на руках большое беспокойное семейство. Но в отличие от жен наших олигархов, Мария Федоровна была мастерицей на все руки и не любила сидеть без дела. Да и художественный вкус у нее был неплохой.

Я читал, что, еще будучи принцессой Софией Марией Доротеей Августой Луизой Вюртембергской, в своем Этюпе она, словно простая садовница и огородница, ковырялась в земле, выращивая цветы и овощи. Став цесаревной, Мария Федоровна с увлечением планировала и разбивала в любимом Павловске цветники, спорила до хрипоты с архитектором Чарльзом Камероном, обсуждая с ним проекты построек.

Недаром говорится – в споре рождается истина. В конечном итоге у Камерона и Марии Федоровны – а ее смело можно записать в соавторы знаменитого шотландца – получился настоящий шедевр. И дворец, и павильоны, и колоннады в Павловске и в наше время восхищают тех, кто приезжает в эту загородную резиденцию цесаревича Павла Петровича, чтобы полюбоваться на это чудо садово-паркового искусства.

Да и сама Мария Федоровна умела много чего делать своими нежными женскими ручками. Например, она отлично знала токарное дело. Многие чернильницы, письменные приборы и просто изящные безделушки были изготовлены ею из янтаря и слоновой кости на токарном станке. Владела императрица и резцом. Сохранились несколько прекрасных камей, сделанных Марией Федоровной из яшмы и агата, на которых в образах античных богов были изображены императрица Екатерина II и ее сыновья. Ну, а если вспомнить, что эта удивительная женщина ко всему прочему еще неплохо рисовала... В Павловском дворце после нее остались на память детям и внукам гравированные по молочному стеклу портреты, пейзажи и натюрморты, живопись масляными красками, акварелью и пастелью. Так что я вполне заслуженно зауважал эту замечательную женщину.

Мы разговаривали с ней о пока еще плохо известной в Европе архитектуре Японии, Индии и Китая. Императрицу удивило умение японцев в сравнительно малом объеме создавать гармоничные и изящные интерьеры. Мария Федоровна с увлечением чертила на больших листах бумаги планы новых садовых композиций, которые она собиралась создать в Гатчине и Павловске. Оставалось лишь дожидаться лета.

– Алексей Алексеевич, – говорила она, – я надеюсь, что вы не откажете мне в помощи, и мы с вами сделаем такое, что еще никто до нас не делал. Государь очень устает от своих трудов на благо России, и ему будет приятно отдохнуть в новой беседке, любуясь клумбой с удивительными по красоте цветами.

Я кивал, соглашаясь с императрицей, а на душе у меня скребли кошки. Дело в том, что Василий Васильевич Патрикеев рассказал мне, что два дня назад в Буде после неудачных родов скончалась старшая дочь Марии Федоровны и императора Павла, семнадцатилетняя Александра Павловна.

Этой несчастной девушке все время не везло. Сначала было сватанье взбалмошного шведского короля Густава IV, который в самый последний момент отказался подписывать с ней брачный контракт. В конце концов Александру выдали за эрцгерцога Иосифа, брата австрийского императора Франца II. Иосиф носил титул палатина Венгерского³⁴. Брак этот был чисто политическим – таким способом Павел пытался укрепить свой временный союз с Австрией.

После свадебных торжеств в ноябре 1799 года Александра Павловна с мужем отправились из Петербурга в Вену. Отец и дочь, словно предчувствуя скорую трагедию, прощались друг с другом со слезами на глазах.

И в самом деле, в Вене молодой супруге брата австрийского императора был оказан холодный прием. Ее третировали и унижали, причем особенное старание в травле дочери русского царя проявила императрица Мария-Терезия Неаполитанская. К тому же в нарушение брачного контракта от Александры требовали перейти из православия в католичество. Австрийцы были обеспокоены тем, что сербы и другие православные – подданные Австрии – толпами приходили на службу, которую для Александры проводил ее духовник отец Андрей Самборский.

Вскоре Александра Павловна узнала, что у нее будет ребенок. Беременность протекала тяжело, у молодой женщины был сильный токсикоз. Врач же, которого прислала к ней в Буду императрица, был груб с пациенткой и не оказал бедняжке практически никакой медицинской помощи. А придворные повара, словно в насмешку, готовили для нее блюда, которые она не могла есть. Александра ослабела и к концу срока беременности напоминала тень.

Роды продолжались несколько часов. Они измучили ее. Когда же акушер понял, что силы роженицы на исходе, он не нашел ничего лучшего, как оставить ее и отправиться за советом к мужу, словно Иосиф был патентованным врачом. Все это кончилось тем, что рожденная Александрой девочка умерла, прожив на свете всего несколько часов. А на девятый день после неудачных родов умерла и сама юная мать. Произошло это 4 марта, то есть позавчера.

Василий Васильевич, который рассказал мне эту печальную историю, лишь разводил руками.

– Понимаешь, Алексей, мне до слез жалко бедную девочку. Но чем мы могли бы ей помочь? Если бы она находилась в Петербурге, то, скорее всего, наши медики спасли бы и ее и ребенка. Но у нас не было никакой возможности вовремя попасть в Буду.

Я не знаю, как сообщить о смерти дочери Павлу и Марии Федоровне. А не сообщать нельзя. Ведь нас тогда заподозрят в неискренности – император знает, что мы прекрасно осведомлены о нашем прошлом, которое их будущее. И если мы начнем от него что-то скрывать, даже из самых лучших побуждений, до добра это не доведет...

И вот именно мне поручили стать «черным вестником», который сообщит родителям о смерти их ребенка. Мне очень не хочется это делать. Но надо...

* * *

7 (19) марта 1801 года. Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Командир лейб-гвардии Егерского батальона генерал-майор князь Петр Иванович Багратион

³⁴ *Палатин* – высшая после короля государственная должность в Венгерском королевстве. Королем же считался император Австрии, а потому палатин именовался еще вице-королем Венгрии. Палатин совмещал функции премьер-министра и верховного судьи королевства.

Гмерточемо!³⁵ То, что я узнал вчера от подполковника Михайлова, просто в голове не укладывается! Откуда эти люди приехали в Петербург и кто они – мой новый знакомый так мне и не сказал. Я понял только то, что прибыли они издалека, и что все они являются рыцарями Мальтийского ордена, который недавно возглавил сам император Павел Петрович.

Подполковник рассказывал мне про какую-то далекую и труднодоступную землю в Тихом океане, где живут потомки русских крестоносцев, переселившихся туда вскоре после падения Иерусалима. Может быть, это и есть та самая легендарная земля Жуана да Гамы, которую давно и безуспешно ищут морские экспедиции?

Судя по чудесному оружию, с которым прибыли к нам эти люди, обитатели далекой провинции ордена Святого Иоанна Иерусалимского обладают удивительными знаниями, неизвестными в Старом и Новом Свете. С помощью небольшой коробочки подполковник Михайлов переговаривался со своими подчиненными на расстоянии, причем их голоса были слышны так, словно они находились в одном с нами помещении.

Только старший этих людей пригласил меня не для того, чтобы продемонстрировать свое грозное оружие и прочие чудесные вещи. По поручению государя я должен был согласовать с подполковником план действий на случай отражения нападения британской эскадры на город и порт Ревель. Я давно подозревал, что наши бывшие союзники ведут двойную игру и ненавидят нас не меньше, чем французов. Поэтому известие о возможной вражеской диверсии меня не удивило.

Меня удивило другое – то, что подполковник со своими людьми (а их у него всего два десятка – я специально его переспросил) рассчитывают не только отбиться от сильной эскадры, возглавляемой таким прославленным флотоводцем, как адмирал Нельсон, но и полностью разгромить ее. Мне показалось, что заявление подполковника – просто попытка обмануть неприятеля. Понятно, что лучше, когда враг считает тебя сильнее, чем ты есть на самом деле. Но зачем же вводить в заблуждение тех, с кем ты вскоре пойдешь в бой?

Да-да, именно мои егеря должны будут принять участие в отражении нападения британцев на Ревель. Я, конечно, заверил подполковника, что солдаты будут сражаться до последней капли крови и скорее умрут, чем отступят хотя бы на шаг. Но судя по выражению лица собеседника, ему не совсем пришлись по вкусу мои слова.

К тому времени в Кордегардию, где располагался штаб подполковника, подошли люди из его команды. Их было немного, но каждый из них, как я понял по выражению их лиц и поведению, уже имел боевой опыт. Поверьте мне, лично поучаствовав во многих сражениях, я могу довольно быстро отличить человека, побывавшего под вражеским огнем, от того, кто хотя и рассказывает о своей храбрости и одержанных победах над врагом, на самом же деле ни разу не слышал визга пуль над головой, лязга сабель и предсмертных криков поверженных бойцов.

Удивительно, но все они знали меня в лицо. И не только знали, но и уважали, вежливо со мной здоровались и всячески выказывали свое почтение. Я же не знал ни одного из них, хотя память на лица у меня отличная. Например, прямо сейчас я бы узнал любого из солдат Астраханского пехотного полка, в котором в 1783 году начинал свою службу под славными русскими знаменами.

Познакомившись с пришедшими, я уселся вместе с ними за стол, заваленный бумагами и картами, и принял участие в своего рода военном совете. Обсуждался вопрос противодействия наглым британцам. Как и их командир, офицеры в странной пятнистой форме были полностью уверены в том, что им удастся разбить неприятеля.

– Поймите, князь, – убеждал меня майор Никитин. – Главная задача наших и ваших людей – нанести неприятелю максимальные потери. На кораблях в порт войти можно, и вред

³⁵ Боже мой! (*груз.*)

большой тоже можно там сотворить. Но ведь и наш флот купно с береговыми батареями сделает все, чтобы этого не случилось. Баталия будет жаркая.

Я полагаю, что при такой ожесточенной пушечной пальбе британцы не рискнут высадить десант прямо в порту. Ведь одно метко выпущенное пушечное ядро может утопить шлюпку с морскими пехотинцами. Поэтому десант неприятель, скорее всего, высадит немного в стороне – где именно, мы постараемся узнать. Но место это не будет защищено нашими батареями. А вот малые корабли англичан с небольшой осадкой, которые, собственно, и доставят десант к месту высадки, смогут поддержать его огнем своих орудий.

Так вот, наша задача – перестрелять десантников, чтобы ни один из них не вернулся на свои корабли. Помните, князь, как поступил при Кинбурне в 1787 году великий Суворов?

Я кивнул, вспомнив блестящую победу Александра Васильевича над турками. Дело тогда было жаркое – турки высадили отборное войско на Кинбурнской косе, собираясь после захвата небольшой русской крепости двинуться на Херсон, чтобы уничтожить там наши верфи со строящимися на них кораблями. Вражеский десант поддерживали турецкие корабли, своим огнем наносившие нашим войскам немалые потери.

Суворов, тогда уже генерал-аншеф, позволил османам высадиться и продвинуться почти до самых стен крепости. Тем самым он добился того, что пушечный огонь с турецких кораблей ослаб. Напротив, наши пушки начали картечным огнем наносить туркам большие потери.

Потом последовала яростная рукопашная схватка. Хотя несколько наших атак поначалу и оказалось безуспешными, но в конечном итоге турки были опрокинуты, а десант прижат к лиману и почти полностью уничтожен.

– Но, господин майор, – сказал я, – вы рассчитываете уничтожить вражеский десант не штыковой атакой, а огнем из ружей. Я вас правильно понял?

– Не совсем, князь. наших стрелков будут поддерживать картечным огнем несколько батарей конной артиллерии.

– Вы имеете в виду лейб-гвардии Артиллерийский батальон, сформированный четыре года назад из бомбардирской роты Собственных Его Величества Гатчинских войск? – спросил я. – В его составе, действительно, есть конная артиллерийская рота. Мне приходилось видеть ее на маневрах – бомбардиры, обученные графом Аракчеевым, стреляют весьма споро и точно.

– Да, князь, именно о ней и идет речь. Эта рота, возможно, усиленная дополнительными легкими орудиями, будет нашим мобильным резервом. Командует ею ваш старый знакомый по Очакову полковник Василий Костенецкий. Артиллерист он отменный, да и в случае рукопашной схватки полковник с его геркулесовой силой может немало дел натворить. Банником он машет, словно тот для него легче дамского веера...

Присутствующие рассмеялись, а я с удивлением посмотрел на них – откуда они знают о Костенецком? Действительно, Василий Григорьевич был силен, как медведь. Он один шутя поднимал пушку, легко ломал подковы, рывком за хвост валил наземь коня.

– А что будут делать мои егеря? – поинтересовался я. – Если надо, они могут ударить в штыки. Правда, я учил их не этому...

– Ваши егеря, Петр Иванович, должны метко стрелять и поражать врага так, чтобы им не пришлось идти в штыковую атаку. Надо только научить их правильно выбирать позицию и время от времени ее менять, чтобы противник не подавил егерей огнем – ведь британские солдаты тоже неплохо стреляют.

А теперь, князь, когда основные вопросы мы с вами вроде бы решили, нам следует отправиться в Михайловский замок, чтобы предстать перед государем и доложить ему наши сообщения. Я свяжусь с его флигель-адъютантом, – тут подполковник Михайлов посмотрел на лежавшую перед ним чудо-коробочку, разговаривавшую человеческим голосом, – и если государь будет свободен, то он непременно нас примет...

* * *

*9 (21) марта 1801 года. Санкт-Петербург.
Герцог Евгений Вюртембергский*

– Хвалю твое упрямство и тягу к совершенству, молодой человек, но для того, чтобы стать похожим на этих славных воинов, тебе придется много заниматься, причем долго и упорно, – улыбнулся герр Патрикеев. – И в первую очередь тебе необходимы хорошее знание русского языка и общая подготовка. Ну, у вас ее называют гимнастикой. Затем тебе потребуются самые разнообразные умения, которые необходимы настоящему солдату.

– То есть «нет»? – уныло спросил я. – Конечно, мне было понятно, что я еще слишком молод и слаб, чтобы сравняться силой и умом со взрослыми. Но ведь и они когда-то были такими, как я, и точно так же мечтали быть похожими на своих учителей.

– Я этого не говорил, – улыбка моего собеседника стала еще шире. – Если ты дашь согласие во всем слушаться своих наставников, то я попробую уговорить его императорское величество. Вот только спрос с тебя будет как со взрослого, и скидок на твой возраст можешь не ждать.

– Я согласен! – радостно выпалил я. – Благодарю вас, что вы готовы дать мне шанс! Обещаю, что я вас не посрамлю!

– Знаю, что не посрамишь, – неожиданно для меня по-отечески произнес седобородый.

Я был на седьмом небе от счастья – мой новый знакомый поверил в меня. В то же время, несмотря на свою напускную браваду, я не был до конца уверен в своих силах.

– Я поговорю с императором, – подытожил нашу беседу герр Патрикеев, – и попробую организовать твое обучение...

А все началось с того, что государь сообщил мне, что среди гвардейских офицеров раскрыт заговор, направленный лично против него. Правда, благодаря советам и помощи людей из будущего, с которыми я впервые встретился на набережной Невы у Арсенала, заговорщики были арестованы, и опасность, угрожавшая не только государю, но всей его семье, миновала.

Узнал я и про готовящееся нападение британского флота на Ревель, а также про то, что таинственные незнакомцы вместе с русскими генералами начали подготовку к отражению неприятельской атаки.

Я знал, что ни император Павел, ни тем более моя тетя ни за что не согласятся на мое участие в этом деле. А мне так хотелось повоевать, и, возможно, даже пролить свою кровь за страну, которая недавно стала моим домом и которую я успел полюбить всем сердцем. И я обратился к господину Патрикееву, который с недавних пор считался советником императора.

Тем же вечером, зайдя в мою комнату, император внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Евгений, сегодня господин Патрикеев передал мне твою просьбу. Как я понял, ты желаешь, чтобы его люди обучили тебя некоторым вещам, которые в нашем мире умеют только они. Я правильно понял его слова?

– Да, дядя, именно это я попросил у него. – С нетерпением и робостью я ждал решения императора.

– Хорошо. Пусть будет все так, как ты хочешь. Господин Патрикеев сказал мне, что он видит в тебе будущего полководца. Говорят, у тебя есть задатки опытного военачальника. Обучение у людей, которые уже успели так много сделать для меня и моей державы, пойдет тебе на пользу. Единственно, Ойген, я немного расстроен и огорчен тем, что ты обратился напрямую к нему, вместо того, чтобы сперва посоветоваться со мной.

– Прошу простить меня, дядя! Просто я очень боялся, что вы ответите на мою просьбу отказом...

– Хорошо, я прощаю тебя и даже не сержусь. Я вижу, что ты не просишь для себя почестей, чинов либо богатств, а хочешь послужить отечеству. И это весьма похвально. Ладно, ступай к господину Патрикееву. Он сейчас в Манеже и ждет тебя...

В Манеже я заметил герра Патрикеева, говорившего о чем-то с пожилым мужчиной и с прекрасной девушкой, на которую я обратил внимание еще тогда, когда впервые встретил этих людей у Арсенала. Герр Патрикеев, увидев меня, приветственно помахал мне рукой. Когда же я подошел к нему, он представил мне своих собеседников. Пожилой мужчина оказался Дмитрием Сапожниковым, а девушка – Дарьей Ивановой. Герр Сапожников обратился ко мне на весьма неплохом немецком:

– Гутен абенд, герр герцог. Я буду вашим инструктором...

– По гимнастике? – обрадовался я.

– Если надо, то и по гимнастике. Но пока я займусь с вами русским языком. А насколько вы сильны и проворны, проверит Даша, – и он указал на прекрасную амазонку.

– Но она ведь фройляйн, – уныло сказал я. Мне вдруг стало обидно – я хотел научиться метко стрелять, фехтовать и вести рукопашную схватку, а мне предлагают доказывать свое умение какой-то там девчонке!

А моя будущая воспитательница неожиданно звонко рассмеялась.

– Фройляйн, говоришь? А давай-ка для начала пробежимся наперегонки вокруг Манежа. Один кружок. И тогда посмотрим, кто из нас проворнее...

Она мчалась как олень, которого преследуют охотничьи собаки. Я в своих ботфортах и панталонах в обтяжку еле-еле пробежал полкруга, когда она, порхая, как ласточка, уже закончила свой бег. Я боялся, что она теперь будет издеваться надо мной, но Дарья лишь сказала:

– Ничего страшного, ведь я была чемпионом школы по бегу на короткие дистанции среди девочек. Ну а теперь давай посмотрим, как ты умеешь драться.

Я оглянулся по сторонам, разыскивая того, кто должен был стать моим соперником. Не с герром же Сапожниковым мне драться. Но тот, улыбнувшись, что-то сказал по-русски моей наставнице. Мне показалось, что он произнес: «А ну, покажи – чему я тебя учил...»

– Фройляйн, скажите, с кем я должен помериться силами? – поинтересовался я.

– Со мной, герр Ойген, со мной, – улыбнулась амазонка.

Она неожиданно подняла согнутые руки к груди и широко расставила ноги.

– Но я не могу поднять руку на даму, – мне стало вдруг не по себе. Как можно было с кулаками набрасываться на такое прекрасное создание?

– Ты попробуй... А может быть, ты вообще не умеешь драться? – улыбнулась Дарья. – Ну, чего ждешь?

Я размахнулся, решив не бить красавицу в полную силу, а лишь обозначить удар. Но неожиданно мой кулак провалился в пустоту, а эта негодница, нырнув под мою руку, довольно чувствительно ткнула меня в бок своим маленьким, но твердым кулачком. Мне стало вдруг обидно, и я решил на этот раз нанести ей удар в полную силу.

И тут наступила минута моего позора. Даша, ловко перехватив мою руку, неожиданно преобольно вывернула ее, одновременно ударив меня своей ножкой по моей голени. Я ничего не понял, но почувствовал, что теряю равновесие. Потом усыпанный опилками пол Манежа стремительно понесся мне навстречу.

– Ну что, продолжим? – спросила амазонка, протягивая руку, чтобы помочь мне подняться.

– Я готов. – Мне было стыдно, что какая-то девчонка победила меня, но в то же время я дал себе обещание – научиться драться так же, как она, и даже намного лучше.

– Ладно, для начала хватит, – произнес герр Сапожников, подходя ко мне. – Я обещаю, Ойген, что ты через полгода ни в чем не уступишь Даше. Если, конечно, не будешь лениться и будешь ежедневно тренироваться.

– Господа, – сказал я, отряхивая со своего мундира прилипшие к нему опилки, – торжественно обещаю вам, что буду самым послушным и самым старательным вашим учеником. Я вижу, что у вас есть чему поучиться...

– Ну вот и отлично, – герр Сапожников одобрительно похлопал меня по плечу. – Я сделаю из тебя настоящего бойца. Завтра в девять часов утра ты снова встретишься здесь с Дашей. А пока мы займемся с тобой русским языком...

И я ушел с ним в небольшой кабинет, где мы начали изучать язык моей новой родины. Я сосредотачивался как мог, запоминая сложные для моего уха словосочетания. Но перед глазами у меня все время стояла Даша – амазонка из будущего. И я понял, что именно она – идеал женщины, которую я хотел бы полюбить, а не все те томные дамы и девушки, окружавшие меня с раннего детства. И я пообещал себе, что сделаю все, чтобы достойно выглядеть в глазах моей прелестной наставницы.

– Герр герцог, не отвлекайтесь! – одернул меня мой наставник. – Скажите-ка мне лучше, как будет по-русски «айн вених»?

– Виноват, герр учитель! – сказал я. – По-русски это будет «чуть-чуть». А за то, что отвлекся от занятий – прошу меня простить. Больше такое не повторится!

Глава 5

Раскаты грома уже слышны

*9 (21) марта 1801 года. Санкт-Петербург. Михайловский замок.
Император Павел I*

Как ужасно болит голова! Боль не отпустила меня даже после того, как я принял пилюлю, которую дал мне мой новый доктор Геннадий Антонов. И это была не обычная мигрень, которая время от времени мучила меня. Похоже, что я старею, и ко мне приходят болезни, обычные для всех пожилых людей.

А ведь мне всего сорок шесть – возраст для мужчины не такой уж и большой. Но сколько мне пришлось пережить за эти годы! И особенно за последние дни. Предсказание старухи-чухонки, появление людей из будущего, известие о заговоре, в котором приняли близкие мне люди, и даже мой родной сын и наследник престола. А тут еще известие о кончине старшей дочери Александры!

Бедная-бедная девочка... Как она, наверное, мучилась перед смертью! И зачем я только дал добро на этот брак?! Как можно было отправить эту невинную и чистую душу в Австрию – страну, которой правят недостойные монархи, подло обманывающие своих друзей и союзников?

Я помнил, сколько зла натерпелся от них князь Суворов во время Итальянского и Швейцарского походов. Австрийские генералы вели себя порой хуже французских. Великий князь Константин, который видел измену австрийцев своими глазами, много рассказывал о коварстве и подлости Вены. Мы всей семьей оплакиваем умершую Александру и ее малютку, которой Господь не дал прожить и одного дня. Нет, больше никаких дел я с этой страной и ее монархами иметь не желаю! Ведь эти мерзавцы, как мне сообщили, даже после смерти не оставили ее в покое.

Хорошо, что при Александре находился ее духовник, протоиерей отец Андрей Самборский. Он и взял на себя все хлопоты по достойному погребению дочери российского императора.

Ведь эти австрияки решили поместить гроб с моей бедной девочкой в подвале капуцинской церкви. Как рассказал мне господин Патрикеев, отец Андрей Самборский так вспоминал о том кошмаре: «Это был малый погреб, имеющий вход с площади, на которой бабы продавали лук, чеснок и всякую зелень, и что сверх продажи оставалось, то они в том мрачном и тесном погребу по денежному найму хранили, отчего там и был пренесносный смрад. Таковое унижение терзало мою душу...»

Верный духовник настоял на том, чтобы Александру похоронили в православной церкви в Офене, или, как его называют венгры, Буде. Попрощаться с ней пришло множество народа. Подлые австрийские каноники распустили слух о том, что моя дочь перед смертью приняла католичество. Чтобы не смущать умы своих подданных, они предложили похоронить ее ночью, словно страшную грешницу или преступницу. Но отец Андрей заставил этих недостойных пастырей провести церемонию похорон и отпевание днем.

Несчастное дитя – за что Господь наказал ее чистую и безгрешную душу! Может быть, за грехи ее родителей? Ведь я часто поступаю не по-божески, даю волю гневу и несправедливо наказываю людей за их поступки, несоизмеримые с наказанием...

Нет, все же Господь не оставил меня и государство, мне врученное. Ведь с помощью посланных Им людей из будущего мне удалось удержать Россию на краю пропасти и не допустить, чтобы недостойные мои подданные совершили страшный грех цареубийства. Я благодарен пришельцам из будущего за все то, что они уже сделали для меня, и за то, что они еще

намерены совершить. Ведь именно с их помощью я обнаружил измену, трусость и обман вокруг себя.

Взять, к примеру, мою бывшую фаворитку, госпожу Лопухину-Гагарину. Ведь я считал, что она искренне любит меня и готова разделить мои чувства к ней. А оказалось, что ею двигало обычное честолюбие и жажда наживы. Став игрушкой в руках моих бывших друзей, возглавляемых графом Кутайсовым, она втерлась ко мне в доверие и стала использовать мои чувства для того, чтобы облагодетельствовать своих родственников и друзей.

Ее отца я сделал генерал-прокурором и князем, мачеху – статс-дамой. В статс-дамы я произвел и саму Аннушку, после того как она вышла замуж за князя Гагарина. Господин Патрикеев рассказал мне, что в их истории после моего убийства супруги Гагарины рассорились, ведь она стала не нужна князю. Сам же он вступил в любовную связь со вдовой графа Валерияна Зубова, а Аннушка изменила ему с князем Борисом Четвертинским. В общем, счастья она так и не нашла и в возрасте двадцати семи лет умерла от чахотки.

Я отправил Аннушку к мужу, а графа Кутайсова удалил от двора, запретив ему появляться в столице. Я не желаю больше видеть его плутовскую физиономию. По мне, так пусть лучше будут честные и открытые враги, чем «друзья», готовые предать тебя в любой момент.

А вот люди, прибывшие в наш мир из XXI века, ничего у меня не просят. Для них главное – служба Отечеству. Сейчас они готовятся отразить пиратский набег британцев на Ревель. Готовятся серьезно, часто советуются с князем Багратионом и графом Аракчеевым. Мы с нетерпением ждем прибытия из Севастополя – по их просьбе я принял решение вернуть прежнее имя этому городу и порту³⁶ – адмирала Ушакова, прославившегося во время взятия крепости на острове Корфу и в ходе Средиземноморской экспедиции.

Совместными усилиями российской армии и флота мы надеемся разбить британцев и навсегда отучить их нападать на владения Российской империи.

Мне весьма приятно и то, что эти люди сумели понравиться всей моей семье. Даже маленький Михаил постоянно просит, чтобы к нему зашла Даша и ее собачка Джексон. А Николай вообще без ума от военных из отряда «Град». Он сходил с Екатериной в Манеж и посмотрел, как они готовятся к предстоящему сражению. Особенно его удивило умение воинов подполковника Баринаова одним ударом руки раскалывать толстые доски и разбивать кирпичи. Я представил себе, что испытают их враги, если они получат такой лихой удар по голове! Николай теперь хочет научиться драться так же, как его новые друзья.

Кстати, драться умеют не только мужчины из будущего, но и женщины. Вчера племянник моей супруги, герцог Вюртембергский, попросил у меня разрешения поучиться приемам ведения боя у воинов подполковника Баринаова. Я не стал возражать и позволил этому толковому молодому человеку поучиться боевому искусству у своих потомков. Он отправился в Манеж, где господин Сапожников и мадемуазель Иванова провели с ним одно занятие.

Оказалось, что дочь уважаемого Алексея Алексеевича – самая настоящая амазонка и владеет оружием и приемами рукопашного боя лучше многих мужчин. Теперь и Евгений, и моя дочь Екатерина без ума от Дарьи Ивановой и мечтают стать хоть немного похожими на нее.

Если сказать честно, то мадемуазель Дарья очень нравится и мне. Я был бы счастлив, если бы она не отказала бы мне в своей благосклонности. И не только как императору, но и как мужчине. Но я не буду спешить, а пока постараюсь добиться от этой изумительной девушки доверия и дружбы.

Очень хорошие отношения у меня установились с доктором Антоновым. Несмотря на свою молодость, он оказался умелым медиком, хорошо разбирающимся в болезнях и взрослых, и детей. А его помощница, мадемуазель Ольга, была опытным акушером. Доктор Антонов

³⁶ Горя желанием избавиться от всего, что напоминало бы ему о деяниях его матери, императрицы Екатерины II, Павел издал указ о переименовании Севастополя в Ахтиар.

сказал, что если бы моя бедная Александра рожала бы не в Буде, а в Петербурге, то, скорее всего, и она, и ребенок осталась бы живы.

– Ваше величество, – сказал он, – в нашей истории ранняя смерть ожидала и другую вашу дочь – герцогиню Мекленбург-Шверинскую Елену Павловну. В сентябре прошлого года она родила сына, названного в честь вас и второго своего деда – Паулем Фридрихом. А вот вторая беременность для Елены Павловны станет роковой. В марте 1803 года она родит девочку, а в сентябре скорострительно скончается в возрасте восемнадцати лет. Было бы неплохо вызвать ее сюда, чтобы она прошла у нас обследование, и мы пролечили бы вашу дочь от той болезни, которая свела ее в могилу.

Я с благодарностью принял предложение господина Антонова и отправил письмо дочери и ее мужу, предложив им приехать в Петербург. О причине, по которой им следовало бы навестить нас, я не сообщил. Написал, что мне просто хочется увидеть внука...

Кроме того, мадемуазель Ольга, как оказалось, была специалистом по женским болезням. Она осмотрела мою супругу и нашла, что прусские доктора, которые пользовали императрицу сразу после рождения моего младшего сына Михаила, нагло обманули и ее и меня. Они заявили, что императрица, дабы не подвергать свою жизнь опасности в случае новой беременности, должна прекратить со мной все супружеские отношения. Господин Патрикеев, ставший моим советником, сообщил, что эти шельмы – прусские доктора – были подкуплены графом Кутайсовым, который таким способом подsunул мне свою креатуру – мадемуазель Лопухину. И теперь я снова воссоединился с императрицей на супружеском ложе. На радостях я наградил мадемуазель Ольгу орденом Святой Екатерины...

Видимо, пилюля, которую дал мне доктор из будущего, все же подействовала. Головная боль, мучившая меня с утра, потихоньку утихала. Я вздохнул и придвинул к себе стопку бумаг, по которым мне следовало принять решения. Императору России приходится трудиться не покладая рук, как праотцу Адаму, которому Господь повелел «в поте лица своего добывать свой хлеб».

* * *

9 (21) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Коновалов Валерий Петрович. Водитель «скорой»

Никогда бы не подумал, что, выехав на обычное дежурство из своего бокса на станции СП, в конечном итоге я окажусь в царском дворце. Ну, не в самом дворце, но с царем, самым настоящим, мне довелось поручкаться и поговорить. Как это все случилось, мне до сих пор непонятно. Но факт налицо – мы с Геннадием и Ольгой очутились в 1801 году.

Вообще-то тут интересно. Люди забавные, говорят прикольно, все одеты как артисты на съемках исторического сериала. Дня три назад к нам приходили портные, обмерили всех и пообещали в самое ближайшее время принести готовую одежду. А приставленный к нам поручик Бенкендорф – тот самый, который в нашей истории стал главой III отделения – сказал, что научит нас правильно надевать камзолы, панталоны и прочую полубабскую шмотку, чтобы мы не сильно отличались от здешнего народа.

Пока же каждый из нас, «попаданцев», как называет всех наших Геннадий, занимается тем, что он может и знает. Вояки обучают понемногу здешних служивых, среди которых даже сам Багратион. Тот самый, который Петр Иванович. Нормальный мужик, не кочевряжится, несмотря на то что он князь. Геннадий с Ольгой лечат больных – даже император Павел как-то к нам приходил, жаловался на боли в желудке. Оказалось, что у него застарелый гастрит, и Геннадий дал царю обезболивающее – анальгин и гастал, который нейтрализует соляную кислоту в желудке. Ольга, которая увлекалась народной медициной, дала царю список средств,

помогающих при болях в желудке. Она же уладила некие женские дела, мешавшие императрице возобновить нормальную половую жизнь. Теперь поутру Павел, сияя как медный пятак, выходит из спальни Марии Федоровны...

– Ну, ребята, – усмехнулся Патрикеев, узнавший о визите Павла к нам, – наживете вы врагов среди здешних лекарей. Они народ корпоративный и чужаков к императорской семье стараются не подпускать. Теперь эти «помощники смерти» на вас будут строчить доносы, распускать гадкие слухи и распугивать ваших потенциальных пациентов рассказами про вашу ужасающую некомпетентность и отсутствие медицинского образования.

– Поживем – увидим, – философски произнес Геннадий. – Я тут послушал одного местного эскулапа, рассказывавшего о лечении обычной простуды, и чуть в обморок не упал. Они кровь всем пускают почем зря и кормят такой дрянью, что поневоле отдашь концы. Думаю, что скоро у нас появятся высокопоставленные пациенты, которые сделают правильный выбор – или получить от нас нормальную медицинскую помощь, или загнуться после долгой и продолжительной болезни, зато под наблюдением модного доктора-иностранца. Только, друзья мои, не надо забывать, что лекарств у нас не так много, и раздавать их направо-налево не следует.

– Угу, – кивнул я. – У нас тут нет ни аптеки поблизости, ни бензозаправки. Кончится горючка – как мы будем ездить, как заряжать аккумуляторы? Мы тут с Димой Сапожниковым на этот счет уже раскинули мозгами. Надо искать выход из создавшейся задницы.

– А что мы можем сделать? – спросил Геннадий. – Попросить у той силы, которая нас сюда закинула, послать нам вдогонку пару наливников с бензином и соляркой?

– Ну, это вряд ли, – усмехнулся я, представив на мгновение, как посреди площади, где проходят ежедневные плац-парады, с неба десантируются два бензовоза, – хотя если поднапрячь извилины и попросить помощи у здешних умельцев, то можно кое-что сварганить.

– А что именно? – заинтересовался Геннадий. – Ты, Петрович, скажи, а я попробую переговорить с императором. Ну и Сапожникова подтяну с Васильичем. Проведем своего рода «мозговой штурм»...

И вот мы вчетвером сидим в библиотеке Михайловского замка. Сам император Павел, Васильич, ставший с недавних пор его «первым боярином», Дмитрий Сапожников и я.

– Господа, – сказал император, – мне доложили, что вам нужна помощь. Я готов сделать все, чтобы вам помочь. Скажите только, что именно следует предпринять?

– Видите ли, государь, – начал Васильич, – наши машины и некоторые приборы работают на топливе, которого сейчас в вашем времени пока нет. Но его можно попробовать сделать. Вы, наверное, слышали про нефть – горючую жидкость, которая вытекает из ям, выкопанных в земле.

– Я читал про нее, – кивнул Павел. – Ее много в Баку – о ней писали участники персидских походов императора Петра Великого и генерала Валериана Зубова.

– Ваше величество, – улыбнулся Васильевич, – нефть есть не только в Баку, но и в коренных русских землях. Еще в 1703 году газета «Ведомости», для которой новости отбирал лично царь Петр, сообщала: «Из Казани пишут, на реке Соку нашли много нефти...». Это первое документальное упоминание о чисто русском нефтяном месторождении. Петр Великий весьма заинтересовался этим сообщением. Он тогда еще не догадывался, какое значение будет иметь нефть в развитии техники, но пользу в открытии источника нефти сразу увидел. «Сей минерал, если не нам, то нашим потомкам весьма полезным будет», – пророчески сказал Петр Алексеевич.

Позднее нефть была найдена и на Севере. В 1721 году о нефтяных источниках в Пустозерском уезде доносил в Берг-коллегию знаменитый русский инженер Григорий Черепанов. Он наткнулся на нее, когда в поисках руды обследовал берега северных рек. На реке Ухте инженер увидел «нефтяные ключи»: на поверхность реки всплывало черное «масло», которое жители собирали черпаками. В 1724 году Черепанов собрал немного нефти и отправил в Берг-колле-

гию. Петр I заинтересовался «посылкой», но в 1725 году царь умер, и о черном ухтинском «земляном масле» забыли на двадцать лет.

– А что случилось потом? – спросил Павел.

– Государь, в нашей хранимой Богом стране немало предприимчивых людей. В 1745 году архангельский купец Федор Прядунов отправился на Ухту и получил разрешение на добычу нефти. Он обязался дважды в год посылать в Санкт-Петербург рапорты о состоянии дел. Свою нефть Прядунов именовал «желтым маслом», и продавалась она в аптеках Санкт-Петербурга и Москвы. Кроме того, в «желтое масло» добавляли растительное, и его использовали для освещения. Но на своем деле купец Прядунов не разбогател, и жизнь его закончилась трагически. За неуплату налогов он был посажен в долговую тюрьму, где умер в 1753 году.

– Да, – вздохнул император, – жаль беднягу. Но если надо, я готов дать деньги тому, кто продолжит дело Прядунова. Только, как я понял, одной нефти вам будет мало. Ведь ваши машины работают на топливе, которое вы называете бензином?

– Именно так, государь. Нефть – это лишь сырье для производства бензина. Но его можно переработать с помощью довольно нехитрых приспособлений.

– «Чеченских самоваров»? – спросил я. – Доводилось мне во время службы в Чечне видеть эти самопальные устройства. С их помощью можно получать условно-годный бензин, который, конечно, будет гробить потихоньку двигатель, но все же в качестве суррогата может для нас сгодиться.

– Ага, – произнес Павел, – я понял вас. Скажите, господин Коновалов, а вы можете нарисовать чертеж этого самого «чеченского самовара», по которому мои мастера изготовят то, что вам требуется?

– С помощью Дмитрия Викторовича, – я кивнул в сторону Сапожникова, – мы такой чертеж нарисуем.

– Государь, – снова вступил в разговор Патрикеев, – а где сейчас находится Иван Кулибин? Тот самый, который сделал часы-яйцо.

– Кулибин сейчас в Петербурге, – ответил Павел. – Я прикажу найти его и отправить к вам. Думаю, что это именно тот человек, который справится с тем, что вы ему поручите...

* * *

*10 (22) марта 1801 года. Санкт-Петербург. Михайловский замок
Иван Петрович Кулибин, механик и изобретатель*

Сегодня утром ко мне пришел дворцовый служитель с запиской, написанной самим императором Павлом Петровичем. В последнее время государь часто заказывал мне различные хитрые механизмы, за которые он щедро платил. Деньги мне были кстати – я продолжал начатые несколько лет назад эксперименты по созданию вечного двигателя. Правда, ничего путного у меня пока не получалось. Казалось, еще чуть-чуть, еще одна попытка – и двигатель, который я называл самоходной машиной, заработает. Но все мои усилия оказывались тщетными. Видно, удача мне изменила – технические сложности, с которыми я когда-то справлялся играючи, сейчас мне не удавалось никак разрешить.

А супруга моя, Авдотья Васильевна, с печалью смотрела на меня, и лишь тогда, когда нужда в деньгах становилась совершенно невыносимой, жаловалась мне на то, что ей порой просто не на что купить еду для нашей большой семьи. Вместо того чтобы тратить заработанные деньги на семью, я расходовал их на свои неудачные эксперименты. Жена моя была совершенно права, но я все же надеялся в самое ближайшее время изобрести наконец свою самоходную машину, которая принесет мне немалый доход.

Так что мой вызов к императору меня обрадовал. Государь наверняка предложит мне изготовить нечто сложное, такое, что он не может предложить сделать иностранным мастерам, которые часто не знают самых известных законов механики.

В своем кабинете император был не один. За столом, заваленным какими-то бумагами, сидели еще двое. Один из них, человек примерно моего возраста, с любопытством поглядывал на меня, время от времени поглаживая короткую седую бороду. Второй, чуть помоложе, взглянул на меня с интересом и что-то шепнул седобородому. Я понял, что это люди нездешние – они были одеты странно, не так, как это принято при дворе царя. Как, впрочем, и я, единственный из подданных государя, которому разрешено было являться во дворец в простом долгополом кафтане и мужицких сапогах. Ну и бороду я не брил, потому что не хотел быть похожим на никонианцев. Как последователь старой и истинной веры, я старался держаться особняком от тех, кто курил табак и играл в карты. Были среди никонианцев и хорошие люди, но от веры своей я не отступал и заставил окружающих смириться с этим. Императрица Екатерина Алексеевна и ее сын Павел Петрович тоже махнули на меня рукой и не старались заставить отречься от старой веры.

Но седобородый не был похож на моего единоверца. Даже борода его еще ничего не значила. В отличие от моей, окладистой и тоже подернутой сединой, она была аккуратно подстрижена, а шея и щеки подбрены.

– Доброе утро, ваше императорское величество, – приветствовал я царя. – Вы хотели меня видеть?

– Да, сударь, – голос у императора был немного хриплым, как у человека, который о чем-то совсем недавно много говорил. – Я хочу представить вас двум моим друзьям – господину Патрикееву и господину Коновалову. Они прибыли издалека и хотели бы заказать вам несколько механизмов, которые понадобятся нам. Я не очень хорошо разбираюсь во всех ваших механических штучках и потому попрошу господ Патрикеева и Коновалова самих рассказать вам обо всем.

«Новые друзья царя?» – я вспомнил, что о них толковали мои знакомые. Правда, они были людьми незнатными, и знать то, что творилось в царских покоях, они доподлинно не могли.

– Иван Петрович, – начал седобородый, которого государь представил как господина Патрикеева, – мы хотели бы заказать вам несколько весьма нужных нам вещей. Первый и самый срочный заказ – это изготовление трех крепких и надежных телег для наших самодвижущихся машин...

Услышав про самодвижущиеся машины, я едва не упал в обморок. Неужели эти люди уже создали вечный двигатель?!

Я дрожащим голосом задал этот вопросу господину Патрикееву, который развел руками и сообщил мне, что вечный двигатель невозможно создать в принципе.

– Поймите, уважаемый Иван Петрович, – участливо произнес седобородый, – наши ученые с использованием законов физики и механики доказали, что двигатель, который, раз приведенный в действие, может работать вечно, противоречит этим самым законам.

Мое огорчение оказалось настолько сильным, что я даже на какое-то время перестал слышать то, что говорил мне этот странный человек. Только пару минут спустя до меня донеслись слова: «Наши экипажи обходятся без лошадей...»

– Позвольте, господин Патрикеев, но я десять лет назад изготовил подобный экипаж для государыни-императрицы, приводимый в движение силой двух лакеев.

– Иван Петрович, наши экипажи приводятся в движение мотором, работающим на бензине. Они могут двигаться со скоростью восемьдесят верст в час и перевозить груз весом больше сотни пудов...

– Этого не может быть! – воскликнул я. – Таких машин еще никто в мире не строил!

– Но тем не менее они есть, – с улыбкой произнес господин Патрикеев. – Не так давно государь изволил лично прокатиться на такой машине. Ну, а если вы продолжаете сомневаться в их существовании, то я вам их покажу. К сожалению, во избежание ненужных толков, пока нет возможности продемонстрировать нашу технику на ходу.

– Хорошо, господа, – ответил я, – допустим, у вас и в самом деле есть такие чудо-машины. Но тогда для чего вам нужны повозки для этих самых машин? Ведь они и сами могут передвигаться в нужном направлении с огромной скоростью...

Господин Патрикеев и господин Коновалов переглянулись с императором. Дождавшись кивка царя, господин Патрикеев сказал:

– Видите ли, Иван Петрович, все дело в том, что бензина, с помощью которого движется наш механизм, у нас не так уж и много. И потому, исключительно для сбережения этого самого бензина, нам и понадобится повозка, на которых наши машины будут следовать до нужного места. Ваша задача – сделать повозку достаточно крепкой и надежной.

«Странно, – подумал я, – что-то тут нечисто. Что это за таинственный бензин, который предназначен для машин новых друзей царя, и почему его у них немного? И, самое главное, где они его брали раньше?»

Видимо, прочитав сомнения, появившиеся на моем лице, господин Патрикеев посмотрел на своего товарища, который до этого скромно молчал и лишь внимательно слушал наш разговор.

– Видите ли, Иван Петрович, – сказал господин Коновалов, – вопрос с бензином – это следующее задание, которое мы хотели бы вам поручить. Нужно будет изготовить нечто вроде перегонного куба, с помощью которого и изготавливается бензин. После того, как такой куб будет изготовлен, бензина у нас будет предостаточно. Я сделал схему этого самого куба, думаю, что вы, с вашим опытом и умом, быстро во всем разберетесь.

Услышать такой комплимент в свой адрес, скажу честно, мне было приятно. К тому же посмотрев на руки господина Коновалова, я понял, что он сам механик, и мне потом, после аудиенции у государя, будет весьма интересно с ним поговорить.

– Хорошо, господа, я согласен. Хотелось бы посмотреть на ваши чудо-машины. Меня интересуют их размеры и вес. Без всего этого трудно будет начать работу над заказанными вами повозками. Заодно вы покажете – что это за штука такая, бензин...

– Сударь, – подал голос император, – вам все это покажут, и вы своими глазами увидите то, о чем вам сегодня здесь рассказывали. Но я предупреждаю вас – вы никому на свете не должны рассказывать о том, что увидите. Это один из самых больших секретов Российской империи.

– Государь, – сказал я, – клянусь сохранить в тайне все, что я узнаю от вас и господ Патрикеева и Коновалова. В чем я готов целовать крест...

– Тогда, Иван Петрович, – сказал господин Патрикеев, поднимаясь со стула, – я попрошу следовать за нами. Думаю, что вы просто сгораете от любопытства...

* * *

10 (22) марта 1801 года. Красное Село под Петербургом.

Капитан ФСБ Рыбин Сергей Сергеевич, позывной «Скат», РСН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Егерь закончил заряжать свой штуцер, подсыпал порох на полку, взвел курок, присел на одно колено и тщательно прицелился. Раздался выстрел. Я наблюдал в бинокль за мишенью – деревянным щитом, приколоченным к столбу, вкопанному в землю метрах в ста от огневого рубежа. Пуля попала в центр щита – я увидел, как брызнули во все стороны щепки.

– Ну что, рядовой старшего оклада³⁷, стреляешь ты неплохо, только вот беда, не применяешься к местности... – сказал я.

Егерь – среднего роста крепыш, с румяным лицом и голубыми глазами – непонимающе уставился на меня.

– Виноват, вашбродь, я не понимаю, о чем вы говорите?

– Послушай, дружище... Кстати, как тебя зовут-то? Да не по званию, а по имени...

– Егором меня кличут, вашбродь...

– Так вот, скажи-ка мне, голубчик, вот выстрелил ты в неприятеля, уложил его, а что потом делать-то будешь?

– Буду штуцер свой перезаряжать, чтобы снова можно было стрелять по супостатам.

– А неприятельские солдаты, они что – будут в это время на тебя любоваться? Или они тоже постараются тебя застрелить?

– Они, конечно, будут в меня стрелять. Я убил одного из них, а теперь очередь его приятелей меня убивать.

– А тебе что, хочется быть покойником? Нет, Егор, только не говори мне, что дело солдатское – умирать за веру, царя и отечество. Ты должен живым остаться, убив как можно больше вражеских солдат. А то, если тебя убьют, кто воевать-то дальше будет?

Егерь озадаченно почесал гладко бритый подбородок. Похоже, что он как-то не задумывался над подобными вопросами.

– Нет, вашбродь, умирать мне как-то не с руки. Ведь у меня в слободе женка есть и двое детишек. Им без меня худо будет. А что я должен сделать-то, чтобы неприятелю меня труднее было убить?

– Во-первых, братец, ты должен стрелять по врагу из-за укрытия. То есть спрятавшись за дерево, избу или еще за что-то, что защитит тебя от вражеского огня.

Во-вторых, чаще меняй позиции. Выстрелил раз, выстрелил два – и перебегай в другое место. Так супостату будет труднее тебя выцелить и застрелить. К тому же ему будет казаться, что с ним воюет большее количество людей, чем их есть на самом деле. Ты ведь знаешь, что когда почувствуешь, что врагов больше, чем своих, то и дух у тебя уже не тот.

– Знамо дело, вашбродь, боязно, когда ты видишь, что неприятеля больше. И руки начинают трястись, и по сторонам поглядываешь – не скоман্দуют ли господа офицеры ретираду. Только при батюшке Александре Васильевиче Суворове не слышали мы этого слова. Ох, как он не любил его!

– А что, Егор, тебе под командованием самого Суворова повоевать довелось?

³⁷ Звание, соответствующее ефрейтору в пехоте, введенное в русской армии Павлом I.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.